

Владимир Алексеевич Волков
Ратные подвиги Древней Руси
Серия «История допетровской Руси»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371247
Ратные подвиги древней Руси: Алгоритм; М.: 2011
ISBN 978-5-6994-8722-6

Аннотация

Военная история Московской Руси, по сути, неизвестна современному читателю. Между тем, это было время, когда наше Отечество, освободившись от татаро-монгольского ига, утверждало себя в многочисленных войнах с восточными и западными соседями. Именно в то время закладывалась основа будущей регулярной русской армии.

Автор собрал в книге огромный фактический материал о ратных подвигах наших предков, большая часть которых стала предметом исторического исследования впервые.

Содержание

Введение	4
Часть 1	44
Глава 1	48
1. Военное противоборство Москвы с Казанским ханством во второй половине XV в. и Русско-ливонская война 1480—1481 гг.	50
2. Русско-литовский пограничный конфликт конца XV в. «Хитрая война» 1492—1494 гг.	58
3. Русско-шведская война 1495—1497 гг.	61
4. Обострение русско-литовских и русско-ливонских отношений на рубеже XV—XVI вв. Война 1500—1503 гг.	64
5. Русско-литовская война 1507—1508 гг.	70
6. Десятилетняя русско-литовская война 1512—1522 гг. Присоединение к Московскому государству Смоленской земли	73
7. Русско-литовская («Стародубская») война 1534—1537 гг.	80
8. Борьба Московского государства с татарскими набегами в первой трети XVI в.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Владимир Алексеевич Волков

Ратные подвиги древней Руси

Введение

На протяжении тысячелетней истории Российского государства приоритетными в деятельности его властителей и правительств оставались вопросы обеспечения защиты и безопасности страны, требовавшие развития и укрепления вооруженных сил. Особенно актуальными эти задачи стали в эпоху образования Московского государства, сложившегося в ходе договорного присоединения и военного захвата сопредельных княжеств и земель. Успех этой объединительной политики обеспечили тщательно продуманные дипломатические акции Москвы и могущество ее войска, уже тогда значительно превосходящего по боевым возможностям вооруженные силы других государств Северо-Восточной и Северной Руси.

Временем больших перемен стали 60—80-е гг. XV в. Иван III, придя в 1462 г. к власти, упрочил союзные отношения с Тверью, Рязанью и Псковом, сокрушил Новгородскую вечевую республику и, бросив вызов Орде, освободил Русь от двухсотлетнего татарского ига. С 1480 г. начинается история независимого Московского государства, самостоятельно определявшего свою внешнюю и внутреннюю политику. Важнейшим инструментом ее оставалась армия, претерпевшая значительные изменения, обусловленные политическим и экономическим укреплением страны, возможностью создания поместного войска – многочисленного дворянского ополчения, налаживания масштабного пушечно-литейного производства. Возросший потенциал вооруженных сил московские государи использовали при отражении набегов и вторжений татарских орд, урегулировании спорных территориальных проблем с Великим княжеством Литовским, Ливонским Орденом и Шведским королевством. Частые военные конфликты способствовали дальнейшему совершенствованию организации русского войска, его управления, вооружения и снабжения. Особенно заметные изменения московская армия претерпела в середине XVI в. и во второй четверти XVII в. При Иване IV в ее составе появились «приборные» войска – стрелецкие и казачьи части, при Михаиле Федоровиче – полки солдатского, драгунского и рейтарского строя.

* * *

В последнее время в российском обществе отмечен значительный интерес к отечественной военной истории, в том числе к событиям рассматриваемого периода. Наглядным проявлением этого стало переиздание ряда работ по истории военного искусства, вооружения, фортификации, публикация новых источников, выход в свет специализированных журналов и альманахов.

Однако ряд ключевых проблем военной истории России остается на периферии научных исследований. Так, почти не привлекают внимания специалистов вопросы изучения основных закономерностей военно-политического развития Московского государства XV—XVII вв., хотя в XIX – начале XX в. такая работа велась систематически. Первым к изучению истории русской армии приступил генерал-майор И.И. Рusanов, составивший около 1792 г. труд «Известие о начале, учреждении и состоянии легулярного войска в России с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были». Трактат Русанова хранился в рукописном виде в Российском государственном архиве древних актов, где и был обнаружен Л.Г. Бескровным, подробно его описавшем в своей книге «Очерки воен-

ной историографии России» (М., 1962). К сожалению, впоследствии уникальное сочинение оказалось утраченным.

В начале XIX в. появились работы, посвященные наиболее известным событиям русской военной истории. Среди них выделяются книги И. Михайлова («Храм славы, воздвигнутый победоносным российским ополчением самодержцу своему царю Иоанну Васильевичу Второму, или Подробное описание всех сражений, бывших между россиянами и казанцами, как под собственным предводительством царя Иоанна Васильевича, так и его военачальников и присоединение Казанского и Астраханского царств к Российской державе со включением множества любопытнейших происшествий, случившихся в продолжение битв, взятые из разных летописцев». М., 1800) и Т.С. Мальгина (Российский ратник или общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 г. М., 1805). Ценность их сочинений снижал существенный недостаток: авторы, использовавшие в качестве источников летописи, в основном воспроизводили содержащиеся в них сообщения, воспевавшие доблесть и подвиги русских воинов.

Новый этап в изучении русской военной истории наступил после обнаружения, изучения и публикации важнейших архивных документов, перевода сочинений иностранных авторов, касающихся организации вооруженных сил Московского государства.

Основываясь на этих материалах, отечественная историческая наука сделала колоссальный шаг вперед. Первое дошедшее до нас специальное исследование русской военной истории, в том числе и московского периода, было предпринято Р.М. Зотовым, автором сочинения «Военная история Российского государства». (СПб., 1839). Приступая к работе, он высказал сомнения в достоверности сведений о древнейшей Руси («грустный скептицизм распространился на нашу историю»), подчеркнув, что только с XII в. содержащаяся в источниках информация несет точную информацию о прошлом и на нее можно положиться. Автор сильно сузил рамки исследования, стремясь: «собрать в одну книгу все военные события России, не входя в политические исследования и прочие подробности, до полной истории государства касающиеся». Придерживаясь выбранной линии, Зотов пошел по пути простого изложения имевших место военных происшествий, часто не объясняя их, хотя признавал, что они самым непосредственным образом были связаны с «подробностями, до полной истории государства касающимися». Примером служит описание крымского нашествия 1521 г. Сообщив о нем, Рафаил Михайлович не отметил факта полной капитуляции московского правительства, вынужденного дать письменное обязательство о выплате дани крымскому хану. Тем не менее следует отдать должное добросовестности автора, который подробно перечислил основные факты, касающиеся войн Руси с Казанью, московско-крымских столкновений, конфликтов с Литвой, Швецией и Ливонией, событий польско-литовской и шведской интервенции начала XVII в., Смоленской войны 1632—1634 гг. Однако им было допущено несколько существенных ошибок. Так, сообщая о противниках Московского государства второй половины XV в., автор, помимо Литвы и Казани называет Крымское ханство. На самом деле Москва и Крым до начала XVI в. являлись союзниками в борьбе с Большой Ордой и Великим княжеством Литовским. Отношения с Казанью знали продолжительные периоды мирных и добрососедских отношений. Совершенно искаженным оказалось у Зотова описание нашествия Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., во время которого царь, якобы, «воображая себя преданным и войском и вельможами, скрылся в Коломну, а татары зажгли предместья Москвы». В действительности Иван IV, после обнаружения опасного прорыва крымской армии через Оку и Жиздру, ушел с «берега» мимо Москвы в Ростов и, опасаясь преследования, собирался отступить в Ярославль. Неточным является утверждение автора о том, что русские ратники «были худо вооружены [и] только пехота имела пищали». В конце XVI в. на южной границе несли службу многочисленные конные дворян-

ские отряды, вооруженные огнестрельным оружием. Приведенные Зотовым размеры окладов начальных лиц полков «немецкого строя» (в «ефимках», получивших распространение после 1654 г.) относятся лишь к краткому периоду Смоленской войны 1632—1634 гг. Позже они были значительно сокращены. Несмотря на эти недостатки, книга Зотова стала заметным событием в деле изучения русской военной истории, так как автор обозначил ряд недостаточно проработанных в отечественной науке проблем.

Почти одновременно с Зотовым попытку осмыслить закономерности развития российских вооруженных сил предпринимают военные историки, преподаватели Военной академии – генерал-майор И.Ф. Веймарн-2 и вице-директор этого учебного заведения Л.И. Зедделер. В 1840 г. была напечатана «Высшая тактика» Веймарна, содержащая обширный раздел, посвященный истории военного искусства, в том числе и русского. Важную роль в развитии военного дела в нашей стране автор отводил Ивану III, отметив, что он «уничтожил многие уделы и, соединив их с Великим княжеством московским, начал давать боярским детям земли, возложив на них обязанность, выставя на случай войны, по требованию правительства, известное число пеших и конных воинов, соответственно обширности пожалованной земли». По достоинству оценены были изменения, произошедшие при Иване IV, учредившем стрелецкое войско и упорядочившем службу воинов дворянского ополчения, при Михаиле Федоровиче, усилившем армию полками иноземного строя. Однако многие выводы и предположения Веймарна оказались ошибочными. Прежде всего, это относится к оценке боевых возможностей стрельцов. Считая служилых людей «по прибору» особым сословием, историк отмечал, что после событий Смутного времени начала XVII в. в их среде «вкоренились» своеволие и буйный дух, что сделало стрельцов «более опасными для своих сограждан, нежели для врагов отечества». Нельзя согласиться с утверждением Веймарна об отсутствии обозов в русском войске, так как воины, якобы, «все необходимое возили за войском на вьючных лошадях». Этим утверждением автор стремился обосновать один из своих главных выводов – якобы имевшее место сходство действий русского, татарского и турецкого войска, но дошедшие до нас документы свидетельствуют о существовании в московской армии обозной службы не только в конце XVI—XVII вв., когда отправлявшиеся в поход помещики заранее (как правило, еще «по зимнему пути») отправляли запасы с «кошевыми» людьми к месту сбора войска, но и в более раннее время. В противном случае было бы невозможно организовать доставку на театр военных действий артиллерии, боеприпасов и сооружений «гуляй-города», первое упоминание о котором относится к 1530 г. Большие обозы сопровождали русскую армию во время Полоцкого похода 1562/1563 гг.; после сражения на реке Уле в 1564 г. литовцы захватили от 3 до 5 тысяч русских повозок. Обращаясь к истории казачества, Веймарн не столько проясняет, сколько запутывает ее. Он считает, что обитавшая на Дону вольница – это азовские казаки, в XV в. совершавшие нападения на русские земли, а в 1549 г. признавшие власть Ивана IV и сделавшиеся для России «надежным оплотом против покушений крымских татар». Контакты между русским и азовским вольным казачеством, безусловно, существовали, но схема Веймарна полностью исключает из сложнейшего процесса образования донского казачества рязанских, мещерских и путивльских казаков, в XV – начале XVI в. уходивших «в молодечество» на «запольные» реки.

Через три года после выхода в свет «Высшей тактики» Веймарна обширный труд «Обозрение истории военного искусства» подготовил и издал Л.И. Зедделер. Вторая часть написанной им книги включала небольшой раздел, посвященный состоянию военного дела в древней и средневековой России. В работе автор использовал документы, опубликованные в «Актах исторических», разрядные записи, сочинения Авраамия Палицына и иностранцев – участников польско-литовской интервенции. Летописями Зедделер не пользовался, черпая фактический материал из сочинений Н.М. Карамзина и Р.М. Зотова, многие наблюдения

которого воспроизвел почти дословно. Учитывая сказанное, обращение Зедделера к проблемам российской военной истории нельзя признать удачным. Ошибочным является его утверждение о появлении при Иване III, в русской армии «гуляй-городов». Как известно, первые сведения о наличии в русском войске таких сооружений относятся лишь ко времени осады Казани в 1530 г. Явно завышена автором численность русского войска при Борисе Годунове, якобы доходившая до 500 тыс. человек. В то же время Зедделер стал одним из первых исследователей, обративших внимание на предпринятую кн. М.В. Скопиным-Шуйским в 1609 г. попытку обучения русских ратников «по правилам, введенным в Голландии принцем Маврикием Нассавским», предусматривающую проведение «примерных боев», устройство окопов и острожков. При всех отмеченных недостатках книги Зедделера и Веймарна выгодно отличались от других военно-исторических работ того времени, полностью игнорировавших специфические черты русского военного искусства. К числу последних относятся сочинения М.И. Богдановича, сосредоточившего внимание на изучении военных аспектов всеобщей истории.

Помимо разработки обзорных курсов истории военного искусства, продолжалось изучение отдельных военных эпох. Наиболее заметной работой стало сочинение Д.П. Бутурлина «История Смутного времени в России в начале XVII в». (СПб., 1839—1846). В отечественной историографии взгляды этого автора, как правило, осуждались и отвергались. Весьма показательную характеристику ему дал известный советский историк Л.Г. Бескровный: «Монархист-реакционер, убежденный противник декабристов, он выступал душителем прогрессивных идей не только в области военной истории». Но, если рассматривать труд Бутурлина беспристрастно, нельзя не отметить с какой добросовестностью автор подошел к работе, используя широкий круг источников, в том числе обширный актовый материал, летописи, записи разрядных книг, сочинения А. Палицына, Д. Флетчера, Ж. Маржерета, С. Жолкевского, С. Маскевича, Г. Паерле, П. Петрея, «Историю» Ю. Видекинда и т. п.

Приступая к исследованию, Бутурлин подчеркнул, что «начало XVII века в России ознаменовано событиями чрезвычайными, кои тем более изумляют нас, что история предшествующего полувека нисколько не приготовляет к оным». Историк противопоставляет времена Бориса Годунова и Ивана Грозного, «неистовствам» которого русский народ «двадцать четыре года сряду безропотно покорялся», и формулирует цель работы – выяснение причин «дивных переворотов» Смутного времени, «важным следствием коих было изменение в общественном устройстве самого многолюдного сословия в России». Поражаясь необъяснимости народного бунта, разорвавшего «узы законной подчиненности», Бутурлин сознательно драматизирует сложившуюся в стране в канун Смутного времени ситуацию, зная ответ на свой вопрос: ситуацию в стране взорвало начавшееся «пагубное для России по последствиям» закрепощение («укрепление») крестьян. Историк связывал его с расширением границ и усилением «бродяжничества» сельского населения. В эпоху мощных социальных конфликтов, потрясающих основы российской государственности, «одна самодержавная власть, сосредоточенная в руках мощного государя, подкрепляемая единодушной преданностью первейших сословий, могла обуздать порождающуюся крамолу и спасти несчастное Отечество». Многие выводы и оценки автора до настоящего времени не потеряли значения. Так, анализируя сообщение Видекинда (заимствованное последним у С. Кoberжицкого) о битве на р. Ходынке, Бутурлин убедительно опроверг приведенную им цифру русских потерь – 14 тыс. человек, показав, что они составили 1400 человек.

Особую ценность сочинению Бутурлина придает публикация приложений – важнейших памятников Смутного времени. К сожалению, изложение событий истории «Великого Московского разорения» начала XVII в. автор оборвал описанием вступления польских войск в Москву в сентябре 1610 г. Организация земских ополчений Смутного времени и

перипетии освободительной войны русского народа против польско-литовской и шведской интервенции остались за пределами работы Бутурлина.

В середине XIX в. проблемы военной истории начинает разрабатывать И.Д. Беляев. В известных работах «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича». (М., 1846) и «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим». (М., 1846) исследователь затронул важнейшие вопросы организации охраны и обороны границ Московского государства, попытался определить принципы комплектования армии и вспомогательных частей, порядок службы ратных людей, коснулся изменений, произошедших в вооруженных силах России в 30—40-х гг. XVII в. В целом выводы Беляева сохранили значение и в наше время. Им впервые, задолго до публикации полного текста, был введен в научный оборот «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», разработанный в 1571 г. под руководством М.И. Воротынского, определены маршруты движения станичных дозоров и места расположения сторожевых застав, историк зафиксировал изменения, произошедшие в организации станичной и сторожевой службы на рубеже XVI и XVII вв. Строгое следование фактам, почерпнутым в документальных памятниках изучаемого периода, уберегли Беляева от опасного стремления дополнить сохранившуюся в источниках информацию собственными предположениями. Его заключения точны и безукоризненны. Их трудно опровергнуть, но можно дополнить новыми материалами, неизвестными в середине XIX в. Работая над книгой о русском войске XVII в., Беляев обратил внимание на его состав, комплектование, снабжение и вооружение, продемонстрировав прекрасное знание предмета и понимание важности поднимаемых проблем. Военные историки того времени были далеки от этого, отдавая предпочтение изучению деятельности полководцев. Даже полвека спустя, ряд разрешенных Беляевым вопросов, например о поместных и городских казаках, боевых холопах, сражавшихся вместе с помещиками, воспринимался историками «в погонах» (Д.Ф. Масловским, А.К. Баиовым) в совершенно искаженном виде.

Заметным явлением в развитии российской военной историографии стали работы Н.С. Голицына. Особый интерес представляет его фундаментальный труд «Русская военная история», вторая часть которого («От Иоанна III до Петра I», Ч. 2. СПб., 1878) касается проблематики настоящего исследования. Автор широко использовал летописи, мемуары и дневники иностранцев, записи Авраамия Палицына и С.И. Шаховского. Впервые при изучении русской военной истории он попытался привлечь сведения о состоянии вооруженных сил соседних стран и народов, находившихся во враждебных отношениях с Московским государством. В отечественной историографии Голицына справедливо упрекали в преувеличении роли заимствований в развитии русского военного искусства, однако, ему удалось дать достаточно полное описание русской армии и многих «замечательнейших» войн и походов, в которых она участвовала.

Слабейшим элементом военной организации Московской Руси Голицын считал сформированное при Иване III дворянское ополчение, действия которого влекли «больше недостатков и невыгод, нежели достоинств и выгод». В качестве главного аргумента отсталости существовавшей в стране в XVI—XVII вв. военно-поместной службы историк использовал опыт развития вооруженных сил европейских государств, где «ленная служба уже окказала полную несостоятельность и была заменена содержанием постоянных войск на жалованье». Временем создания поместного войска автор определил 1500 г., когда была проведена раздача земельных владений в условное держание детям боярским. По мнению Голицына, военные возможности Московского государства ослабляло и «вредное местничество между боярами и воеводами», являвшееся следствием монголо-татарского ига, благодаря которому русское военное дело приобрело «характер более азиатский и, уступая западноевропейскому, находилось, в сравнении с ним, на низкой степени совершенства».

Важнейшей ошибкой Голицына, воспринятой многими русскими историками, было утверждение о существовании в русской поместной коннице подразделений, называвшихся «десятнями», которые включали всех служилых людей, причисленных к городу. «Десятни», по мнению автора, во время похода вливались в состав собравшейся рати и состояли «под начальством дворянина, а иногда и стольника». Следует отметить, что в документах XVI—XVII вв. упоминание о «десятнях» как боевых частях не встречается. Крупные отряды, высланные против врага и не входившие в состав полевой армии («полков»), именовались «сотнями».

Описывая вооружение русских воинов, имевшиеся у них подвижные укрепления типа «гуляй-города», засечные сооружения Голицын, как правило, точен в деталях. Однако несколько ошибок он допустил. Так, название «затинной пищади», историк производит от слова «затин» — «заряд» (на самом деле — от слова «тын» — «стена»). Более существенной является ошибка автора при определении начала засечного строительства на юге России. Он полагал, что оборонительные сооружения появляются здесь при Иване Калите, который, по словам Голицына, «укрепил засекой границы от Оки до Дона и от Дона до Волги». Более того, именно эту линию автор считал Белгородской чертой, в действительности построенной лишь в 30—50-х гг. XVII в.

Рассмотрев ход русских войн XV—XVII вв., Голицын пытался обосновать ряд тезисов, с которыми историку трудно согласиться. К их числу относится заявление о том, что победа русского оружия в Ведрошской битве «не имела никаких последствий». Вряд ли можно считать безрезультатным разгром лучшей литовской армии и пленение ее командного состава во главе с князем К.И. Острожским. Достаточно полно освещая военную историю Московского государства, описывая крупнейшие сражения XVI—XVII вв. (помимо Ведрошской битвы 1500 г., автор подробно рассказывает о сражениях под Оршей в 1514 г., при Молодях в 1572 г., близ урочища Узруй в 1604 г., под Добрыничами в 1605 г., об осадах Смоленска (1514), Казани (1552), Нарвы (1558), Полоцка (1563), об обороне Пскова и Псково-Печерского монастыря (1581), Троице-Сергиева монастыря (1608—1610) и др.), все же ряд битв того времени Голицыным не указан. К их числу относятся бой с литовцами у деревни Овлялицы на р. Уле, где в январе 1564 г. потерпело поражение войско кн. П.И. Шуйского, многие другие сражения Ливонской войны, Русско-шведской войны 1554—1557 гг., Смутного времени, особенно периода восстания И.И. Болотникова и Лжепетра.

На рубеже XIX—XX вв. фактором, предопределившим дальнейшее развитие русской военной истории, стало появление двух научных школ, представители которых придерживались противоположных взглядов на закономерности развития военного дела и, доказывая свою правоту, развернули ожесточенную полемику между собой. Направление, объединившее последователей Г.А. Леера, получило название академической школы, создателем другого (русской школы) стал Д.Ф. Масловский.

В науке не сложилось единой точки зрения на причины, породившие размежевание российских военных историков на «академистов» и «русское» направление. Попытка объявить последователей Леера реакционерами, сторонниками царизма, а их оппонентов — представителями передовой и демократической военной мысли, была убедительно опровергнута В.О. Дьяковым. Проанализировав концептуальные работы деятелей обеих школ, он показал, что все видные историки последней четверти XIX в. принадлежали к официальному направлению русской военной историографии, считая, сильную монархию лучшей формой правления для развития отечественных вооруженных сил. Не совсем точным является утверждение Л.Г. Бескровного о том, что одно из главных отличий «академистов» от сторонников Масловского кроется в их убеждении о зависимости русского военного искусства от опыта, привнесенного варягами, византийцами, монголами, немцами, французами и др. иностранцами. «Академисты» действительно являлись приверженцами теории «единой столбовой

дороги в военном искусстве», но не отвергали своеобразие военной организации России допетровского времени. Об этом свидетельствуют высказывания виднейшего представителя «академической школы» П.О. Бобровского. Он признавал русскую поместную конницу «главным родом национальных войск», подчеркивал, что до конца XVII столетия «в государстве существовали две системы вооруженных сил, *старая* поместная или русская <...> и *новая* – иноземная». Тем не менее возникновение первой исследователь связывал с влиянием «начал византийских и монголо-татарских», а второй – с влиянием западноевропейских новаций. С другой стороны, хорошо известно резкое выступление примыкавшего к «русской школе» А.К. Пузыревского, протестовавшего против доводов Н.П. Михневича, первым заговорившего о существовании самостоятельного русского военного искусства. Возражая ему, Пузыревский задает риторический вопрос: неужели «удалось розыскать какие-то особые основы русского военного искусства, чуждые всякому другому, не русскому военному искусству?» Далее он делает вывод о невозможности такого разделения, приводя не совсем удачный пример с математикой, где не существует национального элемента. Ниже Пузыревский говорит о формах проявления военного искусства, которые «могут носить, и в большинстве носят национальный характер». Окончательно запутывает дело воспроизведение им тезиса Михневича о «превосходстве нашего (т. е. русского. – В.В.) военного искусства над европейским в разные эпохи».

Трудности с определением существа расхождений приверженцев вышеназванных школ дали основание Г.П. Мещерякову считать произошедшее разделение искусственным, так как «взгляды Д.Ф. Масловского на задачи, содержание, методы военно-исторической науки принципиально не отличались от взглядов Г.А. Леера». Согласиться с подобным утверждением нельзя. Представители двух соперничающих направлений по-разному определяли роль науки в развитии «практического» военного дела, вели жаркие дискуссии о важности материально-технических средств и духовно-нравственных факторов в деле боевой подготовки военнослужащих. В поисках аргументов, подтверждающих собственную правоту, «академисты» и сторонники «русской школы» обращались к событиям военной истории. Анализ их концептуальных высказываний, доводов и используемых примеров позволяет утверждать, что главным пунктом расхождений стал вопрос о возможности создания универсальной военной науки, способной «подвести частные явления под общие законы». Убежденными сторонниками необходимости теоретического обоснования всех аспектов военного дела являлись Г.А. Леер и его последователи. В своих построениях они использовали материалы, полученные в ходе изучения войн и военных конфликтов прошлых веков, но лишь для подтверждения достаточно умозрительных гипотез. Военной истории Леер отводил роль лаборатории военной науки, разработав критико-исторический метод исследования, ставивший цель научного поиска в зависимости от необходимости теоретического определения основных закономерностей военного искусства. Один из его учеников П.А. Гейсман полагал, что «вечные и неизменные принципы» организации вооруженных сил и ведения военных действий «были прежде, суть теперь и будут представлять и впредь нечто иное, как руководящие основания в деле решения вопросов, подлежащих военному искусству, как практическому делу» («Гейсман П.А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Ч. 1. СПб., 1893. С. 1). Далее он писал, что изучение теории и практики вооруженной борьбы должно идти параллельно с исследованием истории развития народов и обществ, в противном случае «неполнота изучения и освещения будет иметь следствием узость взглядов и односторонность или недостаточную многосторонность заключительных выводов». Однако если исходный материал не укладывался в разработанные «академистами» схемы, Гейсман легко отказывался от его использования в своих работах. Так, из второго издания «Краткого курса военного искусства» он исключил все примеры, касающиеся российской истории, объяснив это следующим образом: «Сопоставление гене-

ралов русских с западноевропейскими, войн России с войнами других государств и т. п. совершенно бесполезно. На этом пути невозможно добиться сколько-нибудь удовлетворительных результатов, сколько-нибудь определенных выводов». С утверждением Гейсмана не согласился еще один представитель «академической школы» П.О. Бобровский, постоянно обращавшийся к изучению организации вооруженных сил в Московском государстве XVI и особенно XVII вв. Столь пристальный интерес к эпохе, предшествующей коренной перестройке русской армии, начатой Петром I, объяснялся стремлением опровергнуть существующее в науке утверждение о том, что военно-правовые установления первого российского императора имели исключительно иноземный характер, так как он заимствовал лишь то, что могло прижиться в России. В наиболее полном виде взгляды Бобровского представлены в работе «Переход России к регулярной армии», где изложение конкретного материала предваряет весьма характерное заявление автора: «Сопоставляя события отечественной истории с соответствующими явлениями на Западе в переходную эпоху военного искусства, нельзя не заметить неизбежности у нас перелома в устройстве и содержании войск за многие десятки лет до начала великой северной войны». Значительную часть процитированной работы «Переход России к регулярной армии» (СПб., 1885) Бобровский посвятил изучению состава, комплектования, вооружения и обучения армии Московского государства. В отличие от предшественников им были использованы не только нарративные источники, но и официальные документы, опубликованные в многотомных сборниках «Собрание государственных грамот и договоров», «Акты археографической экспедиции», а также «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки» Онисима Михайлова и «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Однако содержащуюся в источниках информацию Бобровский использовал весьма односторонне, привлекая только факты, свидетельствовавшие о неудовлетворительном состоянии вооруженных сил России в допетровское время.

Основной причиной слабости московской армии он считал иррегулярный ее характер. «Боярский сын, стрелец, пушкарь, – писал Бобровский, – в одно и то же время был и воином и гражданином. По окончании войны помещик – сын боярский, дворянин, складывал свое оружие и обращался в сельского хозяина или чиновника; стрелец или городской казак принимался за прибыльный для него промысел, или отправлялся торговать за прилавок». Временной являлась и служба «войск позднейшей формации» – полков солдатского, рейтарского и драгунского строя, появившихся в России в XVII в. Несмотря на вооружение военнослужащих этих частей иноземным оружием и обучение их строевым приемам, они, по мнению Бобровского, «не выделялись из остальной массы народонаселения», так как после окончания похода распускались по домам, «в мирной обстановке не отличаясь от поселян и посадских, занимались хозяйством, промыслами, чем могли». Вследствие такой организации службы, они «военного дела не знали». Категоричность формулировок Бобровского приводит к серьезным ошибкам. Нельзя согласиться с заявлением автора о том, что «почти все начальники и офицеры разных родов войск, не исключая и иноземцев, обращались в помещиков». Как правило, поместный оклад получали «немцы», принявшие православие, так как правительство запрещало иноверцам приобретать земли, населенные православными людьми. В архивных документах постоянно упоминаются «поместные» и «кормовые» иноземцы «разных чинов».

П.О. Бобровский обратил внимание на значение службы тяглых людей, в случае большой военной опасности привлекавшихся на помощь дворянскому ополчению, однако сделанный историком вывод грешит прямолинейностью. Он полагал, что «города обороняли служилыми «посадками» (?) или черными людьми, засечные линии – подымными» людьми. В действительности, в случае вражеского нападения в отражении его принимало участие все

население близлежащего к атакованному рубежу или городу уезда. Посошные и даточные люди участвовали в военных действиях, включаясь в состав походных ратей.

Представители «русской школы» не разделяли убеждения «академистов» в возможности создания универсальной, единой для всех времен и обществ военной науки, стараясь доказать, что моральное состояние войск, боевой опыт и традиции более важны для военной практики, чем техническое изменение средств вооруженной борьбы. Первостепенную роль в понимании ценности «духовного элемента» сыграли занятия русской историей, показавшие значительные различия в организации вооруженных сил стран Запада и Московского государства. Основоположником нового направления стал профессор Николаевской академии Генерального штаба Д.Ф. Масловский, автор первого академического курса истории русского военного искусства («Записки по истории военного искусства в России». Вып. 1—2. СПб., 1891—1894). Повторив ставшее к тому времени аксиомой утверждение о том, что «Петр Великий резко видоизменил направление военного искусства в России», историк поставил перед собой цель «обратить более серьезное внимание на значение допетровского времени, выяснить коренные особенности русского военного искусства этого периода, историческую подготовку к реформам». Он полагал необходимым выяснить «национальные особенности ведения войны и боя», ибо только так можно было установить степень «участия народа в деле самозащиты и тем облегчить разумное пользование средствами земли, искони готовой отдать все нужное своей национальной армии». Отличительную черту организации вооруженных сил Московского государства Масловский видел в основополагающем принципе устройства русских войск в виде поместной системы, которая, по мнению автора, имела глубокие и прочные корни в русской истории, окончательно сформировавшись к середине XVI в. К поместным войскам Масловский относил дворянскую конницу, городских казаков, стрельцов, людей «пушкарского чина» и подразделения иноземного строя. При этом он исходил из ложной посылки получения всеми служилыми людьми поместных участков, которые являлись основным видом вознаграждения, в дополнение к которому стрельцы и казаки получали денежное жалованье. Хлебной казной, по мнению историка, жаловались лишь московские стрельцы. Это утверждение Масловского, воспринятое его последователями, в корне ошибочно. Действительно, в составе стрелецких и казацких гарнизонов находилось известное число воинов, несших службу «с земли», но еще больше стрельцов и казаков «служили с денежного и хлебного жалованья». Так, по «Росписи» Стрелецкого приказа 1631 г. земельными участками были «устроены» служилые люди «по прибору» в 27 южных городах. В 33 городах стрельцы несли службу только «с денежного и хлебного жалованья, еще в 8 городах (по преимуществу в южных и юго-западных уездах) часть гарнизона обеспечивалась земельным, другая — денежным и хлебным жалованьем. Стрельцы, находившиеся в Москве, Пскове, Ярославле, Костроме, Великом Новгороде, Вязьме, Переяславле-Рязанском земельных дач не получали. Как видно из сохранившейся «Росписи», говорить о стрельцах и городских казаках как о «поместном войске» не приходится, да и хлебное жалованье получали не только московские, но и городские стрельцы и казаки, но в значительно меньших размерах по сравнению с воинами столичного гарнизона.

Масловскому удалось дать достаточно полный и точный обзор организации станичной и сторожевой службы на южных, западных и северо-западных границах, где в середине XVII в. были размещены поселенные драгунские полки. Разбирая характер службы войск, привлекаемых к обороне рубежей, историк высказал спорное с нашей точки зрения мнение о том, что находившиеся в некоторых южных крепостях «конные стрельцы были те же пешие, но посаженные при надобности на лошадей». Единственным исключением являлись астраханские конные стрельцы, да и то только потому, что в Астрахани не было городских казаков. Утверждение Масловского нельзя признать корректным. Действительно, городских казаков в Астрахани не было, однако их с успехом заменяли служилые татары. Так,

по архивным документам в 1629 г. в городе было помимо 92 детей боярских, 1 тысячи конных и 2 тысяч пеших стрельцов и 50 пушкарей, 900 едисанских татар и 2 тысячи ногайцев. Кроме Москвы и Астрахани конные стрельцы входили в гарнизоны Оскола, Елифани, Терков, Казани, Черного Яра, Царицына, Самары, Уфы и Саратова. Считать их, следуя Масловскому, ездящей пехотой нет оснований.

Части, составленные из иноземцев, Масловский также причислял к поместным войскам, отмечая, что «в Московском государстве иноземцами не только не чуждались, но, напротив, охотно пользовались их услугами для удовлетворения практическим нуждам страны, прежде всего потребностям военного дела». Уже в первых годах XVI в. в Москве находилось не менее 1500 иностранцев, преимущественно артиллеристов и техников, объединенных в отдельный «полк». Многократно умножилось число чужеземных военных специалистов в XVII в., когда в России появились части, обученные и вооруженные по европейским образцам. Масловский правильно подчеркнул, что, несмотря на исключительное положение, занятое иностранцами в полках «нового строя», большинство рядовых в них составляли русские солдаты и драгуны, набранные из беспоместных детей боярских и «охочих людей». Тем самым он первым из русских военных историков опроверг устоявшееся ранее убеждение, что «царь Михаил Феодорович, видя ненадежность [московского] войска, в трудной борьбе с Польшей, неоднократно набирал в Швеции, Англии и Голландии целые пехотные полки, и усиливал ими свое войско». Масловский отметил, что новые полки формировались в России, а в 5 первых полках, общей численностью 9500 человек, несли службу 6500 русских солдат, рейтар и драгун. Правильно определив место иностранных специалистов в вооруженных силах Московского государства, исследователь продолжал упорно доказывать поместный характер полков «нового строя» на том основании, что их командный состав получал за службу поместья и вотчины. Сейчас уже доказано – значительная часть офицеров не версталась поместными окладами, получая большое денежное жалованье, первоначально значительно превосходившее содержание командного состава стрельцов, городских казаков и сотенных голов дворянского ополчения.

В общую поместную систему, по мнению исследователя, не вписывались лишь воины, рекрутируемые на службу из числа тяглого населения. Масловский объединил их в разряд, названный «пешие и конные *даточные*», что для XVII в. следует признать соответствующим истинному положению дел. Историк в самых общих чертах коснулся вопроса их комплектования, предположив, что из них составлялись крупные воинские соединения. По его утверждению, «эти войска формировались из обязанных крестьян, взятых от помещиков, обществ и учреждений, которые не пользовались никакими льготами поместных войск». Он отметил генетическую связь даточных людей с древнерусскими «воями» – земской армией, «формировавшейся рядом с княжеским дружинами лишь в некоторых только случаях, но стоявшей совершенно особняком от первых и тоже не пользовавшихся никаким вознаграждением, служившим только для защиты своей земли». В то же время автор крайне негативно оценил боевые возможности и вооружение военных слуг, «выходивших в поле с дворянами». Вопреки свидетельству Григория Котошихина, Масловский полагает, что они не участвовали в основных боевых операциях, неся «отдельную службу: по сопровождению обоза, по фуражировкам и т. п. второстепенным действиям», а также по уходу за конским составом». Между тем, Котошихин различал боевых холопов и «кошевых людей», находившихся при обозах и лошадях, отметив, что в боях военных слуг от дворян «не отлучают и [они] бывают с ними вместе под одним знаменем». Архивные документы подтверждают правоту Котошихина. Десятни и разборные книги упоминают отдельно кошевых людей, сопровождавших служилых людей «в кошу, на возу» и отдельно боевых холопов, выступающих в поход на конях с саблями, саадаками и огнестрельным оружием. Наконец, следует привести самый убедительный с нашей точки зрения аргумент: сами власти при мобилизации дво-

рян на службу различало боевых холопов и кошевых людей, что несомненно было связано с их предназначением. Говоря о вооружении дворянских людей, Масловский писал о его «ничтожности». По его мнению, военные слуги имели лишь сабли, луки, «а иногда и просто рогатины». Это утверждение не соответствует действительности. Боевые холопы часто были вооружены лучше дворян, в том числе и огнестрельным оружием. Впрочем, это обстоятельство выяснилось позже, после разбора десятиен.

Не вызывает возражений проделанный Масловским анализ организации сторожевых застав и «поддержек», выставляемых по рубежу из южных так называемых «украинных» городов. Ценным является наблюдение, что отряды эти всегда были «с огненным боем». Рассматривая изменения, произошедшие в системе охраны порубежья в XVII в., исследователь отметил, что с 1640-х гг. правительство стремилось «заселить границу целыми войсковыми частями служилого населения», подтверждая такой вывод бесспорным примером учреждения поселенных драгун в Комарицкой и Олонецкой волостях. Не потерял своего значения сделанный им детальный разбор ряда неизвестных операций, в том числе действий русских войск под Смоленском в 1614 г. и при отражении крымского набега 1623 г.

Ученики и последователи Масловского развивали и дополняли его теории, касающиеся военной истории Московского государства допетровского времени. Исключением является один из наиболее ярких представителей «русской школы» А.К. Пузыревский, разделявший взгляды Масловского на теорию и практику военного дела, но не признававший большого самостоятельного значения национальных форм отечественного военного искусства и отказавшийся от их изучения. Он полагал, что внимание историков должно быть сконцентрировано на постижении народа и государства, являвшегося «наиболее полным выразителем военного искусства данной эпохи». Это обстоятельство позволило Л.Г. Бескровному утверждать, что исследователь «занимал промежуточное положение между «русской» и «академической» школами». Более осторожный В.О. Дьяков писал о «колебаниях» Пузыревского в 80-х гг. XIX в., но признавал его истинным представителем «русской школы», утверждая, что свои «колебания» историк полностью изжил. Утверждение Дьякова не точно, столь же критично по отношению к национальному элементу в военной истории Пузыревский высказывался на рубеже XIX и XX вв. в рецензии на книгу Н.П. Михневича «Основы русского военного искусства» (ж-л «Разведчик», 1898. № 426. С. 1087—1088).

Другие последователи Масловского были настроены более позитивно в отношении отечественных «форм военного искусства». Важный шаг в разработке проблемы перехода русской армии на европейскую систему чинов был сделан А.З. Мышлаевским, известным публикатором документов, посвященных истории русской армии начала XVIII в. В работе «Офицерский вопрос в XVII в» (СПб., 1899) исследователь пришел к очень важному выводу, что до появления в России иноязычных обозначений служебных разрядов командного состава в нашей стране «за исключением звания воеводы, которое являлось общим термином, а потому приравнялось и к административным должностям, все прочие звания были исключительно строевыми, <...> каждому званию соответствовала вполне определенная строевая обязанность, вытекавшая из сущности организации войск». Он полагал, что «старорусская система офицерских должностей представляет весьма поучительный образец умеренного, строго соображенного с действительными потребностями [благодаря чему удалось избежать], нагромождения в войсках начальственного элемента».

Появление в Московском государстве воинских частей, обученных и вооруженных на европейский манер, вынудило правительство ввести чины полковника, подполковника, майора, капитана (ротмистра), поручика, прапорщика. Затронув тему чинопроизводства, Мышлаевский установил, что, если первоначально право производить в любые офицерские чины по своему усмотрению имели старшие начальники из иноземцев, то в середине XVII в. их

возможности ограничили – даже «генералиссимус» Шарль Эргард в 1656 г. мог самостоятельно производить офицеров в чины не выше майора.

Автор допустил ряд небольших неточностей, несколько снижающих значение его труда. Так, высказав предположение, что Приказ сбора ратных людей являлся «или прототипом или составной частью Иноземного приказа», созданного в 1628 г., Мышлаевский описывает деятельность Приказа сбора ратных людей как самостоятельного учреждения в 1639 г. В действительности Иноземский приказ известен с 1624 г., предшественником его был Панский приказ.

Младшими представителями «русской школы» были А.К. Баиов и А.Г. Елчанинов. Первый в своих работах попытался дать общую картину развития русского военного искусства с древнейших времен, определить его закономерности, показать наиболее характерные черты в разные исторические эпохи. Военная история Московской Руси была прослежена в 1-м выпуске «Курса истории русского военного искусства», озаглавленном «От начала Руси до Петра Великого». Выполняя пожелание Конференции Николаевской академии Генерального штаба, рекомендовавшей описать состояние военного дела в России в XVII в., для формирования у слушателей академии сознательного отношения к реформам Петра Великого, Баиов расширил хронологические рамки «Курса», пояснив, что «военное дело, каким оно было в XVII столетии, в значительной своей части сложилось еще в XVI столетии, а основы получило даже гораздо ранее; с другой стороны несомненно, что обзор состояния нашего военного искусства, с первых же дней существования Руси, для нас, русских, должно представлять собой значительный интерес, сообщая этим сведениям полноту, систематичность и цельность, тем более, что и в самой седой нашей старине есть немало поучительного даже и для настоящего времени».

Баиов считал, что основы военной организации Московского государства были заложены при Иване III, который действовал вполне осознанно, стремясь иметь не только «сильную и многочисленную армию, но и армию, однообразную по составу, вполне национальную, проникнутую высоким чувством патриотизма, основанного на сознании принадлежности к великой нации, составляющей единое могущественное государство, на любви к этому государству, на преданности своим государям и приверженности своей религии». Такая армия необходима была Ивану III для включения всей Русской земли в состав его «вотчины» и получения выхода к морю, «из которого был бы свободный выход». Реализация этих замыслов привела к возникновению вековой борьбы Руси и Польши.

Автор полагал, что в XVI в. в Московском государстве была создана стройная и сложная система поместного обеспечения воинской службы, при которой служилые люди «по отечеству» делились на два разряда: «к первому принадлежали высшие чины, владевшие поместьями близ Москвы, а также выборные из других городов. Этот разряд составлял Московский двор. Второй разряд состоял из низших чинов, владевшие поместьями вдали от Москвы, преимущественно там, где служили, и называвшиеся городовыми или уездными дворянами и детьми боярскими». Знакомство с документами показывает, что историк упростил ситуацию. Все уездные корпорации дворян и детей боярских делились на три разряда: «выборных», «дворовых» и «городовых» детей боярских, различавшихся по характеру службы и ее обеспечению. Как и Д.Ф. Масловский, Баиов причислял к поместным войскам стрельцов, поместных и городских казаков, людей «пушкарского чина» (пушкарей, затинщиков, воротников, казенных плотников и кузнецов); выделяя последних в «отдельный цех».

Разбирая условия службы дворян и детей боярских, исследователь полагал, что все они делились на 3 статьи, однако в источниках встречаются случаи верстания служилых людей на большее и меньшее число статей.

Условия верстания и службы воинов дворянского поместного ополчения Баиовым были тщательно исследованы особенно тщательно. Проанализировав их, историк пришел к

обоснованному выводу, что получаемые служилыми людьми поместные и денежные оклады «не всегда соответствовали действительным дачам и были связаны с характером и ходом самой службы». В более привилегированном положении находились «люди высших чинов, постоянно занятые столичной службой или ежегодно мобилизуемые». Только они получали назначенные денежные оклады «сполна и ежегодно», а городовые дети боярские получали жалованье «один раз в три, четыре, а то и пять лет». Служилым людям, занимавшим приносившие доход должности, а также освобожденным от воинской службы, деньги не выплачивались или выплачивались «с убавкой».

Внимание Баиова привлекли условия верстания «нови́ков». Исследователь показал, что оно производилось двумя способами: «в отвод» и «в припуск». Первый из способов осуществлялся в отношении старших сыновей, зачислившихся в уездную корпорацию при служившем отце. Таких «нови́ков» наделяли особыми поместьями из резервного земельного фонда. Младший сын, начинавший служить позже братьев, заменял постаревшего отца и «припускался» в его поместье, а после смерти родителя наследовал отцовскую поместную «дачу». Заключение исследователя нуждается в небольшом уточнении. Как правило, вступающий в службу «новик» получал в поместье не все владение отца, а лишь его часть. Так, в 1638 г. по челобитной бежицкого помещика Ф.А. Бешенцова, из-за ран уволенного со службы, его шестнадцатилетний сын Иван получил в оклад только 350 четвертей земли из 500 бывших у отца.

Необходимость иметь в составе вооруженных сил постоянные части повлекла за собой создание «поместного» стрелецкого войска, несшего, по мнению Баиова, службу в основном в пешем строю и «только лучшие из них составляли особый конный отряд и назывались стремянными». В этом случае историк заблуждался. В некоторых южных городах, как показывают сохранившиеся «рописи» и «сметы» русского войска второй трети XVII в., наряду с пешими находились и конные стрельцы.

В состав поместного войска не входили крестьянские ополчения, выставлявшиеся населением «с известного числа дворов» во время больших войн. Используя терминологию XVII в., Баиов именует их «даточными людьми». Непонятной остается причина, по которой историк включил в этот разряд русского войска лишь крестьян. Данные, относящиеся даже к первой половине XVI в. свидетельствуют, что пососные и подворные мобилизации касались всего тяглого населения Московского государства, включая владельцев и черносошных крестьян, посадских людей. В XVII в. на службу привлекались по особой разверстке представители ряда народов Поволжья («ясашных» казанских татар, чувашей и марийцев). Высоко оценивая значение русской артиллерии, исследователь отметил поразивший его факт отсутствия цеховой замкнутости в среде русских пушкарей, отнеся процесс разрушения корпоративного единства артиллерийских мастеров ко времени правления Василия III, когда для обслуживания пушек и пищалей «уже не хватало цеховых пушкарей и их приходилось пополнять даточными людьми». Несмотря на гипотетичность этого предположения, не подтвержденного никакими доказательствами, предпринятая Баиовым попытка объяснить несоответствие европейской и русской организации артиллерийской службы заслуживает внимания. Автор первым обратил внимание на то, что в случае необходимости из «тюфяков» (дробовых артиллерийских орудий) могли стрелять и ядрами. Позднее его предположение было подтверждено А.Н. Кирпичниковым и И.Н. Хлоповым.

Касаясь вопроса организации русского войска, Баиов, несмотря на убедительные возражения А.З. Мышлаевского, вслед за Д.Ф. Масловским продолжал утверждать, что основным подразделением поместной армии являлась «деся́тня», состоявшая из служилых людей, «приписанных к какому-либо одному городу». Развивая идеи своего учителя, исследователь бездоказательно писал о том, что «деся́тни по несколько сводились в полки, которых в армии, изготовившейся к походу, было семь». В свою очередь, каждая «деся́тня», по мнению

Баиова, делилась на сотни, а последние – на десятки. Как отмечалось выше, предложенная Масловским и схема организации поместных войск XVI—XVII вв. является искусственной и искажает общую картину устройства московской армии.

Говоря о снабжении вооруженных сил в военное время, автор отмечал, что в «неприятельских землях войска свои запасы пополняли путем фуражировок в попутных селениях и городах. В этих случаях для сбора необходимых запасов высылались особые отряды, называвшиеся кормовщиками». Такой способ обеспечения армии, по мнению Баиова, способствовал «развитию мародерства, борьба с которым была очень затруднительна».

Требуется уточнение высказывания исследователя о военной подготовке стрельцов, которые, «если и занимались обучением, то главным образом в несении караулов и конвойной службы, вряд ли это обучение давало им много в деле боевой подготовки». Между тем, дошедшие до нас документы неопровержимо свидетельствуют об умении стрельцов вести залповый огонь, действенность которого они демонстрировали на царских смотрах в середине XVI в., что вряд ли было возможно без предварительного обучения. Начиная со второй трети XVII в. часть стрелецких приказов, прежде всего из состава московского гарнизона, учились азам солдатского строя под наблюдением иностранных инструкторов.

Считая военную подготовку русской армии явно недостаточной, Баиов делал исключение для городских войск, которые, по его мнению, были более боеспособными, так как несли «постоянную службу на границах», где они были обязаны «непрерывно охранять и разведывать» в условиях частых неприятельских нападений. Такие части «если и были лишены обучения, то, во всяком случае, благодаря особенностям их службы» были более боеспособными.

Отдельный раздел работы Баиова посвящен изучению качественных изменений, произошедших в вооруженных силах Московского государства во второй трети XVII в. Отметив принципиальное решение правительства о восстановлении старой, поместной системы организации армии, сильно пострадавшей в годы Смутного времени, автор затронул вопрос формирования в начале 1630-х гг. первых солдатских и рейтарского полков. Большого значения этому опыту использования обученных и вооруженных по европейскому образцу воинских частей историк не придавал, подчеркнув, что «по окончании смоленских походов дальнейшие формирования полков [иноземного строя] были прекращены, наличные – распущены, а оставшиеся в России иноземцы поверстаны поместными окладами».

Восстановить упраздненные полки «нового строя» правительство решилось после захвата донскими казаками в 1637 г. турецкой крепости Азов. Обстановка на южных границах страны обострилась, и московские власти «воспользовались драгунами и солдатами, а также офицерами-иноземцами, которые остались в России после роспуска первых солдатских полков». Службу они несли на тех же основаниях, как и поместная конница, на границу солдат и офицеров новых полков собирали лишь в самое опасное летнее время. Лишь в 1642 г. характер их службы изменился – решая вопрос о войне с Турцией из-за Азова, правительство сформировало два солдатских полка постоянного состава.

Говоря об организации вооруженных сил и управления ими в XVII в., Баиов сделал странное замечание о Разрядном приказе, отметив, что в круг его обязанностей не входил учет поместных войск. Зная, что к поместным войскам историк относил почти всю московскую армию за исключением ополчений даточных людей, следует признать Разряд не ведущим военным ведомством Московского государства, а второстепенным учреждением. Сохранившиеся документы опровергают мнение Баиова. Разрядный приказ осуществлял общее руководство вооруженными силами, начальники его держали в руках все нити военного управления. Последнее подтверждается свидетельством Котошихина, писавшего: «А ведомы в том приказе всякие воинские дела и города строение и крепостями и ружьем и служивыми людьми; так же *ведомы бояре, околниче и думные и ближние люди, и дьяки и*

жилцы, и дворяне городовые, и дети боярские (выделено нами. – В.В.), и казаки, и солдаты всякою службою».

Пристальное внимание исследователь уделил появившимся в России в XVII в. первым переводным пособиям по боевой подготовке войск, в том числе «Учению и хитрости ратного строения пехотных людей» датчанина Вильгаузена. В отличие от других историков Баиов не придавал этой книге особого значения, отмечая, что упомянутый «Устав» не получил в России большого распространения: «напечатанный по указу царя Алексея Михайловича в Москве, в Синодальной типографии, в количестве 1200 экземпляров и продаваемый по 1 рублю, он в первые 4 года разошелся в количестве 95 экземпляров, а в последующие 6 лет – еще в количестве 39 экземпляров, то есть за 10 лет было куплено всего 134 экземпляра». Обнаруженные исследователем сведения вынудили его сделать вывод о том, что «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» не было разослано в войска и не стало обязательным руководством по боевой подготовке. Вследствие этого Баиов не считает «Учение и хитрость» уставом, полагая, что современники видели в нем лишь учебное пособие и курс тактики.

Не ограничиваясь рассмотрением вопросов организации и вооружения московской армии, Баиов попытался рассмотреть «образ действий войск». Однако формы проявления русского воинского искусства он рассматривает фрагментарно. Наиболее полно им разобрана только «Казанская операция» 1552 г. (термин автора), многие другие действия остались за рамками исследования, существенно снижая ценность труда.

Большинство положений Баиова оказались повторенными А.Г. Елчаниновым. Он также отнес городских казаков и стрельцов к категории постоянных поместных войск, считая, что стрельцы несли исключительно пешую службу и только лучшие из них «были конными, называясь стремянными».

Подобно Масловскому и Баиову, историк утверждал, что «основным подразделением войск являлась десятня, которая состояла из людей, приписанных к какому-либо одному городу». В отличие от своих предшественников, Елчанинов не относил к поместным формированиям иноземцев, выделяя скомплектованные из них части в особый разряд.

Отличительной чертой русского военного искусства исследователь считал раннее появление «засады» (в его понимании – резерва), в использовании которой он видел «драгоценнейшую черту», проявившуюся «с самых первых дней нашей сознательной военной жизни». Действия русской артиллерии историк оценивал чрезвычайно критически, полагая, что военачальники пользовались этим средством борьбы неискусно. Опыт использования русского «наряда» во многих походах и осадах того времени, в боях с применением вооруженного малокалиберной артиллерией «гуляй-городов» не позволяет согласиться с мнением Елчанинова. Полностью опровергает его отзыв шведского капитана Пальмквиста, в середине XVII в. высоко оценившего состояние русской артиллерии и выучку пушкарей.

Пристальное внимание автор уделил борьбе Московского государства с Казанским ханством. Однако следует указать на неверную оценку одного из самых важных этапов в отношении Руси с поволжской Татарией. Говоря о времени правления Василия III, Елчанинов пишет, что великий князь «после ряда измен казанцев водворил в Казани своего «подручника» и построил первую промежуточную опору на путях к ней – Васильсурск». По его мнению, лишь в начале царствования Ивана IV «труды предшественников были потеряны», и Москве пришлось приступить к прямому завоеванию Среднего и Нижнего Поволжья. Елчанинов умалчивает о том, что отношения между Казанью и Московским государством окончательно испортились именно при Василии III, а ухудшение русско-казанских отношений спровоцировало в 1521 г. окончательный разрыв русско-крымского союза и последующее вторжение неприятельских войск в московские пределы. Описание войн с Казанью завершается рассказом о походе 1552 г., успех которого Елчанинов видит в том, что он был

«быстр, искусен, смел». Историк отмечает разнообразие приемов осадной борьбы под Казанью, упоминает о подведенных под стены города минных галереях, умалчивая о ведавшем подкопным делом немецком мастере «розмысле», отмечая, что осада велась «под руководством русского самородного «розмысла» Выродкова», в действительности возглавлявшем постройку подвижной батарейной башни.

О событиях Ливонской войны Елчанинов упоминает вскользь, определяя начало этого вооруженного конфликта 1554 г. С такой датировкой согласиться нельзя. В 1554 г. началась очередная русско-шведская война, закончившаяся в 1557 г. Ливонский орден в ней не участвовал, хотя, по сообщению Б. Рюссова, конфликт в немалой степени был спровоцирован ливонскими властями, подтолкнувшими шведского короля Густава к войне, но не поддержавшими его. Грубые ошибки Елчанинов допускает и далее. Так, он пишет, что «после неудачной осады Ивангорода, пушкари наши, не желая сдаться или увидеть позор плена своих орудий, повесились на них». Указанный случай произошел не под Ивангородом, а во время сражения под Венденом 21 октября 1578 г. Сомнительным представляется утверждение исследователя о том, что в начале Смутного времени «бояре <...>, видя в самозванце средство избавиться от Бориса [Годунова], с войсками передавались на сторону Лжедмитрия или умышленно несли поражение». Как известно, часть московских воевод, возглавляемых В.В. Голицыным и П.Ф. Басмановым, 7 мая 1605 г. перешла под Кромами на сторону Лжедмитрия I, но уже после смерти Бориса Годунова. До этого военные действия шли с переменным успехом. Русские войска потерпели несколько поражений, но одержали победы в боях за Новгород-Северский и в сражении под Добрыничами 21 января 1605 г.

Перечисляя важнейшие русские сражения и битвы, Елчанинов пропускает некоторые из них, в том числе и Клушинское сражение 24 июня 1610 г., завершившееся разгромом русско-шведской армии поляками, что в итоге предопределило судьбу правительства царя Василия Шуйского.

Не может быть принят тезис автора, о том, что, благодаря построенным при Борисе Годунове новым крепостям на южной «украине», гарнизоны их успешно отбивались от самозванцев. Население находившихся в этой части государства городов в гражданской войне XVII в. неизменно поддерживало врагов центральной власти, и правительственным войскам приходилось вести упорную борьбу за эти крепости. Отметив произошедшее в годы Смутного времени разрушение традиционной организации вооруженных сил, исследователь писал, что тогда «не могло действовать даже прочно установившееся было помещное право». Воеводам, начавшим борьбу с интервентами, поневоле «пришлось обращаться к наскоро собранным ополчениям самого смешанного состава без всякой подготовки и опыта».

Новая страница в истории русской армии начинается с появлением в России полков «нового строя». Первые из них формируются в правление Михаила Федоровича, но это были лишь «слабые приступы к преобразованиям», которым мешали частые войны, в особенности русско-польская война 1632—1634 гг. По мнению Елчанинова, под Смоленском солдатские полки «ничего из себя не дали» и были распущены. Все же участие их в военных действиях имело несколько важных следствий, привело к появлению в армии полков, разделенных на роты, новых чинов и т. п. В то время, по предположению Елчанинова, велась подготовка к созданию регулярных частей из русских людей. Поэтому в каждом солдатском полку существовал второй состав офицеров, составленный из московских служилых людей. Последнее сообщением источников не подтверждается.

Новая структура вооруженных сил окончательно сложилась только при царе Алексее Михайловиче, но, «появление войск иноземного строя <...> оказало весьма мало влияние, распространение же огнестрельного оружия привело даже к большему предпочтению обороны». Этот вывод не соответствует реальному положению дел. В годы Смоленской войны

1632—1634 гг. только на участке фронта под Великими Луками русские войска совершили 6 нападений на Усвят и 34 рейда на полоцкие, велижские и сурожские места. Укрепившись в захваченном Невеле отряды воеводы Никифора Плещеева атаковали противника 23 раза. Активно действовали русские рати на путивльском направлении, где отряды служилых людей овладели городом Борзна, сожгли остроги у городов Ромны и Миргород, разорили многие пограничные селения.

Сурово критикуя организацию и выучку войск, существовавшую в Московском государстве сторожевую службу, Елчанинов не мог скрыть удивления тем, что при этом русская армия достаточно успешно вела войны с Польшей и Швецией, оберегала Россию от нападений татар и казаков и, несмотря на сложность внутривластной обстановки, поддерживала порядок в стране.

Ряд российских историков XIX – начала XX вв. при изучении военной истории Московской Руси обратились к разработке проблем развития отдельных родов войск, их вооружения и технического оснащения. Наиболее значимыми стали труды М.И. Маркова, Н.Е. Бранденбурга, А.И. Савельева, Ф.Ф. Ласковского, А.И. Яковлева.

В работе «История конницы» (Ч. 1—3. Тверь, 1887), М.И. Марков проследил прошлое российской кавалерии, в том числе в интересующий нас период. Подобно другим отечественным историкам он считал, что «при московских царях» поместная конница являлась «главным, многочисленным и лучшим родом войск». Русские конные полки комплектовались из дворян, детей боярских и их боевых холопов. Говоря об обязательном характере службы ратников поместных ополчений, автор подчеркивает, что в случае невозможности личного участия в походе служилые люди выставляли в полки даточных людей, подобно монастырским властям, посадским и уездным людям.

Стремясь отметить исключительную роль конницы, Марков дал критический отзыв о русской пехоте того времени, которую по его мнению, «составляла плохо вооруженная и устроенная чернь, содержавшая стражу в городах». Факты опровергают подобные утверждения. Задолго до появления в Московском государстве стрелецкой пехоты в состав русской армии входили подразделения вооруженных огнестрельным оружием пищальников. Они формировались по определенной разрядке из мобилизованных на войну посадских и уездных людей. Пищальники участвовали в смоленских походах Василия III, в обороне южных границ, в действиях против казанских татар в первые годы правления Ивана IV.

Вооружение конницы Марков оценивал невысоко, полагая, что дворяне и дети боярские в основном сражались холодным оружием. В действительности, с конца XVI в. документы отмечают наличие в русской армии конных дворянских сотен, вооруженных пищальми.

Отметив факт существования в составе русской конницы казачьих частей, Марков попытался проследить историю русского казачества. Внимание исследователя привлекло первое упоминание в летописи рязанских казаков, участвовавших в борьбе с татарами в 1444 г. Донское казачество, по мнению автора, сформировалось значительно позже, так как донцы впервые упоминаются в 1549 г. в жалобе ногайского мурзы Юсуфа Ивану IV. В действительности, к этому времени русское казачество уже прочно владело Доном, совершая набеги на азовские и перекопские места. Тогда же произошел первый «прибор» донцов на московскую службу.

Внимание Маркова привлекли некоторые походы казаков. В частности, он упоминает разорение ими Сарайчика, появление первых казачьих поселений на Яике и Тереке, Сибирскую эпопею Ермака и т. п. Историк пытался вскрыть особенности действий казачьего войска в бою, характерные черты его устройства и внутренней организации. Успешные действия казаков он связывал с атакой лавами, охватывающими фланги неприятельской конницы.

Значительную часть работы Маркова составило описание сражений, в которых участвовала русская армия. Наиболее подробно он рассказал о Клушинской битве 1610 г. Исторiku не удалось правильно определить место расположения русских войск, но он точно указал фатальную ошибку Д.И. Шуйского, перед боем расположившего пехоту позади конных полков.

Н.Е. Бранденбургу заслуженную известность принесли работы по истории русской артиллерии «500-летие русской артиллерии (СПб., 1889) и «Исторический каталог Петербургского артиллерийского музея». (СПб., 1877). Исследователь осветил организацию службы «людей пушкарского чина», состав и численность этого разряда русского войска, размеры получаемого жалованья, деятельность Пушкарского приказа. По мнению автора, пушкеры, затинщики и служившие при «наряде» технические специалисты» в годы правления Ивана Грозного составили отдельное сословие «с своими известными правами»; ведал ими особый приказ. Отныне «новые члены пушкарского сословия вступали в последнее лишь за ручательством пушкарей уже служивших». Автор обнаружил и воспроизвел в своей работе сведения о проводившихся в Московском государстве артиллерийских и стрелковых смотрах, однако допущенные им неточности при переводе сообщения Э. Дженкинсона существенно снижают их ценность. Пристальное внимание он уделил развитию материальной базы русской артиллерии. Бранденбург полагал, что «первые образцы огнестрельных орудий в России были ввезены с Запада», отмечал посредническую роль Новгорода, торговавшего с ганзейскими городами. Вскоре было налажено производство отечественных артиллерийских орудий. Известную роль в этом сыграли иноземные мастера, рядом с которыми стали работать русские ученики. Подробные характеристики различных образцов огнестрельного оружия, приведенные в трудах Бранденбурга, сохранили свое значение до наших дней. Некоторое затруднение для современных исследователей представляет использование им дореволюционных обозначений веса и калибров. Неоспоримая заслуга Бранденбурга состоит в изучении технологии производства артиллерийских орудий и боеприпасов к ним, в особенности зажигательных снарядов.

Предметом исследования А.И. Савельева и Ф.Ф. Ласковского стала история военнo-инженерного искусства и инженерных войск в России. Первый из авторов обратился к проблеме развития фортификации в эпоху создания Московского государства и сделал два противоречивых заявления. С одной стороны, он воспроизвел тезис Н.С. Голицына, что Иван Калита, желая воспрепятствовать опустошениям, производимым татарами в Великом княжестве Московском, укрепил страну от Оки до Дона и через Дон к Волге. С другой стороны, он писал, что только «с постепенным водворением единой державы» река Ока составила передовую охранную черту». Создание сплошного оборонительного рубежа произошло не ранее начала XVI в., когда начались крымские нападения на южнорусскую границу, вынудившие московские власти приступить к ее укреплению.

Главной заслугой Савельева стало изучение организации засечной службы, в том числе на западной границе. Но цитируя сохранившиеся документы, он ссылаясь не на «Акты исторические», где они были опубликованы, а на «Акты археографической экспедиции», чем ввел в заблуждение позднейших исследователей.

В качестве наиболее показательных примеров выучки и умения русских инженеров Савельев привел подробные сведения об осаде Казани (1552) и Смоленска (1632—1633), обороне Пскова 1581 г., Троице-Сергиева монастыря 1608—1609 гг., Смоленска 1609—1611 гг. Многие предположения и выводы автора представляют интерес и в настоящее время. Это касается указания на разделение участвовавшие в штурме Казани дворовых людей на сотни, находившиеся под начальством отборных детей боярских. Но в описании оборонительных действий русских войск у Савельева есть упущения. Подробно рассказав о неудаче армии Шеина под Смоленском в 1632—1633 гг., он проигнорировал имеющиеся свидетель-

ства о героической обороне крепости Белая, защитники которой сорвали завоевательные планы польского короля, попытавшегося развить успех своей армии.

Высоко оценивая русское фортификационное искусство, Савельев отметил существование в России в эпоху Ивана Грозного особого сословия «розмыслов» – военных строителей. Однако общий уровень развития военного дела в стране исследователь определил как низкий. Созданное в 1550 г. стрелецкое войско, по его мнению, «существовало только по имени», так как стрельцы занимались торговлей и промыслами, «более нежели службой». Именно в этом Савельев видел причину отставания русского военного искусства от европейского. Следствием такого положения дел стала невозможность появления в России в XVI в. инженеров, «хотя в это время более нежели когда-либо по важности, какую занимало инженерное искусство, определялась необходимость в искусных его производителях».

Начало теоретического образования русских специалистов в инженерном искусстве Савельев связывал с появлением в России в годы правления царя Василия Шуйского перевода на русский язык «Устава дел ратных». В действительности, в 1606 г. М. Юрьев и И. Фомин перевели на русский язык соответствующие разделы трактата Л. Фронспергера «Военная книга», изданного во Франкфурте-на-Майне в середине XVI в. Позднее перевод был использован Онисимом Михайловым (Радышевским) в книге «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки», завершеном в 1621 г. В царствование Михаила Федоровича русская фортификация получила широкое развитие, хотя из-за нехватки средств правительство не имело возможности «помышлять о тех преобразованиях в инженерном искусстве, каким подвергалось оно в это время в других государствах». С этим обстоятельством Савельев связывал найм иностранных военных инженеров, наиболее известными из которых были: Ю. Матсон, К. Клаусен, П. Марселис, В. Шафф, Д. Таллер, Р. Мартыс, Г. Деконпин, Я. Роденбург. В Россию они приезжали с целым штатом помощников и учеников. Все инженеры причислялись к Пушкарскому приказу и получали там жалованье.

Савельев, подобно Зедделеру, обратил внимание на обучение русских ополченцев военному строю, введенному в 1609 г. в войске М.В. Скопина-Шуйского шведским военачальником Христиерном Сомме. Столетие спустя эти сведения обнаружил Г.Н. Бибиков, расценивший их как важнейшую «военную реформу», но не указав на научный приоритет своих предшественников. Автор подробно перечислил основные мероприятия властей по укреплению городов и пограничных защитных сооружений, обязанности воевод по их постройке и обороне.

Вскоре после публикации книги Савельева увидели свет «Материалы для истории инженерного искусства в России» Ф.Ф. Ласковского (СПб., 1858). Изучив бывшие в его распоряжении источники, он пришел к выводу, что в допетровское время пределы Московского государства оборонялись не только отдельными укрепленными пунктами (городами, «жилыми» и «стоялыми» острогами и острожками), но и сторожевыми линиями – непрерывными линиями укреплений, имевшими значительную протяженность. Последние, по его свидетельству, «были двух родов, сообразно свойствам местности, чрез которую пролегали; на местах открытых, степных, они состояли из земляного вала, со рвом впереди, и назывались валом, чертою. В странах лесистых они образовывались из густых лесных завалов, непроходимых для войска, в особенности для конницы и обозов, это были засечные линии». Безусловно, в чистом виде такого разделения оборонительных приграничных укреплений на «валы» («черты») и «засеки» не существовало. Засечные «крепости» входили в состав «черт», но приведенный исследователем факт использования в засечном строительстве особенностей ландшафта и рельефа действительно имел место.

Изучая особенности крепостного строительства в Московском государстве XVI–XVII вв., Ласковский обнаружил характерные отличия, присущие отдельным участкам русской границы. Он полагал, что северные рубежи страны, из-за «неприступности со сто-

роны моря, не имели большой надобности в укрепленных пунктах». Необходимо отметить ошибочность этого утверждения. Начиная с середины XVI в. северорусские территории, в особенности Мурман и Беломорье, не раз становились объектом нападений датчан и шведов, определенный интерес к захвату Поморья проявляли и англичане. Неслучайно были воздвигнуты крепости в Коле, на Двине (Архангельский город), в Соловецком монастыре, других ключевых пунктах Русского Севера. Иногда угроза русским поселениям возрастала настолько, что вынуждала правительство принимать специальные меры. Как правило, дело ограничивалось укреплением обороны или временным запретом торговли в угрожаемых местах (например, в Кольском остроге в 1585 г.). Даже в самые тяжелые времена московское правительство неохотно шло на территориальные уступки северным соседям, стараясь сохранить неприкосновенность существующих границ. Ошибку Ласковского легко понять, рассмотрев список находившихся в северном краю городов и крепостей. На рубеже он упоминает лишь два укрепленных пункта – Архангельск и Пустозерск, далее, по дороге в глубь России – Холмогоры, Шенкурск, Олонец, Каргополь, Великий Устюг, Вологду и Чухлому. Вне его внимания остались Кольский острог и другие порубежные крепости Беломорья – Соловецкий монастырь. Сумский и Кемский остроги. Между тем, военное значение Кольского острога было велико. В середине XVII в. власти держали здесь 500 стрельцов (тогда как в Вологде их было всего 149). В названных Ласковским Пустозерске и Каргополе ратных людей в те годы вообще не было. Отмечая наличие на Русском Севере сильных крепостей, автор приходит к заключению об отсутствии «какой-либо оборонительной системы северной границы». Исходным пунктом его рассуждений стало в целом верное утверждение о том, что лучшим защитником этих мест была «малонаселенность и бедность края, при недостатке в сообщениях». Незначительные набеги, «которые могли быть производимы с северо-западной и северо-восточной границ», в состоянии были остановить, по мнению Ласковского, прикрывавшие их города-крепости. В действительности, на Беломорье существовала налаженная оборонительная система, во главе которой стояли игумен и братия Соловецкого монастыря, отдельные участки границы и морского побережья охраняли гарнизоны, подчиненные кольским и двинским воеводам. В 1646 г. Москва и Архангельск вели переписку о закрытии укреплениями устья Северной Двины.

Восточная граница Московского государства, первоначально примыкавшая к Сибирскому, Казанскому и Астраханскому ханствам, после их завоевания отодвинулась за Уральские горы, а к середине XVII в. – к Охотскому морю. Присоединение Поволжья и Сибири сопровождалось строительством новых городов и острогов. Перечисляя их, Ф.Ф. Ласковский выделяет юго-восточный участок этого рубежа, обращая внимание на строительство Закамской сторожевой линии и крепостей в нижнем течении Волги.

Наиболее подробно автор освещает организацию обороны южной границы. Внимательно рассмотрев имевшиеся в его распоряжении источники, он пришел к выводу, что первой линией, способной удерживать нападения крымских татар, была река Ока с находившимися на ней городами Перемышлем, Калугой, Тарусой, Алексиным и Каширой. В дальнейшем правительство вынуждено было приступить к строительству новых крепостей, необходимых для защиты русских земель к югу от Оки и северских городов, отвоеванных у Великого княжества Литовского. Даже в конце XVI в., по мнению Ласковского, «южная граница представляла мало обеспечения против внезапных вторжений неприятеля». Свое заключение исследователь подкрепил примером развернувшегося оборонительного строительства на юге при царе Федоре Ивановиче, когда были поставлены города Елец, Кромы, Ливны, Воронеж, Оскол, Курск и Белгород. Началом нового этапа в укреплении южнорусского порубежья Ласковский считал мероприятия правительства Михаила Федоровича Романова, вследствие которых «оборона южной границы была значительно улучшена правильным и более систематическим распределением ее средств». Отныне внимание властей

было обращено не только на умножение числа крепостей, но и «на увеличение круга действия каждого из укрепленных пунктов. Для достижения этой цели начали устраивать между городами сильные полевые окопы в виде отдельных постов, а также небольшие сторожевые линии и засеки; для самостоятельной же обороны их строить городки».

Оборона западной границы опиралась на линию крепостей, преграждавших завоевателям путь к центру страны. Правильно определив роль и значение западнорусских городов, Ласковский допустил ряд ошибок в описании некоторых пограничных русских укреплений. Так, исследователь полагал, что при основании в 1492 г. Ивангород был «окружен деревянной рубленой стеною с башнями» и только после внезапного захвата шведами в 1496 г. обнесен каменными стенами. Изучение сооружений Ивангорода опровергает предположения автора. «Русская Нарва» изначально являлась небольшим каменным замком, площадью 1600 кв. м., выстроенным из местного камня-плитняка. В дальнейшем оборону Ивангорода усилили новыми укреплениями.

Помимо описания границ Ласковский подробно разобрал технические характеристики различных типов оборонительных сооружений, особое внимание уделяя появлению в Московском государстве приемов новейшей фортификации, в частности укреплений бастионного типа, использованию «гуляй-городов», разбору наиболее известных осад – Казанской (1552) и Смоленской (1632—1633). Говоря о вооружении русских крепостей артиллерией, Ласковский безосновательно предполагал, что упомянутые в летописи в 1382 г. тюфяки и пушки были не огнестрельными орудиями, а метательными машинами.

Особое место в военной историографии занимает исследование А.И. Яковлева, избравшего объектом изучения Засечную черту, прикрывавшую южные рубежи страны, а также организацию службы на этих «украинах».

Решение о создании на юге «защитного пояса засек» Яковлев связал с тяжелейшими последствиями крымского вторжения 1521 г. Задача осложнялась наличием нескольких степных дорог – Муравского, Изюмского, Калмиусского и Бакаева шляхов. Естественным рубежом обороны Московского государства на этом направлении оставались реки Угра и Ока, но, как определил исследователь, с XV в. наметилась вторая «линия борьбы», выдвинутая вперед параллельно Оке и проходившая по линии Рязань (Переяславль-Рязанский) – Тула – Одоев – Белев.

Система обороны Окского и передового рубежей, по Яковлеву, «имела довольно сложный характер в зависимости от тех наличных средств, которыми располагало московское правительство». Подступы к ней прикрывали сторожевые казачьи посты и поселения служилого люда, укрепленные форты Засечная черта и крепости по Оке.

Подробно разобрав организацию службы на границе, автор пришел к выводу, что основой обороны служила засечная линия, по сути, являвшаяся главным рубежом страны. Засеки были хорошо известны в Древней Руси, но Большая засечная черта Московского государства представляла собой качественно новую систему обороны, включавшую не только лесные завалы, но и рвы, земляные валы, ряды скрепленных между собой надолбов, протянувшиеся на многие версты, что, при правильной организации службы на Черте могло остановить или задержать движение неприятельских войск.

Отдельные участки Засечной черты сомкнулись в 60-х гг. XVI в., когда они были введены в «связную и сплошную систему, охрана и поддержание которой были сделаны повинностью всего населения государства вообще и близлежащих уездов в особенности». В XVII в. протяжение засек Большой черты равнялось 1000 верстам, их укреплением ведал Пушкарский приказ, и только в чрезвычайных случаях руководство обороной засечного рубежа переходило к Разряду.

Сооружения Большой черты сильно пострадали в Смутное время, эпизодические починки не могли восстановить прежнего значения укреплений. В конце 1630-х гг. участив-

шиеся татарские набеги вынудили московское правительство возобновить старые и построить новые засечные «крепости». В делах Разрядного приказа сохранились подробные сведения о производимых на рубеже работах. Используя их, Яковлев подробно описал начатое строительство, трудности, с которыми встретились его организаторы и участники. Всего, по его подсчетам летом 1638 г. были восстановлены лесные завалы и другие укрепления на протяжении 297 верст 929 саженей. Таким образом, удалось надежно прикрыть наиболее опасные участки южной границы.

В XX в. подходы к изучению военной организации Русского государства претерпели разительные изменения. Их определила политическая конъюнктура, оказавшая решающее влияние на исследователей, занимавшихся обозначенной проблематикой. В 1930—1970-е гг. изучением военных аспектов политической истории Московского государства XV—XVII вв. занимались С.К. Богоявленский, А.А. Свечин, Е.А. Разин, Л.Г. Бескровный, А.А. Строков, А.В. Чернов, П.П. Епифанов. Сильной стороной их научной деятельности стала разработка малоизученного вопроса об участии в военных действиях мобилизованных воинов – так называемых «посошных» и «даточных» людей. Однако оно сопровождалось жесткой критикой поместного конного ополчения, искажающей реальное состояние русского военного дела.

Менее других исследователей этот недостаток был свойственен С.К. Богоявленскому, во многом продолжившему традиции дореволюционной военно-исторической науки. Именно этот автор, вопреки расхожему мнению о случайном подборе вооружения воинов поместной конницы, отметил, что чувство самосохранения заставляло дворян выбирать оружие в соответствии с приемами войны и вооружением противника. По этой причине «русские ратные люди проявляли мало инициативы в совершенствовании своего оружия», перенимая вооружение и тактику неприятеля. Главным противником Московской Руси в XVI в. историк считал татар, вооруженных почти исключительно холодным оружием. С этим обстоятельством Богоявленский связывал значительную разницу в средствах борьбы на юге и западе страны. Используемые им документы свидетельствовали, что в XVII в. в южных уездах с «огненным боем» на службу выходили 39% дворян, а у 62% преобладающим вооружением были саадак и сабля. В юго-западных уездах, соприкасавшихся с крымской и польской границами, с огнестрельным оружием выходили 87% дворян, а с саадаками – 10%. На Западе почти все служилые люди вооружались «огненным боем».

Исследователь не ограничился изучением вооружения дворян, приведя сведения об оружии, использовавшемся их военными слугами. Сделанный им вывод достаточно интересен – оказалось, что боевые холопы, сопровождавшие своих господ на войну, вооружались лучше самих дворян. В то время как многие помещики еще пользовались саадаками, их слуги уже имели пищади.

Автор привел подробные сведения о вооружении крестьян и посадских людей, однако не объяснил и не оценил факта распространения боевого оружия в среде мирного населения.

Говоря о вооружении стрелецкого войска, Богоявленский отмечал, что «ружья у стрельцов были гладкоствольные, крупнокалиберные, длинные и тяжелые, называвшиеся мушкетами» и писал, что «внешним признаком мушкета был приклад, похожий на современный, с выемкой для большого пальца». Вряд ли следует считать основной характеристикой мушкета наличие характерного приклада, однако утверждение автора о вооружении стрельцов одними мушкетами неверно. Даже в XVII в. в стрелецких и в солдатских полках сохранялось известное число военнотружущих, вооруженных «легким оружием» (пищалями). Впрочем, и сам Богоявленский, приводя сведения о вооружении городовых стрельцов, отмечал их большое разнообразие.

Пристальное внимание исследователь уделил организации и вооружению полков «иноземного строя», которые к середине XVII в. по численности, уже отодвинули «дворянское

ополчение на второй план». Автор привел подробные характеристики различных образцов оружия, использовавшегося солдатами, драгунами и рейтарами, служившими в армии Московского государства.

Особенности организации вооруженных сил Московского государства XV—XVII вв. попытался выявить известный советский военный историк А.А. Свечин. Причиной преобразования древнерусских вооруженных сил Свечин считал жестокие «татарские уроки». По его мнению, именно на Востоке русские «усвоили <...> глубокое уважение к метательному бою, ведение боя из глубины, расчленение армий на Большой полк, полки Правой илевой руки, авангард и резерв (Передовой и Засадный полки), организацию легкой конницы, дравшейся как в конном, так и в пешем строю – своего рода иррегулярных драгун, большое внимание к разведывательной и сторожевой службе, своеобразную восточную дисциплину и методы управления, далеко превосходившие феодальный масштаб средневековья». Даже Куликовскую победу Свечин связал с использованием русскими полководцами приемов ведения боя, заимствованных из монгольской школы. Отрицать влияния монголов на развитие русского военного искусства нельзя, однако сводить все достижения русского военного дела к простому заимствованию восточной тактики и боевой техники не стоит из-за принципиального различия задач, стоявших перед вооруженными силами Орды и русских княжеств. Татарским войскам был свойственен ярко выраженный наступательный характер действий. Они предпочитали вести войну на вражеской территории, тогда как основу русской стратегии составляла оборона своей земли, и лишь в случае удачного стечения обстоятельств наносился превентивный удар. Подобный способ борьбы подразумевал повышенное внимание к фортификационному обеспечению не только главных городов страны, но и небольших острогов и засечных «крепостей», где в случае вражеского нападения укрывалось местное население. Такое положение дел сохранялось до второй половины XVI в. По свидетельству Р. Гейденштейна, «ни на одно средство [великий] князь не полагается так много, как на укрепления, и потому большая часть последних расположена на самых удобных местах между извилинами рек и озер; и гарнизоном, военными снарядами, провизией они снабжаются тщательнее, чем у какого бы то ни было другого народа». Понимая невозможность полного тождества русской и татарской военной организаций, Свечин отметил появление в Московском государстве поместной системы. Исследователь полагал, что главной задачей дворянской конницы была защита тех местностей, где они были помещены, считая, что с ней служилые люди справлялись успешно, но для дальних походов дворянская милиция не годилась, так как являлась «нестройным» войском, способным на равных сражаться лишь с такими же нестройными неприятельскими ополчениями. В XVI в. организованные таким образом русские рати стали терпеть поражения в столкновениях с европейскими профессиональными армиями. Стрелецкая «упорядоченная пехота» не смогла исправить положения, так как в бою не была способна к сомкнутому удару. Поражения эпохи Смутного времени и неизбежность возобновления борьбы за Смоленск с Речью Посполитой вынудили московское правительство приступить к формированию первых солдатских полков из принятых в русскую службу иноземцев. Ненадежность наемников и скудость казенных средств вынудили московские власти пойти по другому пути – приступить к обучению иноземному строю русских людей. Сформированные полки представляли собой, по мнению Свечина, территориальные части. Единственным отличием от поместного ополчения являлось обучение их воинскому строю по западноевропейскому образцу, которое производилось один раз в год по месяцу. К концу XVII в. в России, по подсчетам автора, имелось 48 солдатских и 26 копейных и рейтарских полков.

Отметив появление в полках «нового строя» новых командных чинов прапорщика, поручика, капитана, майора, подполковника и полковника (чин генерала, введенный в русской армии во второй половине XVII в., не упомянут), Свечин тем критически оценил их

профессиональные качества, отметив, что даже в первые годы правления Петра I офицерское звание в иноземных полках передавалось по наследству.

Перечисляя чины русской сотенной службы, автор назвал сотника, голову и полковника, не упомянув о чинах десятника, пятидесятника, а также важнейшем чине воеводы. Обратившись к условиям службы командиров поместного ополчения, Свечин выдвинул несоответствующий действительности тезис о том, что назначение дворянина или сына боярского «сотником, головой или полковником – это было возложение на мобилизованного помещика временных обязанностей, связанных с большими хлопотами и ответственностью – лишняя, но неизбежная тягота. Бытность сотником или даже головой – командование полком – не включалось в записи Разряда и ничего не меняло в положении демобилизованного помещика». Разрядные книги того времени неизменно перечисляют не только воевод, но и голов, участвовавших в военных действиях. Так, в Разрядной книге 1559—1605 гг. в записи, рассказывающей о штурме Нарвы и Ивангорода 19 февраля 1590 г., названы участвовавшие в нем головы, командовавшие стрельцами, казаками, боевыми холопами и другими ратными людьми. Знакомство с «десятьями» показывает, что содержание сотенных голов разительно отличалось от жалованья рядовых помещиков. Так, в Рязске в конце XVI в. денежный оклад сотника составлял 10 руб. (за исключением 1, получавшего 6 руб., но имевшего 50 лишних четвертей земли), а их подчиненные получали по 5—8 руб. жалованья. В 1633 г. рязанский помещик Михаил Иванов, командовавший сотней во время отражения татарского набега, получил к старому окладу еще 5 руб. «головного» жалованья, «да сукно доброе». Между тем, тезис о «тяготе» служебных обязанностей командиров и отсутствии системы их поощрения позволил Свечину сделать вывод о том, что «московская армия не отличалась ни служебным рвением, ни честолюбием, ни интересом к военному делу». При такой убийственной характеристике остается непонятным, каким образом такая армия смогла устоять в тяжелых войнах XVI—XVII вв. и расширить границы своего государства до Днепра и Тихого океана.

Наступление нового этапа в изучении отечественной военной истории было ознаменовано появлением фундаментальной работы Е.А. Разина «История военного искусства», написанной на базе марксистской науки. Это заметно отличало его труд от книги Свечина, опиравшегося на методы и наработки военных историков XIX – начала XX вв. Разин исходил из убеждения, что развитие военного искусства является цельным историческим процессом, но изучения заслуживает не всякая армия, не всякая война и не каждое сражение, а лишь привносящие новые формы борьбы. Выборочное изучение исторического материала позволило автору выделить главные линии развития военного дела, однако многие, с его точки зрения, не особенно важные события, остались за рамками исследования. При этом значение того или иного явления он оценивал субъективно, часто его оценки не соответствовали фактам, имевшимся в науке. Так, изложение войн Московского государства с казанскими татарами Разин начинает с 1521 г., ничего не сообщая об ожесточенном противоборстве двух государств во второй половине XV и в начале XVI в. Малозначимыми признал исследователь события русско-шведских войн 1495—1497 и 1554—1557 гг. и русско-литовского противоборства 1534—1537 гг., важного уже в том отношении, что именно тогда при осаде польско-литовской армией Стародуба под стены этой крепости впервые в нашей истории была подведена пороховая мина. Говоря о русских войнах XVII в., «имевших значение в развитии военного искусства», Разин отмечает «борьбу донских казаков за Азов, вторую крестьянскую войну 1670—1771 гг., освободительную войну украинского народа 1648—1654 гг., крымские походы русского войска 1687 и 1689 гг.». Вне его изысканий остались Смоленская война 1632—1634 гг., русско-польская война 1654—1667 гг., русско-шведская война 1656—1658 гг., русско-турецкая война 1676—1681 гг. Значение этих конфликтов в истории России очевидно, без тщательного изучения их невозможно всесторонне рассмотреть изменения, происходившие в организации вооруженных сил страны. Примером тому

служит предпринятая Разиным попытка проследить историю формирования первых русских полков «нового строя», созданных накануне Смоленской войны. Упоминая об этом, автор не подвергает разбору боевую деятельность этих полков, ограничившись краткой записью, что «по окончании войны личный состав полков был распущен по домам». На этой основе сделан вывод: «Следовательно, новые полки XVII в. нельзя характеризовать как регулярную армию, они не являлись даже постоянным войском».

Многие высказывания и предположения историка (об измене в 1471 г. русскому народу новгородских бояр, вступивших в «сговор с польско-литовскими феодалами», необходимости самодержавия Ивана Грозного «для уничтожения междоусобиц и для обеспечения обороноспособности государства», «положительном значении» восстания Болотникова в развитии «борьбы угнетенных народных масс за свое освобождение, о завершении строительства Белгородской Черты к концу 40-х гг. XVII в.) были опровергнуты во второй половине XX в. Но в ряде случаев, факты вынуждали автора осуждать ряд «прогрессивных» действий руководства страны. Ярким примером такого, в целом не свойственного Разину, критического подхода служит его оценка опричнины Иваном Грозным, призванной «окончательно сломить родовую знать, бояр и потомков бывших князей». Следствием опричной политики стало уравнивание знати с остальными служилыми людьми и исчезновение удельных дружин, но «на развитие экономики страны опричнина оказала отрицательное влияние, так как усиливала крепостничество и дезорганизовывала торговлю и ремесленное производство». Это обстоятельство вынудило историка сделать вывод: «Своими действиями опричники расшатывали политические основы государства и тем самым ослабляли его обороноспособность». Нельзя принять тезиса Разина о печальной участи талантливых военачальников-патриотов, права которых «правлящая верхушка господствующего класса, как правило, ущемляла», а зачастую просто уничтожала. В подтверждение своих слов он пишет о судьбе некоторых известных полководцев: «Скопина отравили, Шеину решением правительства Михаила Романова отрубили голову, Пожарского третировали». Забыт им оказался лишь М.И. Воротынский, замученный по ложному доносу палачами Ивана Грозного в 1573 г. Между тем в судьбе М.В. Скопина-Шуйского не все ясно. Слух о его отравлении родственниками Василия Шуйского исходил из среды врагов царя и имел целью очернить московского правителя. Воеводы М.Б. Шеин и А.В. Измайлов были казнены после неудачной осады Смоленска по приговору Боярской думы за самовольную капитуляцию перед поляками. И уже совсем мифическим является предположение о третировании властями Д.М. Пожарского, ставшего в правление Михаила Романова боярином, руководившим важнейшими приказами (Галицкой четью, Ямским, Разбойным, Приказных дел, Московским судным), в 1628—1630 гг. находившегося на воеводстве в Новгороде, милостью государя ставшего одним из крупнейших русских землевладельцев.

Пристальное внимание Разин уделил изучению комплектования, вооружения и обучения русского войска. Он полагал, что главным результатом «становления Русского централизованного государства явилось возникновение централизованной вооруженной организации с единым верховным командованием». Все решения по военным вопросам принимал теперь единолично государь. Однако в армии сохранялись и «феодальные пережитки». К их числу автор относил местничество, несколько ограниченное Иваном IV, и коллегиальный характер командования полками, во главе которых стояли несколько воевод.

Определенный интерес представляет настойчиво проводимое Разиным противопоставление поместного войска старому феодальному ополчению. Историк утверждал, что хотя после окончания походов большая часть помещиков распускалась, но поскольку «для охраны границ государства необходимы были пограничные войска», то к обороне рубежей привлекались остававшиеся на службе части, формировавшиеся из казаков и детей боярских. Так на поместной основе зародилось постоянное войско. К нему исследователь отнес

личный состав наряда (артиллеристов) и стрельцов, появление которых, по его мнению, «явилось по существу зарождением русского регулярного войска». Важной особенностью вооруженных сил Московского государства Разин считал привлечение на службу широких слоев городских и сельских жителей, кочевого населения и казачества. При этом, не совсем логично, исследователь забывает о собственном утверждении о классовом характере русского войска.

В целом точно сообщая о развитии русской артиллерии, упорядочении службы помещиков в середине XVI в., Разин упомянул о создании стрелецкого войска, но, доверившись автору «Казанской истории» утверждал о существовании стрельцов в московском войске ранее 1550 г. В настоящее время признано, что все упоминания о стрельцах до учреждения 6 первых подразделений «выборных стрельцов» летом 1550 г. относятся к отрядам пищальников.

Отметив, что после потрясений Смутного времени правительство пошло по пути восстановления старой системы военной организации, Разин подчеркнул, что произошедшие социальные и политические изменения в стране, а также наличие отрицательного боевого опыта первой четверти XVII в. потребовали проведения военных реформ. Сущность их историк видел «в усилении темпа перехода к постоянной армии и увеличении численности таковой». Мероприятия, осуществленные в 1630—1650-х гг., привели к укреплению национального облика русского войска, так как в отличие от европейских государств, где постоянные армии возникали на основе наемничества, в России она формировалась «на основе верстания в службу основного боевого состава: дворян, детей боярских, иногда татар и казаков, и прибора (набора) в службу тяглого населения с количества земли или дворов».

Впрочем, военные реформы XVII в. историк оценивал невысоко, считая, что «середину и вторую половину века можно рассматривать лишь как период, создавший предпосылки и необходимые условия для учреждения русской регулярной армии». Он дезавуировал слова Петра I, признававшего, что еще его отец, царь Алексей Михайлович «в 1647 году начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был». Разин полагал, что сформированные тогда «новые полки представляли собой только начало организации регулярной армии, ее зарождение», поскольку они «распускались после войны и даже пограничные полки собирались только на летний период».

Несмотря на отмеченные недостатки, Разин смог осветить многие страницы военной истории, а его труд долгие годы считался лучшим исследованием в своей области. Особенно выигрывал он в сравнении с вышедшим в 1955 г. курсом лекций «История военного искусства», ответственным редактором которого был Л.Г. Бескровный. Возглавленный им коллектив авторов подверг наработанный военно-исторической наукой материал существенной ревизии, исходя из господствовавшего тогда представления о том что «проповедники безродного космополитизма и у нас проводили свою подрывную работу». По этой причине авторы полностью исключили из текста упоминания о существовании в русской армии формирований, созданных из выехавших на русскую службу иностранцев. Н.В. Ширякин, написавший главу «Военное искусство периода образования и укрепления русского централизованного государства», повествуя об осаде Казани в 1552 г., не упомянул о немце «розмысле», руководившем сооружением подкопов. М.Л. Альтговзен в главе «Русское военное искусство в начале XVII в.» писал о введенном М.В. Скопиным-Шуйским обучении ополченцев действиям в «линейных боевых порядках», умалчав о том, что их военной подготовкой руководил шведский инструктор Христиерн Сомме, научивший русских строить полевые укрепления по нидерландскому образцу.

Авторы не учли высказанного Е.А. Разиным предположения о существовании постоянных отрядов поместной конницы, полагая, что дворянское ополчение собиралось лишь «на смотры в мирное время и для несения военной службы в военное время». Таким образом,

не отмеченным осталось участие поместного войска в ежегодной охране и обороне южных границ. Сторожевую и станичную службу, по их мнению, несли лишь казаки, что противоречит известным фактам, так как к службе на рубеже привлекались и дети боярские. Например, из Хотмышска в 1649 г. посылались две сторожи, в каждую из которых назначались по 3 сына боярских и по 6 казаков. В конце XVI в. правительство предписывало воеводам пограничных городов выдвигать на рубеж со стоялыми головами большие отряды, составленные в основном из детей боярских, вооруженных огнестрельным оружием. Из этих документов видно, что в вопросе о характере пограничной службы городских детей боярских ближе к истине находился Е.А. Разин. Неудачным следует признать выдвинутый Н.В. Ширякиным тезис о прогрессивной роли опричного войска. В боевом отношении оно ничем не отличалось от дворянских отрядов, служивших под началом земских воевод, а участие опричников в карательных акциях против политических противников Ивана Грозного не является основанием считать их качественно новым элементом русской армии.

К числу других недостатков авторов курса лекций относятся ошибки в освещении войн XVI – начала XVII вв. Так, осталась неотмеченной русско-литовская война 1512—1522 гг., в ходе которой к Московскому государству присоединена была Смоленская земля. Серьезный просчет допустил М.Л. Альтговзен, не заметивший Клушинской битвы, но написавший, что «изменники-бояре пригласили на русский престол польского королевича Владислава и призвали в Москву польские войска, стоявшие в Клушине (под Москвой)». С переносом смоленского села Клушино, находящегося под Гжатском, на 150 км на восток к Москве согласиться невозможно. В любом случае следовало бы рассказать о том, каким образом польская армия гетмана С. Жолкевского оказалась под стенами русской столицы.

Вслед за Е.А. Разиным авторы отмечают, что в отличие от Западной Европы наемничество в России не получило распространения. Для обеспечения военных задач в Московском государстве действовал принцип обязательной службы земледельцев и городского населения. Однако, в отличие от Разина, они не отнесли к появившимся в XVI в. постоянным войскам дворянские формирования, считая, что постоянной частью московской армии являлись лишь стрельцы и городовые казаки, с которыми Н.В. Ширякин отождествлял упоминавшихся в источниках первой половины XVI в. пищальников. Время образования стрелецкого войска определено точно – первые стрелецкие приказы действительно сформировались в 1550 г.

Одновременно с указанной коллективной работой из печати вышел первый том «Истории военного искусства» А.А. Строкова. В нем по-новому освещались многие события военной истории России XV—XVII вв. Обратившись к реалиям международной обстановки, автор пришел к выводу, что «постоянная борьба на юго-восточных, южных и западных границах, огромных по своей протяженности, требовала создания большого и в то же время подвижного конного войска, готового незамедлительно выступить и дать отпор противнику». В отличие от других исследователей, Строков высоко оценивал возможности поместного войска, полагая, что «дворяне, служившие в коннице, были заинтересованы в военной службе и с детства готовились к ней. Русская конница в XVI в. имела хорошее вооружение, отличалась быстрыми действиями и стремительными атаками на поле боя».

К постоянному войску Строков, как и предшественники, относил стрелецкую пехоту, указывая, что в составе русской армии были «в очень небольшом количестве» и конные стрелецкие части. Помимо стремянных стрельцов, других конных подразделений он не называет. Между тем, даже в дореволюционных публикациях источников упоминается значительное число конных стрельцов, имевшихся в некоторых южнорусских городах, например, в Астрахани. Неаргументированным осталось утверждение автора о необходимости введения в разгар Ливонской войны опричнины, как средства укрепления военных сил Московского государства. Этот тезис историку был необходим для следующего вывода: «Иван Грозный был

крупный полководец, замечательный реформатор, организатор постоянного войска, выдающийся стратег и тактик». Но Строков признавал, что «в полководческой деятельности Ивана Грозного были недостатки и отдельные промахи, в частности в том, что он редко непосредственно сам руководил войсками на театре войны».

К недостаткам работы Строкова относится также отсутствие развернутого описания Клушинского сражения 1610 г., сведений о Смоленской войне 1632—1634 гг. Называя в числе наставлений, использовавшихся в России в середине XVII в., «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» он писал о том, что авторы сочинения не известны, хотя еще А.З. Мышлаевский и А.К. Баиов определили, что «Учение» – перевод книги капитана датской службы Вальгаузена «Kriegkunst zu Fuss», изданный в 1615 г.

Наиболее крупным исследованием военной организации Московской Руси вплоть до настоящего времени остается работа А.В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв.» (М., 1954). Автор критически отнесся к деятельности предшественников, осудив их за преклонение перед иностранцами, отрицание самостоятельности русской военной организации и идеализацию дворянской конницы. Чернов отвергал даже монгольское влияние на военное искусство Руси, утверждая, что «монголы и тем более другие кочевые народы стояли ниже русского народа как в отношении общественного развития, так и в организации вооруженных сил». Не совсем понятен тогда не столько факт завоевания Руси монголами (автор объясняет ее феодальной разобщенностью русских княжеств), сколько длительной и тяжелой борьба Московского государства с татарскими вторжениями в XVI и XVII вв.

Основой вооруженных сил страны историк считал поместное ополчение, являвшегося также «классовой опорой самодержавия». Одним из первых в отечественной науке он связал с реформой дворянского ополчения Приговор об отмене кормлений и о службе, согласно которому наместнический «корм» власти заменили «кормленным окупом», поступавшим в казну и являвшимся одним из источников государственного дохода. В ходе реализации Приговора сформировались особые государственные финансовые органы – «Четверти», сыгравшие важнейшую роль в обеспечении денежным жалованьем служилых людей.

Оценивая качества опричной армии Ивана Грозного, Чернов считал его боеспособным войском, охранявшим границы государства и участвовавшим в военных действиях наравне с земскими полками. Создание особой военной организации, отличной от земского войска, исследователь оправдывал необходимостью ликвидации многочисленных отрядов вооруженных слуг, с которыми княжата ранее выходили на службу. С нашей точки зрения, разрушение традиционной системы использования вотчинных ратей ослабило вооруженные силы страны и привело к неудачному исходу Ливонской войны.

Выделяя из состава русского войска стрельцов, Чернов относил возникновение первых стрелецких подразделений к 1545 г., полагая, что в 1550 г. они получили лишь самостоятельную войсковую организацию. Большинство исследователей не согласилось с его доводами, полагая, что до 1550 г. существовали лишь отряды пищальников.

Сильной стороной работы Чернова является введение в научный оборот архивных материалов, прежде всего «росписей» русского войска 1629, 1632 (указанные росписи историк ошибочно датировал 1630 и 1632 гг.) и 1651 гг., позволивших автору определить приблизительную численность вооруженных сил в годы составления ведомостей. К сожалению, при расчетах им было сделано несколько ошибок, исказивших итоговые цифры. Автор подробно разобрал изменения в организации сторожевой и станичной службы, произошедшие в 1571 г. Однако, следовало бы назвать и другие мероприятия по совершенствованию охраны границ, осуществленные в конце XVI – первой половине XVII вв., в ходе которых первоначальная пограничная служба претерпела серьезные изменения.

Развитию военного дела в России в XVI—XVII вв. посвящен ряд статей П.П. Епифанова, написанных для многотомного исследования «Очерки русской культуры». Автор полагал, что в XVI в. «сложилась военная организация Русского централизованного государства со столицей в Москве». Сосредоточение вооруженных сил в руках феодальной монархии стало велением времени, что повлекло усовершенствование вооружения русского войска, которое «не только не уступало, но во многих отношениях превосходило вооружение других современных армий».

Исследователь изучил состав московского войска, способы его комплектования, сложившийся к середине XVII порядок управления вооруженными силами, обеспечение службы ратных людей.

Некоторые из выводов Епифанова представляют значительный интерес. Так, он отмечал высокие боевые качества русской дворянской конницы, выносливость и привычку русских воинов «к суровой жизни в поле, особенно в сильные морозы и снегопады, строгость существующей в московской армии дисциплины». Разбирая социальный состав стрелецкого войска, историк подчеркивал его неоднородность. Если первоначально рядовых стрельцов набирали из нетяглых крестьян и горожан, поступавших в стрельцы добровольно, то с течением времени стрелецкая служба стала наследственной. Низший командный состав рекрутировался из старослужащих, стрелецкие головы и сотники назначались только из дворян. Автор первым в отечественной науке обратил внимание на потери, понесенные стрельцами в годы Смутного времени, отметив, что в 1616 г. стрелецкий гарнизон Москвы насчитывал всего 2000 человек, значительно сократилась их численность и в других городах. Чрезвычайно высоко Епифанов оценивал профессиональное мастерство русских пушкарей, полагая, что общая численность пушкарей и затинщиков в XVI в. составляла уже не менее двух тысяч человек, уровень подготовки которых проверялся на регулярно проводимых учебных стрельбах. В XVII в. в состав вооруженных сил Московского государства вошли полки солдатского, рейтарского и драгунского строя. Комплектование их во второй половине XVII в. осуществлялось фактически за счет набора рекрутов с определенного числа дворов. Пристальное внимание исследователь уделил общей боеготовности населения. По наблюдениям П.П. Епифанова, она была очень высокой: среди посадских людей ружье имел один из пяти человек, а среди крестьян и бобылей, привлеченных к осадной службе, пищали находились у каждого шестого человека.

Автор подробно описал вооружение русского войска, но допустил несколько ошибок. Так, он полагал, что «каменные ядра в XVI в. почти совсем вышли из употребления: все без исключения орудия, описанные писцами, имели запас свинцовых и железных ядер разного веса». Между тем, такие снаряды продолжали использоваться и в XVII в., о чем свидетельствует составитель «Устава ратных, пушечных и других дел» Онисим Михайлов, указавший каменные ядра в качестве основных боеприпасов для целого ряда орудий (верховые пушки «Обезьяна», «Можжира» и др.). Орудия, стрелявшие каменными 6- и 4-пудовыми ядрами находились в составе в русской осадной артиллерии даже в годы Смоленской войны 1632—1634 гг.

Нельзя согласиться с утверждением П.П. Епифанова об установлении «определенного законом окладе поместий». Документы XVI—XVII вв. свидетельствуют, что в каждом уезде поместные оклады служилых людей имели пределы, заметно отличаясь от окладов дворян и детей боярских соседних городов.

Подобно А.Г. Елчанинову, Епифанов основательно запутался в датировке Ливонской войны. В одной из своих статей «Войско и военная организация» он сначала пишет, что война вспыхнула в 1558 г. и «продолжалась четверть века», но ниже отмечает, что через три года после взятия Казани (т. е. в 1555 г.), «в самом начале Ливонской войны (!), из Москвы на «немецкий рубеж» посланы были с другими ратными людьми конные стрельцы и казаки».

О том, что это утверждение не случайная описка, свидетельствует запись автора о доставке в 1555 г. русских пушек к «Ливонскому рубежу». Налицо ошибочное соотнесение событий русско-шведской войны 1554—1557 гг. с событиями Ливонской войны 1558—1583 гг.

Самые значительные ошибки сделаны Епифановым в другой его статье «Крепости». Невозможно согласиться с утверждением, что строившиеся в русских городах и острогах «глухие» башни имели ворота. Из описаний крепостей того времени видно, что башни с воротами именовались «проезжими», а «глухими» – исключительно закрытые крепостные сооружения, имеющие лишь «окна» (амбразуры). Так, крепость в Шацке имела 4 «проезжих» и 10 «глухих» башен, в Ельце – 4 «проезжих» и 6 «глухих», в Кромах – 1 «проезжую» и 10 «глухих» башен. В.В. Косточкин при описании укреплений Тверского кремля конца XIV в. отдельно упоминал «проезжие» (воротные) и «глухие» башни.

Исследований, по уровню обобщения основных проблем военной истории Московского государства XV—XVII вв., соответствующих перечисленным работам, в последнее время написано не было. Вышедшая в 2000 г. коллективная монография «На пути к регулярной армии России: от славянской дружины к постоянному войску», под общей реакцией В.А. Золотарева и Ю.П. Квятковского, представляет собой общий рассказ о деятельности наиболее прославленных русских полководцев, дополненный кратким обзором устройства вооруженных сил Московского государства, в основе восходящим к сочинению Е.А. Разина.

Авторы монографии не сумели справиться с главной задачей – представить во всей полноте «границы характеров и судеб прославленных военачальников и полководцев России». В книге не нашла отражения деятельность Д.Д. Холмского, Д.Ф. Бельского, А.Б. Горбатого, П.С. Серебряного, прославившегося героической обороной Пскова И.П. Шуйского. При описании хода военных действий, в которых отличились русские войска, пропущенными оказались русско-литовская война 1534—1537 гг. и Смоленская война 1632—1634 гг. Описанию Ливонской войны 1558—1583 гг. посвящен всего один абзац!

Возражения вызывают некоторые утверждения авторов монографии, касающиеся организации русского войска. Противопоставляя стрельцам дворян, они отмечали, что помещики «неохотно брали на вооружение огнестрельное оружие, ибо оно было тяжелым, требовало постоянного «навыкания» в обращении с ним. По этой причине пищальями снабжались их военные слуги-холопы». В действительности, в конце XVI в. в составе дворянской конницы, особенно на южной границе, насчитывались сотни, поголовно вооруженные «вогненным боем» – факт, давно известный в исторической науке.

Нельзя согласиться с их предположением о зарождении в России еще в XVI в. линейной тактики. Использовать ее стала стрелецкая пехота, прикрывавшая свои порядки, вместо «гуляй-города» «подручные средства: обоз, временные засеки или естественные препятствия – ручьи, реки». По-видимому, авторам неизвестно, что термин «обоз» был тогда тождественен термину «гуляй-город», подтверждение чему применительно к 1591 г. можно найти в сочинении дьяка Ивана Тимофеева: «Наше преславное ополчение, все войско земли нашей стояло тогда на некотором месте вблизи внешних укреплений самого великого города, по ту сторону Москвы-реки; оно называлось попросту обоз, а по древнему названию – «гуляй» (выделено нами. – В.В.)». Об использовании «гуляй-городов» русскими войсками в начале XVII в. упоминают Н. Мархоцкий и С. Маскевич. О появлении в России элементов линейной тактики можно говорить лишь с 1630–1640-х гг. после создания полков солдатского, драгунского и рейтарского строя, личный состав которых проходил систематическое строевое обучение.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что многие ключевые вопросы военной истории Московского государства конца XV – середины XVII вв., касающиеся организации русской армии, ее комплектования, вооружения и снабжения, особенностей боевой практики,

остались не проясненными. Оценку их историками следует признать спорной и не отвечающей современному состоянию исторической науки.

* * *

Использованные в работе над книгой источники можно условно разделить на следующие группы:

1. Материалы законодательной деятельности государственных учреждений, дипломатические документы, памятники писцового делопроизводства, воинские наставления, инструкции и уставы.

2. Летописи, хронографы и другие нарративные (повествовательные) источники.

3. Сочинения иностранных дипломатов и путешественников, а также офицеров, служивших в русской армии или воевавших с ней и оставивших записи мемуарного характера.

Первая группа источников представлена материалами законодательной деятельности государственных учреждений и памятниками писцового делопроизводства конца XV – первой половины XVII в. К ним относятся: Судебники 1497 и 1550 гг., Уложение о службе 1555/1556 гг. и Соборный Приговор 1604 г., Приговор «Совета всей земли» Первого ополчения 1611 г., Соборное Уложение 1649 г., различные международные договоры и обязательства, сохранившаяся дипломатическая переписка, великокняжеские и царские «указные грамоты о всяких государевых делах», а также указы воеводам, воинские уставы и наставления.

Первые русские законодательные сборники – Судебник 1497 г. великого князя Ивана III и Судебник 1550 г. царя Ивана IV – почти не отражали специфических вопросов организации военной службы, являясь преимущественно памятниками процессуального права. Однако ряд статей первого из кодексов показывает, что в законодательстве было четко определено особое положение в московском обществе служилых людей – детей боярских (ст. 12—13, 40, 42, 45). К теме нашего исследования непосредственно относится статья 56 Судебника 1497 г., в которой устанавливалось, что бежавшие из татарского плена холопы становились свободными людьми. Некоторые комментаторы расценивали это как своеобразную награду отличившимся в борьбе с татарами, однако, как видно из текста статьи, предписывалось освобождать всех «выбежавших ис полону» без учета боевых отличий.

Составители «царского» Судебника 1550 г. оговаривали права и привилегии детей боярских (ст. 26, 58—59), дополняя их важным запрещением принимать служилых людей и их детей в холопы, «опричь тех, которых государь от службы отставит» (ст. 81). Эта норма не имела прецедента в прежнем русском законодательстве и призвана была защитить интересы мелкопоместных служилых людей от покушений на их свободу со стороны крупных землевладельцев. Как и в старом кодексе, в новом Судебнике предписывалось освобождать вернувшегося из плена холопа (ст. 80), но перечень условий освобождения значительно расширился. На волю отпускались холопы, вернувшиеся из любого, а не только татарского, плена. За ними сохранялась возможность добровольного возвращения к господину; в этом случае каждого холопа-полоняника следовало «явити бояром, а дьяку подписати на старой крепосте, и пошлины имати з головы по алтыну». В случае обнаружения, что вернувшийся из-за границы холоп не был пленен, а бежал за пределы страны один или с господином («государем своим»), освобождения не происходило. Чрезвычайно важным при перечислении наиболее опасных преступлений представляется включение в общерусский свод законов упоминание о «градских здавцах» – лицах, сдавших неприятелю крепость (ст. 61).

Важное значение для упорядочения обязанностей вотчинников и помещиков имело Уложение о службе 1555/1556 гг., установившее, что каждый служилый человек, помимо личного участия в военных действиях, должен приводить с собой в войско «уложенных

людей», по 1 конному человеку с каждых 100 четвертей доброй «угожей» земли. Исправное выполнение воинских обязанностей проверялось на смотрах, являясь обязательным условием для подтверждения пожалованных поместных и денежных окладов. После Великого голода 1601—1603 гг. численность боевых холопов заметно сократилась, и правительство Бориса Годунова было вынуждено отменить ряд положений Уложения 1555/1556 гг. Датированный 12 июня 1604 г. Соборный Приговор вводил новый порядок несения военной службы: отныне в полки выставлялся 1 холоп не со 100, а с 200 четвертей земли. Уклонившимся от исполнения обязанностей вотчинникам и помещикам грозила конфискация владений, которые следовало передавать «беспоместным и малопоместным, кои служат, детям боярским и иных чинов людям».

События Смутного времени потребовали более детальной регламентации обязанностей различных разрядов военно-служилого сословия. Подтверждением этому служат статьи Приговора «Совета всей земли», принятого под Москвой в лагере Первого земского ополчения 30 июня 1611 г. Приговор не только юридически оформил власть подмосковного общеземского совета, но и непосредственным образом коснулся организации вооруженных сил страны. Заметную роль в ополчении играли служилые люди «по отечеству», основным вопросом для которых стал размер поместных пожалований и его детальная регламентация. Острое недовольство вызывала бесконтрольная раздача земельных владений, происходившая в годы противоборства Василия Шуйского и Лжедмитрия II. Для разрешения споров и принятия решения, способного успокоить служилых людей, было решено при распределении земли руководствоваться нормами, сложившимися при прежних, «прирожденных» царях (ст. 1), за исключением дворян и детей боярских, награжденных вотчинами за службу в войске М.В. Скопина-Шуйского и за оборону городов (ст. 8). Преимущество в испомещении отдавалось тем служилым людям, которые «ныне под Москвою в полках служат, <...> а поместий за ними нет, или у которых поместья разорены, и поместьями своими не владеют от литовского разоренья» (ст. 4). При этом составители Приговора не возражали против тушинских и прежних польских пожалований, если они соответствовали норме и служебным обязанностям помещика (ст. 9). Две статьи были посвящены нетчикам – воинам, уклоняющимся от службы, и дезертирам. Составители Приговора предписывали лишать их поместных владений (ст. 12—13). Возросшее значение казачества потребовало юридического оформления условий службы атаманов и рядовых казаков. Впервые русское законодательство официально разрешало верстать их «поместными окладами и служить с городами», то есть зачислять в состав уездной дворянской корпорации (ст. 17). Ряд статей Приговора посвящался определению структуры органов, осуществлявших управление государством. Военные дела поручались «начальникам» земской рати (П.П. Ляпунову, Д.Т. Трубецкому и И.М. Заруцкому) и дьякам восстановленного Большого Разрядного приказа (ст. 21).

Вопросы организации военного дела были затронуты и составителями Соборного уложения 1649 г. Им посвящалась 7-я глава, называвшаяся «О службе всяких ратных людей Московского государства». Она состояла из 32 статей, определявших права и обязанности военнотружущих, преимущественно в военное время. Большинство статей Уложения регламентировали порядок сбора ратных людей в полки и процедуру освобождения от службы, допускавшейся лишь по царскому указу или «для самых нужных дел» (ст. 2, 10, 11, 13, 14, 17, 18). Ряд статей определял порядок обеспечения войск (ст. 1, 3, 4, 5, 21, 23, 25). Особо подчеркивалось, что за службу «велит государь своим государевым людям всего Московского государства дати свое государево жалованье». Все расходы по содержанию войск возлагались на население страны: «И на то государево жалованье ратным людям денги збирати со всего Московского государства» (ст. 1). В случае необходимости «хлебные запасы» и «конские корма» предписывалось покупать у местного населения, но «по указной цене у тех людей, у которых хлебные запасы и конския кормы будут в лишке». Особо подчеркива-

лось, что «указная цена» – дешевле «торговой цены» (ст. 21). Дисциплинарным вопросам посвящались статьи 6, 22, 24, 30, 31, 32, борьбе с дезертирством и изменой – 8, 9, 12, 15, 16, 19, 20. Беглецов следовало наказывать кнутом и лишать части имения, предателей – вешать «против неприятельских полков, а поместья его и вотчины и животы взять на государя». В числе провинностей упоминалась также кража оружия, за которую виновного полагалось «бить кнутом нещадно» (ст. 28) и конокрадство, каравшееся отсечением руки (ст. 29).

8-я глава Соборного уложения посвящалась «искуплению» пленных. Дело это почиталось великим христианским долгом, лежащим на всем населении страны (ст. 1). Преимуществом при определении размеров выкупа пользовались служилые люди. За дворян и детей боярских, взятых в плен «на боех» «на окуп», давалось по 20 руб. с каждых 100 четвертей их поместного оклада, за прочих – по 5 руб. Московские стрельцы выкупались по 40 руб. за человека. За городских стрельцов и казаков давали 25 руб., за посадских людей – 20 руб., за пашенных крестьян и боярских людей – 15 руб. за человека (ст. 2—7).

К этому же разряду источников относятся различные международные договоры, заключенные московским правительством с послами Великого княжества Литовского (после 1569 г. – с Речью Посполитой), Ливонского Ордена, Швеции, Казанским и Крымским ханствами, Ногайской Ордой. Часть документов опубликована в соответствующих сборниках Русского исторического общества и в Литовской Метрике, часть хранится в РГАДА в фондах 79 (Сношения России с Польшей), 89 (Сношения России с Турцией) 96 (Сношения России со Швецией), 123 (Сношения России с Крымом), 127 (Сношения России с ногайскими татарами), 389 (Литовская Метрика). Особо следует отметить договоры эпохи Смутного времени. Они зафиксировали соглашения различных политических группировок расколотого непримиримой враждой российского общества с польским королем Сигизмундом III и гетманом С. Жолкевским, действовавшим по его поручению (Смоленский, Царево-Займищенский и Московский), согласие русской стороны признать своим царем королевича Владислава, сына Сигизмунда III.

Ценнейшие сведения по военной истории Московского государства содержит документация Разрядного приказа, дьяки которого вели подробные записи назначений на все высшие военные должности. Сведения о них заносились в разрядные книги, первые записи которых восходят к событиям последней четверти XV в., подробно описывают участие командного звена русского войска в войнах XVI – первой половины XVII вв. Первое издание официальных разрядных книг относится к 1853 г. когда были опубликованы записи, относящиеся к первой четверти XVII в., в том числе сведения, касающиеся посылки воевод по городам во время Московского похода королевича Владислава 1617—1618 гг. При работе над ними использовались данные Разрядных книг 1475—1598 гг., 1559—1605 гг., 1475—1605 гг., 1550—1636 гг., 1598—1638 гг., а также изданные С.А. Белокуровым «Разрядные записи за Смутное время» (М., 1907), регистрировавшие перемещение служилых людей на военной, гражданской (административной) и придворной службе. Несмотря на фрагментарность сохранившихся записей, они отразили основные тенденции социально-политического развития русского общества, состояние дел в административно-управленческом аппарате, характер и основные направления распорядительной деятельности Разрядного приказа. Из частных разрядных книг, фиксировавших служебные назначения представителей одного из знатнейших московских родов, уникальностью сведений выделяется Разрядная книга князей Пожарских, хранящаяся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Сохранившийся рукописный список памятника датируется серединой XVII в. Он был сделан по заказу убитого под Конотопом в 1659 г. князя С.Р. Пожарского с не дошедшей до нас рукописи, принадлежавшей его знаменитому дяде Д.М. Пожарскому. Эта разрядная книга начинается описанием событий осады Кеси (Вендена) войском И.И. Голицына и В.Л. Салтыкова во время Ливонского похода Ивана Грозного 1577 г., а заканчивается 1605 г.

Не менее важным источником являются «десятни» – служебные списки дворян и детей боярских, составлявшиеся при их верстании, разборе и выдаче денежного жалованья, поэтому все сохранившиеся десяти можно разделить на три основных типа: верстальные, разборные и раздаточные. Некоторые из них опубликованы В.Н. Сторожевым и Ю.В. Готье, однако значительное число относящихся в основном к XVII в.

хранится в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов в особом разделе «Дела десяти». Там же находятся «Книга сметная города Путивля», которую открывает ценнейший по содержанию наказ новоназначенным воеводам Б.М. Нагому и П.Н. Бунакову, разборные книги донских атаманов и раздаточные книги о выдаче денежного жалованья военным служащим полков солдатского, драгунского и рейтарского строя.

Важную информацию содержат указные, похвальные жалованные и ввозные грамоты, указы, боярские приговоры, отписки воевод, станичных и заставных голов, прочетные грамоты городов эпохи Смутного времени, разрядные и разметные списки, росписи укреплений, служилых людей, оружия и снаряжения, расположения станиц и сторожевых застав, крестоцеловальные и поручные записи, челобитные, розыскные дела, расспросные речи, памяти Разрядного и других приказов, многие из которых опубликованы в различных археографических сборниках. Подробные сведения о землевладении служилых людей, состоянии крепостей, хранящемся в них военном имуществе можно почерпнуть из писцовых книг.

Среди остающихся неопубликованными документальных материалов наибольший интерес представляют росписи русской армии 1629, 1631, 1638 и 1650/1651 гг. Сведения, содержащиеся в этих сводных ведомостях использовал А.В. Чернов, однако при подсчете численности отдельных разрядов служилых людей им были допущены ошибки. Определенную ценность представляют документы, посвященные засечному строительству, прежде всего наказная память засечному голове Михаилу Колупаеву, возглавлявшему работы по возведению укреплений в Тульском уезде. Документ датирован 1554 г. Введение его в научный оборот позволяет отбросить сомнения в существовании засек под Тулой, высказанные В.П. Загоровским. Также следует отметить большой комплекс поручных записей, данных посадскими людьми белозерским посадским старостам, «земским советным людям» и целовальникам по новоприборным стрельцам. Важным представляется факт зачисления на службу охочих людей на земском, а не царском жалованье, со своими самопалами. Эти обстоятельства были продиктованы временем проведения прибора, осуществлявшегося весной 1613 г., когда ослабевшая государственная власть могла руководить страной лишь в тесном контакте с «выборными земскими советными людьми».

В этих условиях даже стрелецкие головы и сотники не назначались Москвой, а избирались «миром».

В работе над книгой использованы акты из коллекции П.П. Шибанова (ОР РГБ), существенно дополняющие наши представления о событиях, происходивших на южных рубежах Московского государства в 40-х гг. XVII в. Среди находящихся в этой коллекции документов Чугуевской и Короченской съезжих изб большинство затрагивает вопросы организации обороны приграничных русских уездов, сообщает о вооруженных столкновениях с татарскими отрядами, состоянии укреплений и имеющемся вооружении. Лишь некоторые из актов, содержащих сведения об организации службы в Короченском остроге, были опубликованы. Уникальным по важности представляется сообщение о переводе в Чугуев 200 московских стрельцов. Информация об этом содержится в грамоте от 13 декабря 1642 г. местному воеводе Ивану Никифоровичу Бестужеву, которому предписывалось оказать содействие командовавшему стрельцами голове Богдану Озеренскому. Она позволяет опровергнуть утверждение о том, что принятое в начале 1640-х гг. решение московского правительства об устройстве на житье в южных городах 1200 московских стрельцов было реализовано лишь

частично, путем перевода двух стрелецких сотен в Усерд. Наиболее категорично настаивал на этом В.А. Александров, не нашедший в фондах РГАДА других документов о переводе московских стрельцов в южные города. Обнаруженная нами в фондах ОР РГБ грамота об устройении в Чугуеве «на вечное житье» 200 московских стрельцов свидетельствует о том, что правительственная программа выполнялась не только в Усерде, но и в Чугуеве, а возможно, и в других южных крепостях.

В XVI—XVII вв. создается ряд наставлений и уставов, посвященных регламентации службы ратных людей. Первым значительным памятником такого рода стал «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», составленный в 1571 г. особой комиссией во главе с кн. М.И. Воротынским. К участию в ней были привлечены также станичные головы и вожи, знавшие слабые места в действовавшей системе пограничной обороны. Зарубежный и русский опыт военных действий конца XVI—XVII вв. был обобщен в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки», подготовленном подъячим Посольского приказа Онисимом Михайловым на основе изучения переводных сочинений и собственного опыта. Наконец, после появления в составе русской армии полков солдатского, драгунского и рейтарского строя, появилась необходимость в печатных наставлениях для обучения военному делу новобранцев. Отчасти потребность в них была реализована публикацией в 1647 г. значительным тиражом (1200 экз.) труда И.И. Вальгаузена «Военное искусство пехоты», в русском переводе получившим название «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

Другая группа источников представлена нарративными памятниками: летописями, хронографами и воинскими повестями XVI—XVII вв.

Подробные сведения о событиях русской военной истории конца XV – начала XVI в. содержат Софийская, Воскресенская, Ермолинская, Львовская, Вологодско-Пермская, Типографская, Тверская, Новгородская IV, Псковские 1 и 2, Холмогорская, Устюжская, Иоасафовская летописи, Степенная книга царского родословия, Архангелогородский и Двинский летописцы, летописные записи Марка Левксинского, Летописчик Игнатия Зайцева, краткие летописцы Кирилло-Белозерского монастыря.

Крупнейшим памятником русского летописания XVI в. является Никоновская летопись, получившая свое название по одному из списков, принадлежавших патриарху Никону. В первоначальной редакции ее изложение доводилось до 1520 г., однако ряд списков Никоновской летописи (Патриарший и др.) дополнен рассказом о событиях середины XVI в. и более позднего времени. Многие известия Никоновской летописи уникальны, они дошли до нас только в составе этого свода.

Официальную трактовку общественно-политическому развитию Московского государства конца XVI – начала XVII вв. дал «Новый летописец». Он был завершен, как показывает анализ отраженных в памятнике событий, летом 1630 г. (после рождения царевны Анны Михайловны 14 июля и до 1 сентября 1630), однако работа по составлению летописца началась в середине 20-х годов XVII в. Исследователями отмечалось, что памятник по названию примыкает к летописям, а по содержанию и характеру принадлежит к историческим повестям. Внутренняя целостность этого произведения и тождественность в оценке схожих исторических событий указывает на принадлежность «Нового летописца» одному автору, которого, по мнению Платонова, отличали объективность и последовательность в изложении. В «Новом летописце» перечислены все основные события Смутного времени и междоусобицы 1610—1612 гг., описывается произошедшее в феврале 1613 г. избрание царем Михаила Федоровича Романова, рассказывается о первых годах его правления.

В ряде случаев сообщения «Нового летописца» дополняют сведения летописей, опубликованных в 34-м томе «Полного собрания русских летописей» (Пискаревского, Москов-

ского и Бельского летописцев), а также летописей и летописцев XVII—XVIII вв., хранящихся в ОР РГБ.

К указанной группе источников относятся и хронографы – сочинения по всемирной истории, пришедшие на Русь из Византии, Болгарии и Сербии, заметно расширенные из-за подробного освещения событий российской истории. Основная редакция Хронографа 1512 г., повествование которой завершалось событиями 1452 г., подверглась основательной переработке и была дополнена сведениями, относящимися к российской истории XVI – начала XVII в. Особенно следует выделить «вторую» редакцию русского хронографа, созданную в 1617 г., до окончания польско-литовской интервенции и заключения Деулинского перемирия. Главной ценностью источника является то, что его содержание положено в основу последующей русской историографии, что объясняется популярностью распространенного в сотнях списков хронографа редакции 1617 г.

Хронографом долгое время считалась и опубликованная часть «Столярова хронографа» («Хронографа Столяра», «Столяровского хронографа»), принадлежавшего Н.М. Карамзину и от него получившего свое название. В настоящее время установлено, что «Столяров хронограф» включает в себя Хронограф русской редакции 1512 г.; статьи Хронографа редакции 1617 г.; «Сказание о родословии великих русских государей и великих князей, и царей...»; оригинальное произведение, охватывающее события 1604—1644 гг., автором которого считается Б.Ф. Болтин, ряд других сочинений. В «Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», изданном А.Н. Поповым, опубликована была оригинальная часть «Столяровского хронографа» – сочинение Б.Ф. Болтина. По мнению А.И. Маркевича и С.Ф. Платонова, опубликованная часть «хронографа Столяра» – довольно подробная разрядная книга частного происхождения. В то же самое время ряд мест памятника, по признанию Платонова, приближается к летописным показаниям.

Традиционно ценным источником о противоборстве Московского государства и Казанского ханства считается Казанский летописец (Казанская история), написанный в 1564—1565 гг. освобожденным из татарского плена русским служилым человеком. Многие сведения, приводимые автором, представляют определенный интерес, но, при сопоставлении с летописными и актовыми материалами, часто не подтверждаются. Поэтому ряд исследователей относят это сочинение к источникам, не заслуживающим доверия.

Первостепенную важность при изучении событий военной истории Московского государства середины XVI в. представляет «История о великом князе Московском» А.М. Курбского, закончившего сочинение в 1570-х гг.

К числу часто используемых исследователями нарративных источников относятся также сочинения Авраамия (в миру Аверкия) Палицына и дьяка Ивана Тимофеева. Автор первого, начавший свою служебную карьеру воеводой в Кольском остроге и Холмогорах, затем постригшийся в монахи и в 1608 г. ставший келарем Троице-Сергиева монастыря, подробно описал завоевание Казани, последующую борьбу с продолжавшими сопротивляться татарами и марийцами, первые походы русских воевод эпохи Ливонской войны и войны Смутного времени.

В произведении дьяка Ивана Тимофеева (Семенова) существенным является сообщение об организации обороны Москвы во время нашествия Гази-Гирея в 1591 г., его оценка междоусобиц начала XVII в., иностранной военной интервенции.

Наиболее известными из воинских повестей XVI—XVII вв. являются «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», «Повесть о победах Московского государства», «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков».

Первое из этих произведений посвящено самому крупному из заключительных событий Ливонской войны, подвигу защитников Пскова, отразивших нашествие «лютото вели-

кого зверя», каким изображен автором повести польский король. Стилистика сочинения близка другим памятникам эпохи, таким, как «Степенная книга» и «История о Казанском царстве».

Воинскую повесть о событиях Смутного времени написал анонимный автор (смоленский дворянин), в 1612—1613 гг.

служивший в Нижегородском ополчении. В ней, помимо сообщения автором новых сведений о походе М.В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Москве, о сведении с престола царя Василия Шуйского, содержится ряд ценнейших известий об организации Нижегородского ополчения, его переходе в Ярославль, «стоянии» там и о последующем походе к Москве.

Ценнейшим источником является «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». Автор ее детально описывает сборы донцов весной 1637 г. в поход, осаду турецкой крепости, сделанный под стены Азова подкоп, штурм города, оборону его от татарских и ногайских орд, поражение огромного султанского войска, оставление в 1492 г. по приказу царя Михаила Федоровича (по решению Земского собора, устранившегося грозившей войной Турции).

Источниками, воспроизводящими многие подробности событий XV—XVII вв., являются сочинения (мемуары, записки, дневники) современников, оставивших описание русского войска, его вооружения, действий в войнах конца XV — середины XVII вв. К этой группе относятся: обширный труд посла австрийского императора Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг.; сочинения английских дипломатов Джильса Флетчера, Джерома Горсея, их австрийского коллеги Иоанна Фабра, трактаты иезуита Антонио Поссевино, направленного римским папой Григорием XIII в Москву с целью склонить царя Ивана IV к принятию католичества. Папский посланник был очевидцем последних событий Ливонской войны, участвовал в заключении Ям-Запольского перемирия между Московским государством и Речью Посполитой. Ценные сведения о русском войске содержат путевые записки путешественников Ричарда Ченслера, Томаса Бэннистера и Джона Джекета, второго капитана на корабле Х. Уиллоби Климента Адамса, опричников Генриха Штадена, Иоанна Таубе и ЭлERTA Крузе, витебского коменданта Александра Гваньини, «Ливонская хроника» Бальтазара Рюссова, сообщение Энтони Дженкинсона, описавшего происходившие в Москве в 1557 г. артиллерийский и стрелковый смотры. К сожалению, в нашей литературе сведения Дженкинсона о численности участвовавших в смотре стрельцов были искажены. Подробнее этот факт будет рассмотрен во 2-й книге трактата. Подробные сведения о России и русском войске собрал Франческо Тьеполо, книга которого «Рассуждение о делах Московии» посвящена была не только географическому описанию страны, но и состоянию ее крепостей, численности вооруженных сил, их размещению в мирное и военное время. Организации русской армии посвятил отдельную главу своей книги, вышедшей в Падуге в 1680 г., Яков Рейтенфельс. Его интересовала численность войска, его устройство, подготовка военнослужащих. По мнению Рейтенфельса, «главная сила русских заключается в пехоте и, совершенно справедливо, может быть уподоблена турецким янычарам». Многие сведения этого автора подтверждают факт существования в России постоянного войска, численность которого он определил в 100 тысяч человек. Большая часть из них несла службу на границах страны. Немало ценной информации сообщил своему правительству шведский военный агент капитан Эрик Пальмквист, включенный в посольство Г. Оксеншерны для сбора сведений о русских вооруженных силах. Особый интерес вызывает сделанная им на профессиональном уровне характеристика московской артиллерии.

Большой пласт мемуаров и дневников оставила Ливонская война. О шедших тогда боевых действиях рассказывается в записках каштеляна Гнезниского Яна Зборовского, старосты Ковельского и Гродненского Луки Дзялынського, австрийского посланника в Москве

Даниила Принца фон Бухау, секретаря польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III Рейнгольда Гейденштейна. Особый интерес вызывают рассказ Александра Полубенского, командовавшего польскими войсками в Прибалтике, об осаде и взятии Вольмара во время Ливонского похода Ивана Грозного 1577 г. и пребывании автора в русском плену и сочинение неизвестного очевидца Венденской битвы 1578 г., закончившейся тяжелым поражением московского войска.

Событиям Смутного времени посвящены: «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», принадлежавшие перу польского полководца, разбившего под гжатским селом Клушиным русско-шведские войска князя Д.И. Шуйского и Я.П. Делагарди и вынудившего московские власти к заключению договора о признании новым русским царем польского королевича Владислава; мемуары капитана Жака Маржерета, командовавшего ротой наемников в русской армии, а затем в войсках Лжедмитрия II и Сигизмунда III; сочинения голландского купца Исаака Массы, бывшего очевидцем выступления посадских людей против «тушинцев» в Вологде и Ярославле осенью 1608 г., аугсбургского торговца Георга Паерле, Конрада Буссова – немецкого ландскнехта, с 1601 по 1611 гг. находившегося на службе в наемных ротах у Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Лжедмитрия II и Сигизмунда III; дневниковые записи польского шляхтича Самуила Маскевича, дворецкого Марины Мнишек Мартына Стадницкого, ротмистра Николая Мархоцкого и мозырского хорунжего Иосифа Будило, находившегося в осажденном русскими войсками Московском Кремле, вплоть до октябрьской капитуляции 1612 г.; «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея, военного комиссара при шведском экспедиционном корпусе Я.П. Делагарди. К этой же группе источников относятся и мемуары архиепископа Елассонского Арсения, грека по происхождению, в 1597 г. ставшего архиепископом при Архангельском соборе Кремля, а в 1615 г. – архиепископом Суздальским. Находясь в Кремле во время осады Москвы земскими ратями, архиепископ Елассонский в воспоминаниях рассказал о разорении города в 1611 г. поляками, о невзгодах и лишениях, пережитых русскими людьми, оказавшимися вместе с интервентами в осажденной русскими полками столице, об освобождении Москвы ополчением Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского в октябре 1612 г.

Ценным источником для изучения событий Смоленской войны является опубликованный в отрывках «Дневник о войне царя Михаила Феодоровича с польским королем Владиславом 1632—1634 гг.», написанный не установленным очевидцем неудачной попытки русской армии вернуть потерянные Россией в годы Смутного времени смоленские, черниговские и новгород-северские земли.

Определенные интерес представляют небольшие, но содержательные сообщения московского посла, грека по происхождению, Георгия Перкамоты и немецкого путешественника Иоанна Давида Вундерера. Краткая запись рассказа Перкамоты о Руси времени правления великого князя Ивана III, сохранившаяся в итальянских архивах, была переведена на русский язык М.А. Гуковским и опубликована в приложении к его статье, посвященной поездке Перкамоты в Милан. Сообщение московского посла датировано 28 июня 1486 г. Для нас особенно интересно его упоминание о получившем широкое применение в Московском государстве ручного огнестрельного оружия.

И.Д. Вундерер, посетивший в 1590 г. Псков, коснулся организации службы воинов поместного ополчения, их вооружения и обеспечения продовольствием во время походной жизни.

Детальное описание русской армии середины XVII в. сделал Григорий Карпович Котошихин, подьячий Посольского приказа, в 1664 г. бежавший за пределы России. В 1666 г. в Швеции им было написано подробное сочинение о русских царях, государственном устройстве, особенностях русского посольского ритуала, вооруженных силах, обычаях простого народа. Для нашего исследования первостепенную важность имеют сообщения Кото-

шихина о приказах, осуществлявших функции военного управления, составе армии, в том числе полках солдатского, драгунского и рейтарского строя, о воинских сборах, укрепленных городах и монастырях, организации артиллерии, служивших в русском войске донских казаках.

Завершая обзор дневников и мемуаров современников событий конца XV – середины XVII вв. следует отметить противоречивость многих свидетельств. Так, отечественными источниками, повествующими об участии в войнах посольных и даточных людей, полностью опровергается утверждение К. Адамса, считавшего, что «в Московии народа так много, что в войско не берут ни поселян, ни купцов». В 1486 г. русский посол Г. Перкамота сообщил в Милане об использовании русскими воинами ручного огнестрельного оружия, но почти столетие спустя А. Гваньини, служивший в польской армии во второй половине XVI в., писал, что «москвиты еще лет сорок назад не знали ни многочисленных орудий, ни пушек», не говоря уже о ручницах и самопалах. Археологические находки подтверждают правоту Перкамоты, но приведенные примеры доказывают необходимость критического отношения к дошедшим до нас документам и свидетельствам.

* * *

Компаративное использование всего комплекса выявленных источников и военно-исторической литературы позволяет сформулировать цели и задачи исследования.

Главной целью работы является всестороннее изучение особенностей военно-политического развития Московского государства с конца XV и до середины XVII в. Для достижения этой цели необходимо решить следующие важные исследовательские задачи:

1. Рассмотреть деятельность политического руководства страны, направленную на развитие и укрепление вооруженных сил Московского государства.
2. Установить приоритеты внешней политики России, причины вызревавших вооруженных конфликтов, рассмотреть сложившуюся практику военного решения важнейших внешнеполитических задач, определить, достаточными ли для этого были имеющиеся в распоряжении правительства силы и средства.
3. Исследовать организацию армии и ее отдельных частей, систему военного управления, порядок комплектования, обучения и оснащения вооруженных сил, характер осуществлявшихся на границах страны оборонительных мероприятий.
4. Выделить этапы военно-политического развития Московского государства.

Осуществление поставленной цели и исследовательских задач позволяет определить характер и содержание военной политики московских государей, оценить эффективность их действий по защите страны и ее внешнеполитических интересов. В этой связи представляется ошибочным мнение В.Б. Кобрин, высказанное им в редакционной статье, помещенной в сборнике «Из истории русской армии и оружия» (Труды ГИМ. Вып. 64. М., 1987). Подчеркнув, что чаще всего предметом исследования военных историков становятся конкретные боевые операции, деятельность полководцев, применение различных стратегических и тактических приемов, автор попытался обосновать актуальность изучения военной организации страны и ее вооружения как некоего «иного аспекта» изысканий в области военной истории. Заявление Кобрин о возможности изучения вооруженных сил не оценивая их боевую практику является ошибочным. Армия создается и существует для ведения войны, организация ее совершенствуется в ходе военных действий, опыт боевых операций оказывает решающее влияние на развитие военного дела и позволяет использовать его при подготовке войск к новым вооруженным конфликтам.

Хронологические рамки представленного на суд читателей исследования определены следующим образом: начало – временем образования единого Русского государства, когда

началась перестройка московской княжеской армии, в ходе которой мелкий княжеский и боярский вассалитет превратился в государевых служилых людей – помещиков, получавших за свою службу в условное держание земли, населенные крестьянами, конец – вступлением нашей страны в русско-польскую войну 1654—1667 гг., в ходе которой произошли радикальные изменения в организации и структуре вооруженных сил России: начался переход от службы «по отечеству» и «по прибору» к воинской повинности, умножилось число полков солдатского и рейтарского строя, возросло боевое значение и численность пехоты, превратившейся в главный род войск, были переформированы стрелецкие части, усилена артиллерия. В результате Московскому государству удалось отвоевать смоленские, черниговские и северские земли, присоединить часть украинских и белорусских земель – к концу XVII в. образовалась огромная держава в естественных русских границах последующего времени – от берегов Днепра до Тихого океана.

Часть 1

Русское государство в войнах и военных конфликтах конца XV – середины XVII века

На протяжении всего рассматриваемого периода перед русским правительством стоял ряд важнейших внешнеполитических задач, без решения которых немислимо было дальнейшее развитие страны. Существовала унаследованная старых времен проблема противоборства с татарскими ханствами, боевая мощь которых серьезно ослабла с распадом Орды, но даже в таком виде представляла немалую опасность для сопредельных со степью русских территорий. Из года в год, за исключением очень непродолжительных периодов мирного сосуществования, южные границы Московского государства подвергались нападениям степняков. В 1521, 1571, 1591 гг. и в Смутное время их отряды действовали в непосредственной близости от Москвы. Бескомпромиссная борьба с враждебными татарскими государствами – Казанским, Крымским, в меньшей мере с Астраханским и Сибирским ханствами, Ногайской Ордой – была для Москвы делом первостепенным, от успеха которого зависело и ее благосостояние, и суверенитет. На протяжении XV, и даже в XVI веках хозяева степных улусов тешили себя надеждами о возрождении могущества Золотой Орды и новом завоевании русских земель. В XVII столетии, после возведения на южных «украинах» мощных оборонительных сооружений, опасность татарских набегов значительно снизилась, но противостояние Москвы, Крыма и стоявшей за его спиной Османской империей сохранялось вплоть до второй половины XVIII в.

Напряженными оставались русско-литовские, а с XVI в. и русско-польские отношения. Редкие периоды их нормализации, как правило, объяснялись ухудшением обстановки на крымском или шведском рубежах, а также обострением частых внутривостановических и социальных конфликтов в самом Русском государстве. Территориальные претензии сторон и старые обиды влекли за собой новые столкновения, редко обходящиеся без полномасштабных военных действий. Показательно, что большинство важнейших мирных соглашений между Московским государством, Литвой, а затем и Речью Посполитой носили заранее оговоренный временный характер перемирий. Например: заключенное на 6 лет Московское («Благовещенское») перемирие 1503 г.; пятилетнее Московское перемирие 1522 г., продленное по истечении этого срока сначала на шесть лет (Можайское перемирие 1526 г.), а затем еще на год в 1532 г.; перемирие 1537 г., поставившее точку в русско-литовской войне 1534—1537 гг. и перемирия 1542 и 1549 гг.; завершившее Ливонскую войну десятилетнее Ям-Запольское перемирие 1582 г. и более детально проработанное Московское перемирие 1582 г., также заключенное на 10 лет, но уже не до января, а до конца июня 1592 г.; пятнадцатилетнее Варшавское перемирие 1587 г.; двадцатилетнее Московское перемирие 1601 г., Московское перемирие 1608 г. (на 3 года и 11 месяцев) и, наконец, знаменитое Деулинское перемирие 1618 г., заключенное на 14,5 лет, а в более широкой ретроспективе и Андрусовское перемирие 1667 г., срок действия которого был определен в 13,5 года.

Менее напряженными были русско-немецкие (русско-ливонские) и русско-шведские отношения. Несмотря на привлекательность балтийской торговли и желание упрочить свои позиции за счет присоединения к России Нарвы, Юрьева и Карелии, до конца XVII столетия эта задача для московского правительства оставалась периферийной. Неудачная Ливонская война, затеянная Иваном IV в 1558 г., продемонстрировала, что военное противостояние с объединенными силами северных государств чревато для России не победами, а поражениями, не территориальными приобретениями, а потерей пограничных городов.

Безусловно, в разные периоды истории Московского государства в зависимости от конкретно-исторических условий приоритет той или иной внешнеполитической задачи существенно менялся. В конце XV – начале XVI в., добившись полной политической независимости от Большой Орды (1480 г.) и установления в 1487 г. протектората над Казанским ханством, русское правительство, установившее союзнические отношения с крымским «царем» Менгли-Гиреем, ведет целую серию войн с Великим княжеством Литовским. В ходе этой борьбы Москве удалось добиться существенного изменения границ в свою пользу. Обстановка изменилась после резкого ухудшения русско-крымских отношений в начале второго десятилетия XVI в. и антирусского переворота в Казани весной 1521 г., поддержанного крымским ханом Мухаммед-Гиреем, отпустившим править Казанской землей своего брата Сагиб-Гирея. Совместные действия крымско-казанских войск оказались крайне опасными для Московского государства, вынудили его свернуть военные действия против Литвы, заключив с этой страной в 1522 г. пятилетнее перемирие, продленное в 1526 г., а затем и в 1532 г.

Покорение Москвой Среднего и Нижнего Поволжья, установление русского протектората над Большой Ногайской Ордой укрепили восточные и юго-восточные рубежи России. Однако, именно в это время векторы внешней политики Московского государства были резко изменены. Вместо ожидавшейся большой войны с Крымом, Иван IV начинает в 1558 г. Ливонскую войну, вылившуюся в многолетний тяжелый конфликт с Речью Посполитой и Швецией. Поражение русских войск в битвах с польско-литовскими и шведскими армиями, крымские вторжения значительно ослабили военную мощь Русского государства, вынудив правительство принять меры, по улучшению ситуации на границах. Одной из самых действенных мер по борьбе с участвовавшими татарскими нашествиями стало принятие «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе», составленного в 1571 г. воеводой князем Михаилом Ивановичем Воротынским.

Принятые меры укрепили русские вооруженные силы и позволили вернуть потерянные в годы Ливонской войны территории. Так, во время русско-шведской войны 1590—1595 гг., несмотря на неудачную осаду Нарвы, Москве были возвращены: Ивангород, Копорье и Ям. 4 июля 1591 г. в сражении у села Коломенского под Москвой русские полки разбили войско крымского хана Гази-Гирея. Однако общее состояние государства, ресурсы которого были подорваны действиями Ивана Грозного и его опричного окружения, оставалось тяжелым, чреватом почти неминуемым социальным взрывом.

Смутное время начала XVII в. ознаменовано не только серией больших и малых гражданских войн, но и масштабной интервенцией польско-литовских и шведских войск, действия которых усугубляли последствия народных бунтов и восстаний. В этот период операции русских войск носили исключительно оборонительный характер. Стремясь сохранить независимость страны, русские правительства эпохи Смутного времени шли на вынужденные территориальные уступки своим воинственным соседям, пытаясь, во что бы то ни стало, получить мирную передышку. Особый интерес к этому переломному периоду российской истории вызывают наметившиеся изменения в системе организации русского войска. Известно несколько попыток реформировать вооруженные силы страны, предпринятые отдельными представителями верховной власти (например, М.В. Скопиным-Шуйским в 1609 г.). В годы Смутного времени в условиях капитуляции московского правительства перед поляками в непримиримую борьбу с интервентами и «русскими ворами» вступает вооруженный народ и пользующиеся его доверием руководители из числа местных воевод. Они встали во главе организованных за счет местных тяглых общин земских отрядов, объединившихся затем в освободительные ополчения. Именно народные рати 1610—1612 гг. спасли гибнущее Отечество и разгромили вражеские армии; выборные ополченские власти

взяли на себя и функции временного военного управления страной, а позднее сыграли выдающуюся роль в воссоздании разрушенной российской государственности.

Сложная международная обстановка 20—40-х гг. XVII в. и тяжелое внутреннее состояние Московского государства вынуждало правительство Михаила Федоровича маневрировать, пытаясь использовать глубокие польско-шведские противоречия, искать союзников против главного врага – Речи Посполитой. Проведение такого внешнеполитического курса диктовалось необходимостью осуществления важнейшей задачи – возвращения Смоленска и других русских городов, завоеванных поляками в годы Смутного времени. Ради этой цели правительство было готово пойти и пошло на значительную модернизацию своих вооруженных сил и на союз с Турцией и Швецией, отказавшись на время от идеи возврата захваченных шведами карельских и ижорских территорий. Неудачная Смоленская война 1632—1634 гг., не поколебала его решимости возобновить, при первом же удобном случае, борьбу за смоленские и черниговские земли. Однако наряду с подготовкой войны против Речи Посполитой московские власти начали спешно укреплять южную границу, откуда в разгар Смоленской войны был нанесен татарами мощный удар, во многом предопределивший последующие неудачные действия русских войск. Эти годы стали временем накопления сил и средств, необходимых для возвращения западнорусских земель. Важным фактором, облегчившим выполнение поставленной задачи, стало начавшееся в 1648 г. восстание днепровских казаков под предводительством Богдана Хмельницкого, позднее переросшее в настоящую войну за освобождение Украины. Решение Земского собора 1653 г. о принятии украинского народа в русское подданство привело к началу новой войны с Речью Посполитой (1654—1667 гг.), в ходе которой Россия отвоевала потерянные в годы Смутного времени смоленские и черниговские земли, а также присоединила к своей территории Левобережную Украину. Рассмотрение этого вооруженного конфликта, значительно изменившего внутреннее состояние Русского государства и приоритеты его внешней политики, лежит за пределами данной работы.

* * *

Необходимость глубокого изучения опыта военных конфликтов Московской Руси с соседними государствами в конце XV – середине XVII в. вызвана не только отсутствием общего обзора военной истории России этого времени, но и происходившим в ходе их разрешения изменением военного потенциала страны, появлением новых разрядов и родов войск. В основу периодизации данной исследовательской работы положены следующие этапы развития вооруженных сил Русского государства:

1-й этап. – Начало перестройки московской княжеской армии. Создание поместного войска. – В результате этих преобразований были созданы предпосылки для успешного решения первоочередных внешнеполитических задач – отвоевания части западнорусских территорий у Великого княжества Литовского и установления мирных отношений с татарскими ханствами.

2-й этап. – Военные реформы Избранной рады. Упорядочение службы поместного ополчения. Формирование «приборных» войск. – На этом этапе правительство приступило к покорению Казанского и Астраханского «царств», позднее началось продвижение русских войск в Западную Сибирь, на Северный Кавказ, была предпринята попытка завоевания Ливонии и Полоцкой земли, шла ожесточенная борьба с крымскими набегами.

3-й этап. – Ослабление русской военной силы на рубеже XVI—XVII вв. Польско-литовская и шведская интервенция. Создание и действия земских вооруженных сил (ополчений). Преодоление кризиса и восстановление старой военной организации. Первые попытки устройства регулярных войск. – Поражения эпохи Смутного времени и потеря важнейших рубежей обороны на западных и северо-западных границах делали неизбежным поиск

новых форм организации русской армии. В 1630 г. для участия в приближающейся войне с Речью Посполитой (Смоленская война 1632—1634 гг.) началось формирование первых полков солдатского, рейтарского и драгунского строя. Неудачный исход этой войны не изменил выбранного правительством курса, направленного на создание мощной регулярной армии, однако тяжелое финансовое положение вынуждало власти использовать в военное время все наличные силы: поместное ополчение и «приборные» войска, полки нового строя, отряды «даточных» посадских и уездных людей, а в случае неприятельского вторжения на русскую территорию – всего вооруженного населения.

Изучение динамики данных процессов и его сущностных проявлений в наиболее узловые моменты истории Московского государства позволяет существенно дополнить общее представление о реализации военных планов политического руководства страны.

Глава 1

Войны Московской Руси конца XV – начала XVI века

Освободившись от власти татарских ханов, Московское государство получило возможность устанавливать равноправные отношения с соседними державами. Как правило, это происходило вооруженным путем, в ходе разрешения спорных территориальных проблем. Наиболее острым был пограничный конфликт с Великим княжеством Литовским. В 70–80-е гг. XV в. он проявился в стремлении Москвы добиться отказа Вильны от мнимых и действительных прав и претензий на Новгород, Великие Луки и Ржевские волости, а также вернуть под свою власть земли князей Одоевских, Воротыньских, Белевских. Представители этих княжеских фамилий принадлежали к общему роду князей Новосильских, перешедших на литовскую службу в годы Феодальной войны второй четверти XV в. в Московском княжестве. Теперь, после зримого усиления Русского государства они начали возвращаться обратно на московскую сторону, побуждаемые к этому агентами Ивана III. На другие территории Великого княжества Литовского Москва тогда не претендовала. Лишь позднее, уже во времена Василия III, русскими дипломатами было публично заявлено, что Литва «неправдою» держит «отчину» великого князя – Киев, Полоцк и другие города Русской земли. Впрочем, и в то время Москве пришлось ограничиться присоединением лишь Смоленской земли.

Потеряв в войнах 1492—1494, 1500—1503, 1507—1508 и 1512—1522 гг. часть своих восточных территорий, литовские великие князья так и не смогли смириться с их потерей. Попытка добиться реванша просматривается во многих действиях Александра Казимировича, сумевшего вновь объединить под своей властью и Литву, и Польшу, а затем и в действиях его брата и преемника Сигизмунда I Старого. К возобновлению борьбы с Московским государством за спорные смоленские и северские земли они стремились и деятельно готовились. История русско-литовских отношений первой половины XVI в. знает целую серию войн: 1507—1508, 1512—1522 и 1534—1537 гг. После возвращения Литвою в ходе последнего конфликта Гомеля и Любеча обстановка на русско-литовской границе стабилизировалась. Она оставалась относительно спокойной более 20 лет, до начала Ливонской войны 1558—1583 гг., на несколько столетий обрушившей хрупкий мир в Восточной Европе.

Отношения со Швецией, северным соседом Московского государства, осложнял спор из-за той части карельской территории, которая была уступлена ей Великим Новгородом по Ореховецкому договору в 1323 г. Эта территория включала в себя погосты Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволак). В августе 1495 г. начался поход русского войска к Выборгу. Осада этой мощной крепости, в середине XV в. перестроенной Карлом Кнутсоном, закончилась неудачей, но другие действия русских отрядов были более успешными, особенно предпринятые русскими воеводами военные экспедиции в глубь Финляндии. Наибольший интерес из этих операций вызывает морской поход 1496 г. князей братьев И.Ф. и П.Ф. Ушатых, войско которых, пройдя на кораблях по Белому морю, обогнуло Кольский полуостров, захватило 3 шведских корабля и razорило «Каянскую землю» (Северную Финляндию).

Встревоженный русскими вторжениями правитель Швеции Стен Стуре в августе 1496 г. нанес ответный удар. 70 шведских кораблей высадили у стен русской крепости Ивангород 6-тысячное войско. Крепость не была готова к обороне. Ее наместник и воевода кн. Юрий Бабич бежал. Шведы захватили Ивангород штурмом, перебив всех взятых в плен жителей. Иван III немедленно направил против шведов 3-тысячный отряд воевод Ивана Федоровича Гундора и Михаила Кляпина, а затем и рать псковского наместника князя Александра Владимировича Ростовского. При приближении русских войск шведы ушли из Ивангорода. В 1497 г. в Новгороде между Иваном III и Стеном Стуре было заключено 6-летнее

перемирие, впоследствии неоднократно продлевшееся правительствами Василия III (1524) и Елены Глинской (1536).

Русская активность на своих западных и северных границах тревожила власти Ливонского ордена и впоследствии.

Дважды – в 1480—1481 и 1501—1503 гг. дело доходило до военных действий между Ливонией и Московским государством, но они, как правило, ограничивались взаимным опустошением сопредельных территорий и заканчивались восстановлением старой пограничной линии.

Сложная обстановка сохранялась на восточных и южных границах Московского государства, где продолжались татарские нападения. В начале рассматриваемого периода наиболее напряженными были отношения с Казанью. Иначе складывались взаимосвязи с Крымским ханством, власти которого в то время были заинтересованы в тесном союзе с московским князем для совместной борьбы с Большой Ордой. После гибели хана Ахмета («Ахмата») в январе 1481 г. (по крымским источникам 21 января, по русским – 6 января), Ордой стали править его сыновья («Ахматовы дети» русских летописей и дипломатических документов), которых традиционно поддерживали Великое княжество Литовское и Польша. В начале 80-х гг. XV в. «Ахматовы дети» усилили натиск на Крым. В 1485 г. «ордынский царь Махмут, Ахматов сын», разгром войска крымского хана Менгли-Гирея, который смог удержать власть в своих владениях лишь с турецкой и, отчасти, с русской военной помощью. Наличие общих врагов – Большой Орды и Литвы превратило Крым в естественного союзника Москвы, чья поддержка облегчала многие внешнеполитические акции Ивана III¹. Важным результатом его государственной деятельности стало снижение уровня военной опасности, угрожавшей русским пределам со стороны татарских степей. Прекращение ордынских вторжений и сокращение до минимума мелких и не очень опасных наездов отрядов «ордынских казаков» самым благотворным образом сказалось на внутреннем развитии России, проявившись как в росте численности ее населения, так и в увеличении экономического потенциала. Однако После окончательного разгрома Большой Орды (1502 г.) крымские ханы попытались подчинить власти Гиреев все татарские юрты и добиться от Москвы признания вассальной зависимости от Киркора и Бахчисарая. Именно на этой почве в начале XVI в. стал вызревать новый русско-татарский конфликт, во многом предопределивший дальнейшую многовековую борьбу Москвы с Крымом и Турцией.

Основным целям русской внешней политики соответствовали прочие дипломатические инициативы великого князя Ивана III. Его вражда к польско-литовским Ягеллонам естественным образом подтолкнула Москву к диалогу с противниками последних. Среди них были: молдавский господарь Штефан III (первые контакты с ним были осуществлены в апреле 1480 г.); венгерский король Матвей Корвин (1482); германский император Фридрих III (1486). Антиганзейские действия великого князя и подготовка к войне со Швецией способствовала заключению первого русско-датского союзного договора (1493).

Исследование основных проблем политического развития Московского государства на рубеже XV—XVI вв. требует глубокого изучения военных событий того времени, реальной оценки его действий против своих врагов.

¹ Союзнические отношения, существовавшие в это время между Москвой и Крымом, не исключали нападений, которые совершали на Русь татарские отряды не только из Большой Орды, Ногайской Орды, но даже и из Крымского Юрта. Тем не менее, пользуясь благожелательным отношением Менгли-Гирея, московские воеводы сравнительно легко отражали эти набеги, зачастую преследуя врага и в «Поле». Русские летописи сохранили рассказ о нападении в 1492 г. отряда «ордынских казаков» под командованием Темеша на алексинскую волость Вошану. Воеводы Ф. Колтовской и Г. Сидоров настигли врага уже за пределами русских земель в степи «промеж Трудов и Быстрой Сосны» и разгромили татар. Русские в этом бою потеряли убитыми 40 человек, ордынцы – 60, но «иные идучи татарове в Орду ранены на пути изомроша». – ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 129 об.; ПСРЛ. Т. 8. С. 224—225.

1. Военное противоборство Москвы с Казанским ханством во второй половине XV в. и Русско-ливонская война 1480—1481 гг.

В 60-х годах XV в. общая обстановка на границах вынуждала московского государя форсировать силовое решение конфликта с Казанью, временами (в 1467—1469, 1477—1478, 1485, 1486 и 1487 гг.) выливавшееся в настоящие русско-казанские войны. Начало им было положено в 1467 г., во время очередного династического кризиса в Волжской Татарии. Русское правительство решило вмешаться во внутренние дела ханства, чтобы поддержать династические права на казанский престол одного из сыновей хана Улуг-Мухаммеда Касима. В 1452 г. он был изгнан своим старшим братом Махмудом (Махмутеком; в русских летописях Мамутяком) и укрылся в русских владениях. Именно на выделенных Василием II Касиму землях на реке Оке возникло Касимовское ханство, находившееся в полной вассальной зависимости от Москвы. Центром этого анклава стал Городец-Мещерский, вскоре (в 1474 г.) переименованный в Касимов. Удельное ханство на Оке стало местом поселения представителей знатных татарских родов, по тем или иным причинам покинувших свои родные улусы. На протяжении XV—XVI касимовские «царевичи» и мурзы постоянно использовались московскими государями в осуществлении их планов завоевания соседних татарских ханств.

С точки зрения Ивана III удобный момент для вмешательства в казанские дела наступил в 1467 г., когда умер правивший в Казани старший сын Махмутека бездетный хан Халиль и на престол взошел его младший брат Ибрагим (Обреим). Часть казанской знати во главе с князем Абдуллой-Муэми-ном (Авдул-Мамона), недовольная новым «царем», решила в противовес Ибрагиму поддержать права его дяди Касима и пригласила этого изгнанника вернуться на родную землю и занять ханский трон. Осуществить это предприятие претендент мог только при военной помощи великого князя Ивана III, которая и была ему оказана.

14 сентября 1467 г. русское войско, выделенное в помощь Касиму, выступило в поход на Казань. Командовали ратью лучший воевода великого князя Иван Васильевич Стрига Оболенский и незадолго до этого перешедший на московскую службу тверской полководец князь Данила Дмитриевич Холмский. Сам Иван III находился с резервными войсками во Владимире, откуда, в случае неудачи похода, он мог прикрыть значительную часть русско-казанской границы. Предчувствие не обмануло московского князя. На переправе в устье реки Свияги Касим и русские воеводы были встречены большим казанским войском и были вынуждены остановиться на правобережье Волги. Воеводам оставалось ждать «судовую рать», двигавшуюся им на помощь по рекам Клязьме, Оке и Волге, но она так и не успела до морозов подойти на помощь войску И.В. Стриги Оболенского и Д.Д. Холмского. Попытка заманить на свой берег и захватить татарские речные корабли также не удалась. Поздней осенью 1467 г. русские полки вынуждены были начать отступление к границе.

В ожидании ответного нападения казанских отрядов Иван III приказал готовить к обороне пограничные города Нижний Новгород, Муром, Галич и Кострому, разослав туда свои заставы. Действительно зимой 1467/68 г. татары напали на хорошо укрепленный еще в годы противоборства Василия II с Юрием Звенигородским и его детьми Галич. Однако большая часть своевременно извещенного местного населения, привычного к нападениям врагов, успела укрыться в городе. Галичане, с помощью подоспевшей им на помощь лучшей частью московского войска — «двором великого князя» под командованием князя Семена Романовича Ярославского не только отбили нападение, но в декабре 1467 — январе 1468 г. совершили ответный лыжный поход на черемисов (марийцев), территория которых входила тогда в состав Казанского ханства. Русские полки в конце похода находились всего в дне пути от

татарской столицы, «повоеваша всю ту землю». Из похода войско Семена Романовича вернулось к празднику Крещения Господня – 6 января 1468 г.

Боевые действия шли и на других участках русско-казанской границы. Муромцы и нижегородцы опустошали татарские порубежные селения на Волге, «а с Вологды ходиша тако ж, и устюжане и кичмежане и воеваша по камен по Вятке и много избиша и плениша». В отместку за этот поход татарское войско в конце зимы 1467/68 г. дошли до верховьев реки Юга, сожгли городок Кичменгу, перебив его защитников и захватив в плен укрывавшихся за его стенами жителей окрестных селений. На Вербной неделе (4-10 апреля 1468 г.) казанцы и черемисы разграбили две костромские волости, в мае выжгли окрестности Муромы, однако в последнем случае совершивший нападение татарский отряд был настигнут и уничтожен ратью князя Д.Д. Холмского.

В начале лета 1468 г. выступившая из Нижнего Новгорода «застава» князя Федора Семеновича Ряполовского у Звеничева Бора в 40 верстах от Казани вступила в сражение с большим татарским войском, в которое входила отборная ханская гвардия («двор царев, много добрых»). Московская «застава», не уступавшая казанцам в численности, уничтожила почти все войско противника. В сражении погиб «богатырь и лиходея» Колупай, в плен попал князь Ходжум-Берде (в летописях «Хозум-Бердей»). В это же время небольшой отряд воеводы Ивана Дмитриевича Руно (около 300 воинов) через Вятскую землю совершил успешный рейд в глубь Казанского ханства.

Активность московских войск стала неприятным сюрпризом для казанцев, и татары решили завоевать Вятский край, обезопасив свои северные границы. На первых порах их войскам сопутствовал успех. Оккупировав земли вятчан, они перерезали пути доставки в край продовольствия (по русским летописным записям отняли у них «гобино»), в самом крупном городе края Хлынове была поставлена татарская администрация. Показательно, что заключенный между победителями и местной знатью договор носил довольно мягкий характер. Самым тяжелым условием (и неприемлемым для Москвы) вятской капитуляции было соблюдение нейтралитета в русско-казанской войне, принимавшей все более ожесточенный характер. Однако после победы «заставы» у Звеничева Бора, в ходе боевых действий наступила недолгая пауза.

Завершилась она весной 1469 г. Русским командованием был разработан и принят к исполнению новый план предстоящей кампании, который предусматривал согласованные действия двух московских армий на сходящихся направлениях. На главном – нижегородском вниз по Волге до Казани должна была наступать рать воеводы Константина Александровича Беззубцева. Подготовка этого похода не скрывалась, и носила демонстративный, отвлекающий характер. В составе великокняжеской рати на Казань были посланы даже московские купцы и посадские люди, которым выступить в поход было «пригоже по их силе».

Другое войско формировалось в Великом Устюге под стягом князя Даниила Васильевича Ярославского и включало в себя устюжские и вологодские отряды. В качестве младших воевод в Устюг были отправлены 9 детей боярских из «двора» великого князя². Выступив в поход, эта рать, насчитывающая около 1000 воинов, должна была пройти по северным рекам почти 2 тысячи километров и выйти в верховья Камы. Затем уже Устюжскому войску надлежало спуститься по ее течению до устья, и, будучи в глубоком тылу у татар, подняться на веслах вверх по Волге до Казани с юга как раз к тому дню, когда туда должна была прибыть рать Беззубцева. Возлагаемые на этот рейд надежды оказались невыполнимыми из-за невозможности сохранить его в тайне: находившийся в Хлынове татарский наместник свое-

² Иван Гаврилович, Тимофей Михайлович Юрло (Плещеев), Глеб Семенович и Василий Семенович Филимоновы, Федор Борисович Брюхо (Морозов), Салтык Травин (в будущем известный русский военачальник Иван Иванович Салтык Травин), Никита Константинов, Григорий Префушков и Андрей Бурдуков. – ПСРЛ. Т. 8. С. 155.

временно известил хана Ибрагима не только о его подготовке, но и о численности и боевых возможностях войска Д.В. Ярославского.

Однако главная причина неудачи предпринятого в 1469 г. наступления на Казань заключалась в отсутствии у русского командования навыков стратегического планирования операций на нескольких театрах военных действий и их технического исполнения. По-видимому, не существовало тогда и специальной службы, ведавшей оперативной подготовкой движения войск по сходявшимся направлениям.

Общий план кампании очень скоро подвергся ревизии. Из-за затянувшихся переговоров с ханом Ибрагимом воеводе Беззубцеву, находившемуся с войском в Нижнем Новгороде было предписано отправить в поход к Казани лишь часть своих полков, укомплектовав их исключительно добровольцами. Таким образом, всей операции придавался характер набега «охочих людей», вышедших из-под воли великого князя. Однако расчеты московских стратегов не учитывали настроения собравшихся в Нижнем Новгороде воинов. Получив приказ великого князя, в поход выступила вся рать, избрав новым воеводой Ивана Дмитриевича Руно. К.А. Беззубцев, согласно повелению Ивана III, остался в Нижнем Новгороде.

На рассвете 21 мая русские корабли подошли к Казани. Татары, застигнутые врасплох, не смогли отстоять посадки, которые были выжжены московскими воинами. Опасаясь ответного нападения собиравшегося к Казани неприятельского войска, русская рать в полном порядке отступила вверх по Волге, став лагерем на Коровничем острове. По-видимому, И.Д. Руно хотел дожидаться подхода Устюжского отряда, а возможно и вятчан, которым был послан призыв великого князя помочь его полкам под Казанью. Но договор о нейтралитете с Казанью и реальная угроза прекращения доставки хлеба в их край вынудили жителей Вятки остаться в стороне от шедшей на Волге войны. Более того, татары от своих наместников в Хлынове были подробно проинформированы о походе войска князя Даниила Васильевича Ярославского. Не дожидаясь соединения русских отрядов, противник решился напасть на Коровничий остров. Но неожиданного нападения не получилось. Бежавший из Казани русский пленник предупредил воевод о готовящейся атаке. Она была отбита, но Руно, опасавшийся новых нападений, перенес лагерь в более безопасное место – на Ирыхов остров. Однако имевшиеся у русской рати запасы продовольствия подошли к концу и из Нижнего Новгорода К.А. Беззубцев начал отводить полки к своей границе.

Узнав об отходе русских, хан Ибрагим послал в погоню за ними речную флотилию и большое конное войско. 23 июля 1469 г. (дата битвы установлена Н.С. Борисовым) произошло самое крупное сражение всего этого похода. Два войска вновь встретились у Звеничева Бора, но на этот раз противники бились не на земле, а на волжских волнах. Неоднократно русские насады и ушкуи обращали казанские корабли в бегство, но каждый раз татарские ладьи, прикрывшиеся конными стрелками с левого берега реки, быстро перестраивались и возобновляли свои нападения. Исход битвы остался неопределенным, но русскому войску удалось выйти из боя и без больших потерь вернуться в Нижний Новгород.

Менее удачно завершился поход Устюжского войска князя Д.В. Ярославского. К середине июля его насады еще были на Каме. В устье этой реки татары преградили русской флотилии дальнейший путь, поставив поперек Волги свои связанные корабли («Волгу судами заставили»). Произошел настоящий абордажный бой, в ходе которого русское войско потеряло 430 человек, то есть почти половину от своего первоначального числа. Среди павших был и воевода Д.В. Ярославский, в плену оказались Тимофей (Юрло) Михайлович Плещеев «со многими товарищы». Остатки русского войска, которое теперь вел князь Василий Ухтомский «скрозе рать тотарскую пробились» и ушли вверх по Волге мимо Казани к Нижнему Новгороду.

На этот раз пауза в военных действиях была непродолжительной – длилась она не более трех недель. В августе 1469 г. Иван III принял решение двинуть на Казань не только

остатки Нижегородской и Устюжской ратей, но и свои лучшие войска, поставив во главе огромной армии своего брата князя Юрия Васильевича Дмитровского. В составе этой рати находились отряды и другого брата великого князя Андрея Васильевича. 1 сентября русские полки были уже у стен Казани. Попытка казанцев контратаковать была отбита и город был окружен. Вскоре русским воинам удалось перекрыть осажденным доступ к воде. Устрашенные русской силой татары поспешили начать мирные переговоры. По летописному свидетельству хан Ибрагим «видя себя в велице беде и начать посылати к князю Юрью, и добиша челом на всей воли великого князя». Главным пунктом заключенного соглашения стало согласие казанского «царя» выдать Москве «полон за 40 лет» – почти всех находившихся в Казани русских рабов.

Военные действия возобновились лишь через 8 лет, осенью 1477 г. Нарушить прежнее мирное соглашение хана Ибрагима побудило полученное им ложное сообщение о разгроме войска Ивана III новгородцами. На этот раз яблоком раздора стала Вятская земля, в которой, пользуясь московско-новгородской войной, решили утвердиться татары. По лаконичной летописной записи: «Тоя же зимы казанской царь повоевал Вятку, преступив роту и грады даша за него. А посек и полону поймал много». Казанское войско пыталось пробиться и к Устюгу, но неудачно – «Молома река была водяна, нелзе идти; и он шед един день, да воротился». Ответные нападения русских отрядов и, прежде всего, состоявшийся летом 1478 г. поход на Казань судовой рати под командованием князя С.И. Хрипуна Ряполовского и В.Ф. Образа Симского, вынудили хана возобновить мирное соглашение 1469 г.

После смерти в 1479 г. хана Ибрагима его преемником стал старший сын Али (в русских источниках «Алигам»). Его сводный брат и соперник 10-летний Мухаммед-Эмин («Магмет-Аминь»), ставший знаменем вполне сформировавшейся тогда в Казани партии сторонников Москвы, был переправлен в Россию, где он превратился в ключевую фигуру восточной политики Ивана III. Наличие в Москве собственного претендента на ханский трон стало сильным сдерживающим фактором, сыгравшим важную роль в эпоху, когда шла борьба Руси с Большой Ордой за возвращение государственного суверенитета. Опасаясь ответных действий Москвы казанский «царь» предпочел остаться в стороне от этого конфликта. Со своей стороны и русское правительство вело в отношении Казани сдержанную политику, стараясь избежать возможного нападения с этой стороны. Но и победа на Угре не вызвала немедленного ухудшения русско-казанских отношений – осложнение обстановки на границах с Ливонией давно уже вынуждали московского великого князя перебросить свои лучшие войска на северо-западную границу.

Пограничная война между Орденом и Псковом, шедшая с перерывами еще с 1469 г. резко обострилась в 1480 г. 1 января большой немецкий отряд напал на Вышгородок. Пользуясь внезапностью атаки, ливонцы захватили крепость, перебив ее защитников. Воодушевленные победой рыцари 20 января осадили Гдов, подвергнув его сильной бомбардировке. Но овладеть городом ливонцы не смогли и отступили, ограничившись сожжением посада и опустошением всей округи. Псковичи обратились за помощью к Москве.

Невзирая на сложное положение на южных рубежах своего государства. Иван III послал против ливонцев войска под командованием воеводы Андрея Никитича Ногтя Оболенского. 11 февраля 1480 г. московская рать, соединившись с псковичами, направилась в Ливонию. Русские овладели одним из орденов замков и разорили окрестности Дерпта, а 20 февраля они возвратились в Псков «с множеством полона» и «с многим добытком». Но вскоре после отхода московской рати немецкие нападения на псковские земли возобновились. Весной 1480 г. ливонское войско под командованием магистра Бернгарда фон дер Борха осадило Изборск. Только узнав о выступлении в поход большой псковской рати, немцы отступили. Столкновения на границе продолжались. В начале августа 1480 г. рыцарям удалось захватить Кобылий городок, где погибло около 4 тыс. жителей. 18 августа орденом

ская армия, численность которой, по явно завышенному описанию Б. Рюссова, достигала 100 тыс. человек, вновь подошла к хорошо укрепленному Изборску. Осада крепости продолжалась два дня. Не сумев разрушить городские укрепления, немцы двинулись дальше. 20 августа ливонская армия подошла к Пскову. Несмотря на то, что магистр Б. фон Борх смог собрать «против русских силу, какой прежде него никто не собирал», осада Пскова также закончилась неудачей. В бомбардировке города принимали участие ливонские корабли – 13 шнеков, с которых противник пытался высадить десант в Запсковье, «между святого Лазаря и святого Спаса». Внезапной атакой псковичам удалось разбить высадившийся с кораблей отряд и захватить одну шнеку. Другие шнеки немцы «пометавше» сами во время начавшегося вскоре отступления. Снять осаду и отвести свою армию обратно, магистра фон Борха вынудили не только неудачные действия его войск под Изборском и Псковом, но полученные им сведения о поражении Ахмед-хана. Именно в это время повелитель Большой Орды был разбит в «сражении на бродах» (6—10 октября 1480 г.), при попытке прорваться на Русь через укрепленное порубежье Угры и Оки.³

Ответный удар по Ордену Москва нанесла только в феврале 1481 г. Против немцев было послано 20-тысячное войско под командованием воевод князей Ярослава Васильевича Оболенского и Ивана Васильевича Булгака Плещеева (старшего брата знаменитого впоследствии московского полководца Даниила Васильевича Щени), а также новгородская рать во главе с наместниками князем Василием Федоровичем Шуйским и Иваном Зиновьевичем Станищевым.

В походе 1481 г. на Прибалтику участвовал и псковский полк под командованием князя-наместника Василия Васильевича Бледного Шуйского. Русские полки перешли ливонскую границу и начали наступление на трех направлениях (к реке Эмбах и озеру Вирц и далее к городу Тарвасту, на город Каркус и в направлении Феллина). Впервые в зимнем походе в составе московской рати была артиллерия. Наличие у московских воевод большого «наряда» не замедлило сказаться. Поход продолжался всего месяц, но за это время русскими ратниками были захвачены крупные города Каркус и Тарваст, а 1 марта был осажден замок Феллин (русское название Вельяд), ставший с 1471 г. резиденцией магистра Ливонского ордена. Фон Борх за день до подхода русских к своей резиденции бежал из Феллина в Ригу. На протяжении 50 верст его преследовала новгородская рать князя В.Ф. Шуйского преследовала магистра. Захватив брошенную магистром часть «коша» (обоза), полк вернулся к главным силам, осадившим Феллин. В результате артиллерийского обстрела была разрушена наружная крепостная стена (охабень), захвачен и сожжен посад. Не дожидаясь штурма замка, жители Вельяда предпочли согласиться на выплату великокняжеским воеводам большого выкупа (2 тыс. рублей). В знак победы псковичи увезли с собой восемь «колоколов вельядских». В Псковской 2-й летописи (Синодальный список) был отмечен фактор неожиданности русского нападения: «А Немецкая вся земля тогда бяше не в опасе, без страха и без боязни погании живяху, пива мнози варяху, ни чаяху на себе таковыя пагубы, богоу тако изволившю. И бывше 4 недели в Немецкой земли, възратишася ко Пскову съ мноюю корыстью ведуще с собою множество полона ово мужи и жены и девици и малыя дети и кони и скоты, и поможе богъ въ всяком месте воеводам князя великого и псковичем».

Ливонские власти, испуганные возросшей военной мощью Московского государства, поспешили начать с ним мирные переговоры, завершившиеся 1 сентября 1481 г. подписанием в Новгороде 10-летнего перемирия. Условия его были зафиксированы в двух согла-

³ О далеко не случайном совпадении дат этих двух нападений писал К.В. Базилевич, указывавший при этом, что «мы не располагаем прямыми свидетельствами о существовании соглашения между магистром и Ахмед-ханом». Все же исследователь полагал, что «в Ливонии были хорошо осведомлены о тяжелом положении Москвы, находившейся под угрозой двойного нападения, и спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами для покорения Пскова». – Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952. С. 133.

шениях, скрепленных в первом случае представителями дерптского епископа и Пскова, во втором – Ордена и Великого Новгорода. Обе стороны, договорившись сохранить старую границу («А земли и воде Великому Новгороду с князем мистром старьи рубеж – Щуцкого (Чудского. – В.В.) озера стержнем Наровы реки в Солоное море»), несколько изменили условия обеспечения торговли русскими товарами в Нарве (Ругодив) и других городах Ливонии.

Укрепив свою власть в завоеванной Новгородской земле и отразив агрессию ливонцев против Пскова, великий князь вновь обратил внимание на восток, попытавшись завоевать для жившего в Москве татарского царевича Мухаммеда-Эмина Казанское ханство. В 1482 г. он начал готовить большой поход на Волгу, однако дальше демонстрации московской силы дело не пошло. Устрашенные возможностью русского вторжения татары поспешили заключить с Иваном III мир («царь Казанский присла с челобитьем»), по-видимому, на весьма выгодных для него условиях. Несостоявшийся поход интересен несколькими подробностями своей подготовки. Во-первых, как и 1469 г. вторжение готовилось не только с запада – на Волжском направлении, но и с севера – на Устюжско-Вятском направлении, куда с полками были направлены воеводы В.Ф. Сабуров, В.Ф. Образец Симский и князь С.И. Хрипун Ряполовский. Во-вторых, для участия в походе в Нижнем Новгороде была сосредоточена артиллерия, в том числе и осадная, при которой находился Аристотель Фиораванти. И, наконец, была создана и действовала единая система управления войсками. Об этом свидетельствует сохранившийся фрагмент наказа, посланного стоявшим в Нижнем Новгороде воеводам Ивану Василевичу Булгаку, Семену Ивановичу Молодому Ряполовскому и Ивану Юрьевичу Шаховскому. Он содержал указание (по определению Ю.Г. Алексеева «директиву главного командования») действовать против противника в «лехких судах», видимо, для устрашения его.

Мирные отношения с Казанью вполне устраивали Ивана III, но, когда в 1485 г. недовольные Али-ханом казанцы выступили против него, великий князь поспешил использовать эту ситуацию и добиться провозглашения новым «царем» своего ставленника Мухаммед-Эмина. К Казани было отправлено русское войско под командованием князя Василия Ивановича Шихи Оболенского и Юрия Захарьича Кошкина. Они успешно выполнили свою задачу и казанским «царем» стал 17-летний Мухаммед-Эмин, почти всю свою сознательную жизнь проживший в Москве и вполне готовый признать верховную власть русского государя. Однако его подданные к этому готовы не были. Особое возмущение вызвало у них согласие нового хана выдать врагов Москвы присланным от великого князя воеводам Василию Ивановичу Оболенскому, Василию Семеновичу Тулупу Стародубскому и Тимофею Прозоровскому. Узнав об этом, «князи казанские воле ему не дали, хотели Магмедина самого убить». Зимой 1485/86 г. Мухаммед-Эмину и его младшему брату Абдул-Латифу пришлось бежать к великокняжеским воеводам и под их защитой отступить на русскую территорию.

Иван III радушно принял изгнанников. Мухаммед-Эмину был пожалован городом Каширой, щедрые пожалования получил его брат и другие знатные беглецы.

Воспользовавшись бегством Мухаммед-Эмина, на казанский престол при поддержке ногайцев вернулся Али-хан. Сохранилось интересное сообщение о его намерении расправиться со своими недругами (без сомнения теми знатными князьями и мурзами, которые передали престол Мухаммед-Эмину), но им также удалось уйти в русские пределы.

Весной 1486 г. московские полки сумели вернуть Мухаммед-Эмина на казанский престол, но, после их ухода, сторонники Али-хана вновь взяли верх и вынудили московского ставленника уйти на Русь.

Поддержка, оказанная Иваном III сопернику Али-хана несомненно испортила и без того сложные русско-казанские отношения. Косвенным подтверждением этому является начавшееся тогда возобновление укреплений городов, которые могли подвергнуться татар-

скому нападению. Новая война была неизбежна, и великий князь, учитывая опыт прошлых неудач, решил добиваться политического подчинения Казанского ханства своей власти. Лишенный престола, но сохранивший титул «царя» Мухаммед-Эмин вынужден был дать Ивану III вассальную присягу и назвать его своим «отцом».

В Москве начинаются масштабные военные приготовления, т. к. реализовать далеко идущие замыслы великого князя о подчинении Казани было невозможно без окончательной победы над Али-ханом и воцарения на казанском престоле Мухаммед-Эмина. 11 апреля 1487 г. в решающий поход на Среднюю Волгу выступило войско, которое вели лучшие московские воеводы князь Даниил Дмитриевич Холмский, князь Иосиф Андреевич Дорогобужский, князь Семен Иванович Хрипун Ряполовский, князь Александр Васильевич Оболенский и князь Семен Романович Ярославский. 24 апреля вслед за ними выехал и «царь» Мухаммед-Эмин.

Татары попробовали остановить продвижение московской рати, но были разбиты в сражении близ устья реки Свияги и отступили к Казани. 18 мая 1487 г. началась осада города. Казань была окружена валом и частоколом (острогом), отряд князя Али-Газы (Алгазы), пытавшийся препятствовать осадным работам русских, был разбит и отогнан за Каму. Осада продолжалась три недели. 9 июля 1487 г. Казань сдалась, и русское войско вступило в город. Али-хан, его жены, мать царица Фатима, братья Мелик-Тагир и Худай-Кул, а также сестра царевна Ковгар-Шад были уведены в плен. Свергнутый хан, вместе с женами, был заточен в Вологде, его близкие – на Белоозере в пригородной слободе Карголом, другие знатные татары – «розсажены по посельским» (по великокняжеским селам). Пленные, согласившиеся дать «роту» (присягу), что «им государю хотеть великому князю добра» были отпущены в Казань, где прочно воцарился Мухаммед-Эмин, а московским наместником при нем стал Дмитрий Васильевич Шеин.

Победа, одержанная Москвой над Казанью, имела огромное значение. Окончательно покорить татарское государство в 1487 г. не удалось, но на долгие годы оно попало в тесную зависимость от русской политики. Впрочем, московское правительство не выдвигало тогда к Казани ни территориальных, ни особых политических требований, ограничившись полученными от нового казанского «царя» обязательствами не воевать против России, не выбирать нового хана без согласия великого князя, гарантиями обеспечения безопасности русской торговли. Мухаммед-Эмин пользовался полным доверием и поддержкой русского правительства, вплоть до кризиса 1495—1496 гг., когда Казань была захвачена войсками сибирского царевича Мамука. Свергнутый казанский «царь» укрылся в России, а новым ханом, после отступления Мамука в 1496 г. был провозглашен младший брат Мухаммед-Эмина Абдул-Латиф, в отличие от старшего брата воспитанный не при московском дворе, а в Крыму. Укрепившись на престоле, Абдул-Латиф решил разорвать мир с Москвой, но в 1502 г. был выдан русскому послу князю Василию Ивановичу Ноздроватому Звенигородскому, а затем сослан на Бело-озеро. В Казань вернулся «московский татарин» Мухаммед-Эмин, поначалу соблюдавший верность Москве, но затем, под нажимом своих князей и уланов, занявший более независимую позицию и восстановивший полный суверенитет своего государства. Изменение характера русско-татарских отношений произошло накануне смерти Ивана III (27 октября 1505 г.). Воспользовавшись близостью кончины великого князя, Мухаммед-Эмин отказался возобновить договорные отношения, существовавшие между ним и Москвою. Позже, уже после смерти Ивана III, «царь» использовал в качестве объяснения своих враждебных действий «роту», которую он дал свергнутому Дмитрию-внуку, находившемуся в заточении у нового русского государя Василия III. В своем ответе на присланное из Москвы требование о новой присяге казанский хан сообщал: «Яз есми целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дня живота нашего, и не хочю быти за великим князем Васильем Ивановичем. Великий князь

Василей изменил братаничу своему великому князю Дмитрею, поймал его через крестное целованье, а яз, Магмед Аминь казанский царь, не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хошу».

Разрыв отношений между Москвой и Казанью был омрачен русским погромом, произошедшим за несколько месяцев до кончины Ивана III. 24 июня 1505 г. были перебиты и пленены находившиеся в Казани московские купцы и их люди (всего, по сообщению Ермолинской летописи, погибло «болши 15 тысящ, из многих городов»), арестованы великокняжеские послы – сокольничий Михаил Степанович Кляпик Еропкин и Иван Брюхо Верещагин. Тогда же был разбит какой-то московский отряд, численностью в 10 тыс. воинов – об этой победе год спустя вспоминал хан Мухаммед-Эмин в направленном в Литву послании. Воодушевленные успехом татарские и союзные им ногайские отряды, общей численностью до 60 тысяч человек, впервые, после многих мирных лет, напали на нижегородские волости. 30 августа 1505 г. вражеские войска перешли пограничную реку Суру, а в сентябре не только осадили Нижний Новгород, но и сожгли его посад⁴. Сам город, в котором почти не было служилых людей, устоял лишь благодаря заслугам выпущенных из тюрем 300 литовских пленников, присланных сюда после Ведрошской победы.

Русское правительство предприняло попытку вернуть Казанское ханство под свою власть и в апреле 1506 г. направило на Волгу большое карательное войско – «воевод множество и воинство бесчислено». Командовал им младший брат Василия III удельный князь Дмитрий Иванович Углицкий («Жилка»). В походе принимали участие войска и другого удельного князя – Федора Борисовича Волоцкого, а также часть великокняжеской рати под командованием воеводы князя Федора Ивановича Бельского. Большая часть войска шла к Казани на кораблях, по берегу двигался лишь конный полк князя Александра Владимировича Ростовского. Русское командование попыталось также блокировать «перевоз» на Каме, направив туда рать князя Семена Федоровича Курбского. 22 мая 1506 г. судовая рать подошла к татарской столице и вступила в бой с противником, но, атакованная с тыла казанской конницей, потерпела поражение и была разбита у Поганого озера. Потеряв множество воинов убитыми и пленными русские полки отступили к своему укрепленному лагерю и укрылись в нем. В числе пленных был и третий воевода Большого полка Дмитрий Васильевич Шеин, месяц спустя, накануне второго сражения русских и татарских войск, казненный казанцами.

Получив известие о неудачном сражении, Василий III срочно направил из Муром к Казани, новое войско под командованием князя Василия Даниловича Холмского, приказав брату не начинать активных действий до прибытия этой рати. Тем не менее, 22 июня 1506 г., после прихода конницы кн. А.В. Ростовского русское войско вновь стало готовиться к сражению, которое произошло через три дня. Московское войско было снова разбито и, потеряв все пушки, отступило. Князь Дмитрий Иванович с пехотными полками на кораблях ушел к Нижнему Новгороду. Другая часть разбитой армии под командованием касимовского царевича Джаная и воеводы Федора Михайловича Киселева ушла степью на Муром. В 40 верстах от русской границы отряд Джаная и Ф.М. Киселева был настигнуты татарами, но сумел отбиться, и ушел на свою сторону.

Продолжение конфронтации с Москвой не устраивало Мухаммед-Эмина, хотя первоначально, воодушевленный успехом, он попытался заключить антирусский союз с Крымом и Литвой и направил своих послов в Бахчисарай и Вильну. Дошедшее до нас послание казанского хана королю польскому и великому князю литовскому Александру Казимировичу с сообщением о победе под Казанью настолько воодушевило адресата, что он решил вступить в союз с Казанью и Крымом и начать подготовку новой войны с Москвой. Литовская сто-

⁴ Московские власти были заранее извещены о готовящемся нападении казанского и ногайского войска и успели поставить заставу в Муроме, но предотвратить поход к Нижнему Новгороду не смогли.

рона направила в Казань своего посла пана Сороку, но к этому времени ситуация в отношениях между Василием III и Мухаммед-Эмином изменилась в лучшую сторону. Хан, стремившийся к восстановлению полной независимости своего государства, сразу же забыл о воинственных намерениях в отношении России, едва узнал о желании последней нормализовать отношения с Казанью. Вскоре между недавними противниками был заключен мирный договор и восстановлены добрососедские отношения. Впрочем, отныне русское правительство стало более настороженно относиться к своему восточному соседу, укрепив пограничные города. Так, с осадой Нижнего Новгорода в сентябре 1505 г. связана постройка в этом городе в 1508—1510 гг. каменной крепости. Возводил ее с учетом новейших фортификационных достижений XVI в. мастер Петр Фрязин.

Несмотря на перечисленные эксцессы, время от времени омрачавшие русско-казанские отношения, в целом они развивались в мирном русле, что позволило Ивану III, после победоносного похода 1487 г. сосредоточить свои усилия на решении других внешнеполитических задач, прежде всего на возвращении западнорусских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского.

2. Русско-литовский пограничный конфликт конца XV в. «Хитрая война» 1492—1494 гг.

На первых порах в отношениях с Литвой великий князь Иван III действовал чрезвычайно осторожно, стараясь уговорами и обещаниями привлечь на свою сторону служивших Литовскому государству русских верховских князей, владения которых находились в верховьях р. Оки. Они сохраняли известные права и привилегии, за соблюдением которых очень внимательно следили в Москве, постоянно оговаривая их в докончаниях (договорах) с Литвой. Среди факторов, оказавших значение на окончательный выбор ими сюзерена, определяющими стали русское происхождение (верховские князья были потомками князя Михаила Всеволодича Черниговского), непоколебимая верность православию. Свою роль в этом выборе сыграла близость степных границ, откуда с удручающим постоянством на литовские земли совершали набеги войска союзного Москве крымского хана Менгли-Гирея.

Отъезды верховских князей на московскую службу начались еще в начале 1470-х гг. Одним из первых перешел к Ивану III князь Семен Юрьевич Одоевский, погибший осенью 1473 г. во время одного из пограничных конфликтов. Его сыновья Иван Сухой, Василий Швих и Петр Семеновичи Одоевские, владевшие половиной родового города Одоева, уже верой и правдой служили московскому государю, участвуя в постоянных столкновениях на границе. Однако другие верховские князья не спешили следовать примеру Одоевских. Выезд в Москву в 1481—1482 гг. Федора Ивановича Бельского вряд ли можно считать обычным княжеским отъездом с сохранением своей «отчины». Он вынужден был бежать из Литвы, спасаясь после неудачного заговора против Казимира IV Ягеллончика, в котором Ф.И. Бельский был замешан вместе со своими родственниками князем Михаилом Олельковичем и Иваном Гольшанским, собиравшимися отторгнуть в пользу Московского государства всю восточную часть Великого княжества Литовского вплоть до реки Березины. В Москве Ф.И. Бельский был благосклонно принят и щедро пожалован, но все его литовские владения были конфискованы Казимиром.

Массовый характер переходы верховских князей на московскую службу приобретают, начиная с 1487 г. Чрезвычайно важным представляется явно не случайное совпадение этой даты с казанским взятием 9 июля 1487 г. Высвободив свои войска на востоке, Иван III усилил нажим на Литву, создавая прецеденты для вмешательства во внутренние дела этого государства. Одним из первых, разграбив город Мезецк, отъехал к Москве князь Иван Михайлович Воротынский. В начале октября 1487 г. к Ивану III прибыло литовское посольство с жало-

бами на действия князя Воротынского и помогавших ему князей Одоевских. Исходя из этой даты, А.А. Зимин предполагал, что Иван Михайлович перешел на московскую службу осенью 1487 г., а М.М. Кром относит его отъезд к первой половине этого года. Несомненно, литовское посольство князя Тимофея Владимировича Мезецкого прибыло в Москву вскоре после отъезда князя Воротынского, но, вряд ли осенью. Несмотря на чрезвычайный характер этой миссии, принятие решения об ее отправлении и дорога в Москву должны были занять не менее месяца. Вероятнее всего, мезецкие события произошли в августе 1487 г. Участие в них давно уже служивших Ивану III князей Ивана Сухого, Василия Швиха и Петра Семеновичей Одоевских, указывает на явную заинтересованность в таком развитии событий великого князя, а, между тем, он вряд ли мог решиться на эскалацию конфликта с Литвой до благополучного окончания войны с Казанью.

Давление Москвы на порубежных литовских владельцев возрастало и приобретало значительные размеры. Так, весной 1489 г. Воротынск осаждало московское войско под командованием одиннадцати воевод во главе с князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым. Положение верховских князей становилось безвыходным, и многие из них вынуждены были следовать примеру Ивана Воротынского. В конце 1489 г. на службу к Ивану III отъехали со своими «отчинами»: Иван, Андрей и Василий Васильевичи Белевские, Дмитрий Федорович Воротынский и его племянник Иван Михайлович Воротынский, также захватившие часть земель князей, хранивших верность Литве. Протесты, заявленные польским королем и великим князем литовским Казимиром IV, были оставлены без внимания и отношения между двумя государствами продолжали обостряться. Однако до кончины Казимира IV дело ограничивалось локальными пограничными столкновениями и взаимными упреками в нарушении существующих соглашений. Ситуация резко изменилась после смерти старого короля, последовавшей 7 июня 1492 г. Сыновья Казимира разделили державу отца, значительно ослабив ее силы. Старший сын покойного Владислав II Ягеллон стал королем Чехии, а с 1490 г. королем Венгрии, где правил под именем Уласло II. Ян I Ольбрахт занял польским престол, а их брат Александр Казимирович стал великим князем литовским.

Реакция Ивана III была почти мгновенной. Уже в августе 1492 г. его войско («сила ратная») под командованием князя Федора Васильевича Телепня Оболенского вторгается на литовскую территорию и захватывает города Мценск и Любутск. Жалуясь на это нападение, в сентябре 1492 г. Александр Казимирович писал в Москву: «ино пришли к нам вести, што люди твои в головах княз Федор Оболенский приходил со многими людьми воиноу безвестной города наши Мценеск и Любтеск зжег и наместника нашего любуцкого и мценского Борыса Семеновича звел, и бояр мценских и любуцких з жонами, з детми и иных многих людей в полон повели, и животы и статки побрали». Захватом Мценска и Любутска дело не ограничилось. Тогда же, в августе 1492 г., отряды князей И.М. Воротынского и Одоевских выступили в поход на Мосальск и Серпейск, достаточно легко овладев ими. В августе-сентябре произошло вторжение и во владения вяземских князей. Отряд великокняжеских воевод Василия Лапина и Андрея Истома захватил города Хлепень и Рогачев. К этому времени надежного военного прикрытия восточных рубежей Великого княжества Литовского больше не существовало. Это стало следствием отъезда князей на московскую службу и перехода под власть Ивана III ряда пограничных крепостей: Одоева, Козельска, Перемышля, Серенска. Однако уступать свои города без борьбы новый великий князь литовский Александр Казимирович не собирался. Он категорически отказался признать переход на московскую сторону русских князей, о чем чуть позже и сообщил Ивану III в послании от 20 февраля 1493 г., доставленном Федором Гавриловичем. К захваченным городам были посланы из Смоленска войска под командованием наместника Юрия Глебовича, князя Семена Ивановича Можайского и князей Друцких, которым ненадолго удалось вновь овладеть Серпейском и выжженным Мценском. Но это был лишь временный успех. 21 января 1493 г. против

литовского войска выступила большая армия, включавшая не только великокняжеский полк воевод под командованием Михаила Ивановича Колышки (из рода Патрикеевых) и Александра Васильевича Оболенского, но и войска союзных Москве рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей. Литовские отряды были вынуждены отступить к Смоленску, оставив в занятых ими «градах» сильные гарнизоны. Тем не менее московско-рязанская армия добилась важных успехов. Она вернула Мезецк, сдавшийся русским воеводам без боя, и Серпейск, взятый штурмом, несмотря на отчаянную защиту находившихся там «панов ... двора великого князя Александра» во главе с воеводой Иваном Федоровичем Плюсковым. Развивая успех, войско М.И. Колышки-Патрикеева и А.В. Оболенского заняло город Опаков, гарнизон которого также оказал сопротивление, и Опаков, подобно Серпейску был сожжен победителями. Такая же судьба постигла взятый штурмом город Городечно.

Неудачные действия литовских войск вынудили отъехать к Москве еще нескольких верховских князей Семена Федоровича Воротынского, Михаила Романовича Мезецкого, Василия и Андрея Васильевичей Белевских и одного из вяземских князей – Андрея Юрьевича Вяземского. Массовый переход князей на московскую сторону еще больше ослабил литовскую оборону. Зимой 1492/1493 г. состоявшее из пяти полков московское войско, в состав которого входил и великокняжеский «двор», «град Вязьму взяша и людей к целованию приведоша. Князей же земских и панов в Москву приведоша». Ратью командовали воеводы Даниил Васильевич Щеня и Василий Иванович Кривой Патрикеев

Александр Казимирович пытался организовать отпор наступлению войск, получить помощь от Польского королевства или хотя бы нанять там небольшой пехотный отряд из 300 жолнеров, но ни от кого реальной помощи не получил и вынужден был рассчитывать лишь на свои силы.

Военные действия шли по всей линии русско-литовской границы, но формально войны между Московским государством и Великим княжеством Литовским не было. Иван III объяснял происходившее отторжение восточных территорий Литвы свободным выбором западнорусских князей, издавна «служивших на обе стороны» и имевших право выбирать себе государя. Произошедшему в 1492—1494 гг. вооруженному конфликту А.А. Зимин дал неудачное название «Странная война», которое, тем не менее, получило широкое распространение в исторической литературе. Никаких особых «странностей» в имевшем место противостоянии не наблюдалось. Со стороны Москвы военные действия велись по тщательно продуманному плану, в соответствии с которым захват спорных территорий производился, как правило, местными князьями, отъехавшими ранее на службу к московскому великому князю. Его воеводы вступали в бой лишь тогда, когда происходило «ущемление» прав того или иного князя, пожелавшего отъехать к Москве. Такое военное вмешательство понадобилось, например, в случае с решившим перейти на московскую сторону Андреем Юрьевичем Вяземским, ограбленным старшим из вяземских князей Михаилом Дмитриевичем, сохранившим верность Александру Казимировичу. Сообщая об отъезде Андрея Юрьевича великий князь московский писал в Вильну, что «князь Михаило Вяземский в *нашом имени* (т. е. Вязьме. – В.В.) его пограбил, отчину его отнял на Днепре, село его з деревнями, а в городе дворы и пошлины его за себе взял, да и казну его взял, и люди его переимал». Конфликт между двумя князьями и вызвал поход на Вязьму войска Д.В. Щени и В.И. Кривого Патрикеева, закончившийся насильственным присоединением города и уезда к Московскому государству. Иван III остался довольным исходом этой операции и всех плененных князей вяземских «пожаловал их же вотчиною, Вязмою, и повеле им служити себе». Обидчик Андрея Вяземского Михаил Дмитриевич в том же году был сослан на Двину, где содержался в великой строгости и вскоре умер. С нашей точки зрения происходивший в 1492—1494 гг. конфликт правильнее было бы именовать не «Странной», а скорее «Хитрой войной», принесшей московскому князю великие дивиденды. Уже в то время литовских дипломатов

встревожило изменение титула Ивана III, начавшего именоваться в дипломатической переписке о мире «государем всея Руси». Они справедливо считали, что в дальнейшем великий князь московский и владимирский будет добиваться передачи ему остальных земель, некогда входивших в состав Древнерусского государства.

После неудачных действий на границе, потеряв находившиеся там крепости, Александр Казимирович в поисках выхода из сложившейся ситуации начал переговоры о заключении «вечного мира» с Москвой. Он должен был остановить опасную экспансию заметно усилившегося Московского государства на западнорусские земли. Не случайно в текст договора литовская сторона планировала включить запись, запрещающую Ивану III и Александру Казимировичу принимать к себе отъезжающих от своих государей служилых князей. Чтобы снять возможные возражения великого князя московского, который в отношениях с Литвой неизменно выступал защитником княжеских прав и привилегий, послы Александра Казимировича – воевода троцкий Петр Янович и староста жомойтский Станислав Янович – привезли ему заманчивое предложение: мирное окончание должна была скрепить женитьба великого князя литовского на одной из дочерей Ивана III Алене (Елене) Ивановне.

В ходе начавшихся переговоров московской стороной были сразу же отвергнуты литовские требования о возвращении верховских и вяземских земель, а литовской – встречные московские претензии на Смоленск и Брянск. В итоге стороны договорились признать как состоявшийся факт переход на московскую службу со своими «отчинами» князей Одоевских, Воротыньских, Белевских, Вяземских и части мезецких, однако некоторые из занятых войсками Ивана III городов пришлось вернуть. Так, на литовскую сторону были возвращены Любутск, Серпейск, Мосальск, Опаков и некоторые другие верховские городки, признанные вотчиной Александра Казимировича. Московский государь обязался также не вступаться «ни в Смоленск, и во вся смоленская места», ни в Брянск («Добрянск») на которые первоначально претендовал. В качестве дополнительного условия Александр Казимирович должен был выдать будущему тестю грамоту с обязательством не принуждать супругу Елену Ивановну перейти в католичество. Соответствующий документ был подписан великим князем литовским 26 октября 1494 г.

Несмотря на ряд уступок Ивана III своему будущему зятю, условия «вечного докончания», заключенного 5 февраля 1494 г., были для него выгодны. Русско-литовская граница отодвинулась далеко на запад к верховьям рек Угры, Жиздры и Оки. В военно-стратегическом отношении новые территории представляли очень удобный плацдарм для быстрого наступления в глубь Великого княжества Литовского в случае неизбежного в будущем обострения отношений между Москвой и Вильной.

Воспользовавшись возникшей на восточных и западных рубежах страны мирной паузой, великий князь московский Иван Васильевич решил защитить свои интересы на северной «украине».

3. Русско-шведская война 1495—1497 гг.

Присоединив к своему государству Новгород, московский князь унаследовал от рухнувшей вечевого республики достаточно протяженную границу со Швецией, установленную Ореховским (Нотебургским) мирным договором, заключенным в 1323 г. В соответствии с его статьями, граница между двумя государствами прошла по р. Сестре. Тем самым русской стороной было признано присоединение Западной Карелии к Швеции.

Во время новгородских походов Ивана III шведы (выборгские фогты) попытались упрочить свою власть над Карелией, постоянно провоцируя столкновения на границе. Напряженность в отношениях с Большой Ордой, Казанью и Литвой вынуждали великого князя до поры до времени ограничивать ответные действия. В течение трех лет с 1479 по

1482 г. на русско-шведских рубежах шла необъявленная война, сменившаяся временным затишьем после упрочения позиций Москвы в Северо-Западном крае.

Взяв под свою руку Новгород, Иван III задумал вернуть карельские погосты Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволакс), отошедшие в начале XIV в. к Швеции. Однако, планы его планы простирались гораздо дальше. Московский государь стремился захватить Выборг – мощную крепость, выстроенную шведами в 1293 г. в месте впадения старого русла р. Вуоксы в Финский залив. В середине XV в. выборгский наместник Карл Кнутсон перестроил город, значительно усилив его укрепления.

Именно походом на Выборг началась русско-шведская война 1495—1497 гг. Кампания была хорошо подготовлена. И дипломатически – еще в 1493 г. Иван III заключил союз с датским королем Хансом I (Иоанном I) Ольденбургским, острием своим направленный именно против Швеции. И непосредственно в военном отношении – великий князь усиливает московскую артиллерию и строит «на Девичьей горе противу города Ругодива Немецкого» крепость Ивангород. Новая русская цитадель была поставлена «на слуде» (крутом берегу) реки Наровы в кратчайшие сроки – всего за 7 недель. Впоследствии ее планировали усилить новыми линиями укреплений, но не успели. Стены и башни Большого Боярского города были построены здесь уже после окончания русско-шведской войны.

Весной 1495 г. московские дипломаты предъявили правителю Швеции Стену Стуре (Старшему) требование о возвращении Западной Карелии, которые были отвергнуты Стокгольмом. Война стала неизбежной и уже в июне 1495 г. первый русский отряд в количестве 400 человек перешел границу и вторгся на шведскую сторону с разведывательными целями. А в августе этого же года начался поход к Выборгу большого русского войска. По шведским данным, оно насчитывало до 60 тыс. человек. В состав двинутой к границам армии вошли московские полки под командованием знаменитого воеводы Даниила Васильевича Щени, новгородская «сила» под началом Якова Захарыча Кошкина и псковская пососная рать во главе с князем Василием Федоровичем Шуйским.

Осада шведской твердыни началась 8 сентября и длилась три месяца. Русские подвезли к Выборгу огромные пушки, длиной до 24 футов, огнем которых были разрушены две крепостные башни и сильно повреждена третья. В ней образовался большой пролом. Утром 30 ноября 1495 г. русские пошли на штурм замка. Но комендант Выборга Кнут Поссе, ожидавший атаки, приказал насыпать позади брешы высокий земляной вал. Атакующим, с помощью длинных лестниц, удалось взойти на стены крепости, но продвинуться дальше они так и не смогли. Комендант Поссе приказал закатить в подвалы захваченной противником полуразрушенной башни бочки со смолой и поджечь их. Большинство русских воинов, прорвавшихся в замок, погибло. Уцелевшие вынуждены были отступить и штурм, длившийся семь часов, завершился. 4 декабря осада крепости была снята. Понесшее значительные потери русское войско отступило к Новгороду. Среди погибших был один из видных московских воевод – Иван Андреевич Субота Плещеев, убитый под Выборгом «ис пищали».

Неудача этого похода вынудила московское командование изменить тактику. Отказавшись от безуспешных осад больших, хорошо укрепленных крепостей, русские войска приступили к опустошительным набегам на территорию противника, все дальше проникая в глубь Шведского государства. 17 января 1496 г. в новый поход выступило войско под командованием Василия Ивановича Косого Патрикеева и Андрея Федоровича Челяднина. На этот раз оно вступило в Гамскую землю в Южной Финляндии. Уничтожив небольшой шведский отряд, прикрывавший границу, войско достигло побережья Ботнического залива и сожгло Тавастгусту («Гамецкий город»). Русские отряды наводнили окрестности Улуфсборга и отступили назад лишь после приближения в район военных действий 40-тысячного шведского войска Стена Стуре, оставив позади себя совершенно разоренный край: «И приидоша к великому князю в Новгород, марта 6, все здравы с полоном многим».

В августе 1496 г. прорвавшимися за шведский рубеж войсками Д.В. Щени и Якова Захарыча был разбит 7-тысячный отряд противника. Но наиболее выдающимся предприятием этой кампании стал морской поход князей братьев Ивана Федоровича и Петра Федоровича Ушатых. Войско этих воевод было сформировано из отрядов опытных мореходов – устюжан, двинян, онежан и важан. Пройдя на кораблях по «акияну-мору» (Белому, а затем и Баренцеву морям), рать князей Ушатых обогнула «Мурманской нос» на Кольском полуострове и вторглась в земли, принадлежавшие Швеции. Русские воины захватили 3 шведских корабля и, пройдя через Лапландию, разорили «Каянскую землю» (Северную Финляндию). По словам летописца, они «извоевали Польну реку, да Торнову, да Снежну, добра поимали много, а полону безчисленно». Войско ушло из этих мест лишь вынудив финнов, живших на р. Лиминге, послать в Москву своих старейшин бить челом «за великого князя», который их милостиво «пожаловал», приняв в русское подданство. В октябре 1496 г. полки князей Ушатых благополучно вернулись назад.

Шведы, оказались не в состоянии противостоять этим нападениям и ответили на них таким же рейдом на русскую территорию. 19 августа 1496 г. 70 кораблей («бусов») противника подошли к Ивангороду и высадили под его стенами 6-тысячное войско, которым командовал Стен Стуре. Его воины осадили русскую крепость и начали обстреливать цитадель из орудий. При постройке Ивангорода был допущен ряд просчетов – замок был возведен по абстрактной математической схеме в форме квадрата лишь на части возвышенности (Девичьей горы), что облегчало противнику ведение осадных работ. Фланкирующие бойницы, устроенные в нижних ярусах башен, обращенных к Нарове, отсутствовали с юго-восточной, напольной стороны крепости, где планировалось возведение новых укреплений. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться противник. Гарнизон крепости был немногочисленным и явно неготовым к обороне. Вскоре после начала обстрела замка шведами ивангородский наместник и воевода князь Юрий Бабиш «убеже из града чрез стену». 26 августа осаждающие штурмом овладели Ивангородом, перебив всех взятых в плен жителей.

Почти сразу же последовали ответные действия русских войск. Против занявших Ивангород шведов был направлен 3-тысячный отряд воевод князя Ивана Федоровича Гундора и Михаила Кляпина, а затем рать псковского наместника князя Александра Владимировича Ростовского. При приближении русских войск шведы оставили разрушенный город и, не принимая боя, на своих кораблях ушли за море⁵. Через 12 недель укрепления Ивангорода были восстановлены и усилены постройкой т. н. Большого Бояршего города, строительство которого завершилось в 1599 г.

Вскоре к Ивану III с просьбой о прекращении военных действий против Швеции обратился союзник Москвы датский король Ханс I, решивший вступить в борьбу за шведский трон и вынужденный считаться с требованиями шведской знати, которые хотели видеть его во главе своего государства. Над Стеном Стуре нависла угроза вторжения датских войск и мятежа враждебной ему партии аристократов, ориентированных на восстановление унии Скандинавских стран. Вынужденный спешить с окончанием военных действий на востоке, он прислал в Новгород своих представителей с предложением мира. Со своей стороны Иван III также склонялся к заключению мирного докончания. Его тревожило обострение обстановки в Казани, где был свергнут его сторонник хан Мухаммед-Эмин и воцарился тюменский хан Мамук. Чтобы вернуть контроль над этим татарским ханством, русскому государю требовалось срочно освободить свои лучшие войска, сосредоточенные на северо-западном фронте. 3 марта 1497 г. между Московским государством и Швецией было заключено перемирие, сохранившее старую границу. Несмотря на 6-летний срок этого соглашения, уста-

⁵ Бальтазар Руссов писал, что, заняв Ивангород, шведы предлагали передать его Ливонскому ордену, но магистр Иоанн Фрейтаг фон Лоринговен, стремившийся сохранить мирные отношения с Россией, отверг коварное шведское предложение.

новившийся между двумя государствами мир оказался долговечным. Условия перемирия 1497 г. впоследствии неоднократно продлялись (в 1524 и 1536 гг.) и были нарушены лишь в 1554 г. ничем не спровоцированным шведским нападением на Россию.

4. Обострение русско-литовских и русско-ливонских отношений на рубеже XV—XVI вв. Война 1500—1503 гг.

Несмотря на явно неудовлетворительный, с точки зрения Ивана III, исход русско-шведской войны 1495—1497 гг. мир на северных рубежах оказался заключен как нельзя вовремя. Именно в эти годы, раздосадованный стремлением обратить свою дочь великую княгиню литовскую Елену в католичество, московский государь принимает решение, противоречащее условию «Вечного мира» 1494 г. с Литвой запрещавшему отъезд князей. Он снова начинает принимать на службу князей, оставляющих литовскую службу. В апреле 1500 г. под власть Москвы переходят Семен Иванович Бельский, Василий Иванович Шемячич и Семен Иванович Можайский, владевшие огромной территорией на восточных землях Великого княжества Литовского с городами Белая, Новгород-Северский, Рыльск, Радогощь, Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев, Хотимль. Война становится неизбежной. В преддверии ее Александр Казимирович предпринял ряд шагов по привлечению на свою сторону союзников. 24 июля 1499 г. состоялось заключение Городельской унии между Великим княжеством Литовским и Польским королевством. Также были упрочены связи Вильны с Ливонским орденом и ханом Большой (Заволжской) Орды Шейх-Ахметом (Шиг-Ахмадом). Однако немедленную военную помощь Литве ни Польша, ни Ливония, ни татары из Большой Орды оказать не могли. Пользуясь этим обстоятельством, великий князь московский Иван Васильевич поспешил с началом военных действий. Вместе с дьяком Иваном Ивановичем Телешовым, посланным в Вильну с сообщением об «отказе» князей Семена Ивановича Можайского и Василия Ивановича Шемячича, туда поехал и Афанасий Шеенок, везший «складную» грамоту с объявлением войны Великому княжеству Литовскому.

Московский государь действовал по заранее продуманному и стратегически точному плану, основные положения которого были раскрыты Герберштейном. Накануне войны были сформированы три войска (у Герберштейна – «отряда»). «Первый отряд, – пишет имперский посол, – направляет он (Иван III. – В.В.) к югу против Северской области, второй на запад против Торопца и Белой, третий помещает он посредине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохраняет еще в запасе часть войска, чтобы она могла скорее всего подать помощь тому отряду, против которого замечено будет боевое движение литовцев». О продуманном характере действий Ивана Васильевича свидетельствует и сообщение «Хроники Быховца» о тайной «посылке» московского князя к Семену Бельскому с обещанием многих городов и волостей. Отъезд этого князя в Москву нарушил хрупкий русско-литовский мир.

Почти одновременно с гонцами И. Телешовым и А. Шеенком 3 мая 1500 г. из Москвы к литовской границе выступило войско под командованием служившего тогда Ивану III изгнанного казанского хана Мухаммед-Эмина и Якова Захарьича. Русская рать овладела Мценском, Серпейском, Брянском и вместе с войсками Семена Ивановича Можайского и Василия Ивановича Шемячича, заняла Путивль (6 августа 1500 г.). Устрашившись московского нашествия, власть Ивана III поспешили признать князья Трубецкие и Мосальские.

Военные действия шли и на других направлениях. Успех везде сопутствовал русскому оружию. Так, составленная из новгородцев рать под командованием наместника Андрея Федоровича Челядниина, усиленная полками удельных князей Федора и Ивана Борисовичей Волоцких, овладела Торопцом. Другое войско, которым командовал родной брат Якова Захарьича Юрий Захарьич, заняло Дорогобуж – город, лежавший в двух днях пути от Смоленска.

Успешное наступление русских войск не могло не встревожить Александра Казимировича и его советников. В Москву поступали сведения о больших военных сборах в Литве. Ответный удар ожидался со стороны Смоленска на Дорогобуж. К этому городу из Твери была срочно переброшена рать под командованием Д.В. Щени, который, соединившись с отрядом Юрия Захарьича, принял командование всем войском. Численность его составляла 40 тысяч человек. Как показали последующие события, решение усилить находившееся под Дорогобужем войска резервными полками было верным. Из Смоленска через Ельню навстречу нашей рати двигалось 40-тысячное войско великого гетмана литовского князя Константина Ивановича Острожского. Обе армии встретились в районе рек Тросны, Ведроши и Селии. 14 июля 1500 г. между ними произошло большое сражение. Ведрошская битва стала центральным событием второй русско-литовской войны.

Перед сражением московское войско находилось в своем лагере на Митьковом поле, расположенном в 5 км к западу от Дорогобужа, за реками Ведрошь (Ведрошка), Селия и Тросна. Через Ведрошь был перекинут единственный в этих местах мост. Своевременно узнав о подходе литовской армии, русские воеводы, намеренно не уничтожая моста, выстроили для боя Большой полк под командованием Д.В. Щени. Правый фланг русской рати был обращен к Днепру, недалеко от места впадения в него Тросны, левый был прикрыт большим труднопроходимым лесом, в котором, за флангом Большого полка, укрылся в засаде Сторожевой полк воеводы Юрия Захарьича. На западный берег Ведроши выдвинулись передовые части, задачей которых было завязать бой и отойти затем на восточный берег реки, заманив туда литовцев.

В отличие от русских воевод гетман Острожский шел к месту будущего сражения, имея самые приблизительные сведения о противнике, сообщенные ему то ли пленным, то ли перебежчиком дьяком Германом. Доверяя его показаниям, литовский главнокомандующий был уверен, что под Дорогобужем стоит лишь небольшое русское войско.

Помимо летописного рассказа об этой битве, одной из крупнейших в истории русского средневековья, ее подробно описал и Сигизмунд Герберштейн, сообщивший о Ведрошском сражении ряд ценных сведений. Он упоминает о том, что «литовцы... разузнали от некоторых пленных про число врагов, а также и их вождей, и возымели от этого крепкую надежду разбить врага». «Несколько московитов» (передовой отряд, находившийся на левом берегу Ведроши), «вызвали на бой литовцев; те без всякой боязни оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за речку; вслед затем оба войска вступают в столкновение, и с той и другой стороны завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, ведшегося с обеих сторон с одинаковым воодушевлением и силою, помещенное в засаде войско, про грядущую помощь которого знали весьма немногие из русских, ударяет с боку в средину врагов. Литовцы разбегаются...»

Битва продолжалась почти шесть часов. Исход ее, как показано выше, решил удар полка Юрия Захарьича. Русские вышли в тыл литовцам и разрушили мост через реку, отрезав противнику все пути к отступлению. После этого началось избиение окруженного врага. Только убитыми литовцы потеряли около 8 тыс. человек. Победителями были захвачены литовский обоз и артиллерия. В плен попали гетман Острожский и другие именитые литовские военачальники воевода троцкий Григорий Остикевич, маршалок «Лютавр» (Иван Литавор Богданович Хребтович), воеводы Николай Юрьевич Глебов, Николай Юрьевич Зиновьев и служившие Александру Казимировичу князья Друцкие, Мосальские и много «панов служивых».

Узнав о разгроме лучшего литовского войска (гонiec прибыл в Москву 17 июля 1500 г.), Иван III пышно отпраздновал победу и послал к Д.В. Щене и другим воеводам «спросить о здоровье», воздав им «честь и дары и жалованья».

Потерпев жестокое поражение, литовцы вынуждены были перейти к обороне. Не замедлив воспользоваться этим, русские войска одержали еще одну важную победу. 9 августа 1500 г. полки псковского наместника князя Александра Владимировича Ростовского штурмом овладели городом Торопцом.

Победы Москвы, встревожили союзников Литвы. Больше всего возросшего русского могущества опасались власти Ливонского ордена, решившие в начавшемся конфликте встать на литовскую сторону⁶. Весной 1501 г. в Дерпте было арестовано более 200 русских купцов, товары которых были разграблены. Направленные в Ливонию псковские послы оказались задержаны. Отношения с Орденом стремительно ухудшались. 21 июня 1501 г. в Вендене магистром Вальтером фон Плеттенбергом и представителями Александра Казимировича был подписан договор о союзе с Литвой, направленный против России.

Война грозила северо-западному русскому пограничью, и в Псков были направлены войска из Новгорода под командованием новгородского наместника князя Василия Васильевича Немого Шуйского и Твери. Тверскую рать вел князь Даниил Александрович Пенко Ярославский. Соединившись с псковской ратью князя Ивана Ивановича Горбатого, русское войско под главным командованием князя Д.А. Пенко 22 августа 1501 г. выступило к ливонскому рубежу, где уже происходили стычки с немецкими отрядами. Орденское войско опередило русских. 26 августа 1501 г. армия магистра Вальтера фон Плеттенберга перешла границу и начала вторжение на псковскую землю. Встречное сражение между русскими и ливонскими войсками произошло 27 августа на реке Серице под Изборском, в 10 верстах от этого города. Передовой «стяг» (полк), состоявший из псковичей под командованием посадника Ивана Теншина, неожиданно обнаружив впереди себя немцев, атаковал их и, преследуя отходившего противника, подвергся обстрелу из полевых артиллерийских орудий. Псковичи, понеся большие потери, вынуждены были отступить. Другие русские полки также начали отходить, бросив обоз. В сражении на Серице погибли московский воевода Иван Борисович Бороздин и псковский посадник Иван Теншин. Наличие у Плеттенберга многочисленной артиллерии и фактор неожиданности нападения ливонского войска на русскую рать на псковской территории решили исход этой битвы.

Потерпев поражение, русские полки поспешно отступили к Пскову. Плеттенберг отказался от преследования их, начав осаду Изборска, гарнизон которого, несмотря на сильный обстрел из пушек, сумел отразить нападение противника. Простояв день под Изборском и оценив прочность укреплений и мужество защитников, Плеттенберг снял осаду и двинулся к Пскову. 7 сентября на пути немецкой армии оказалась псковская крепость Остров. Окружив этот небольшой город, ливонцы обрушили на него огонь своих орудий, применив зажигательные снаряды: «начаша бити пушками городок Остров и огненные стрелы пущати». В ночь на 8 сентября начался штурм охваченной пожаром крепости. Отбить приступ не удалось, и город был захвачен ливонцами. Во время штурма погибло 4 тысячи местных жителей – все население Острова. Но, овладев крепостью, немецкое войско не смогло развить успех и поспешно отступило на свою территорию из-за начавшейся в орденской армии эпидемии. В числе заболевших оказался сам магистр. Некоторые исследователи связывают поспешное отступление ливонцев не столько с поразившими рыцарей болезнями, сколько с с позицией союзника Плеттенберга Александра Казимировича. Великий князь литовский обещал магистру помочь в походе на Псков, но из-за смерти брата польского короля Яна Ольбрахта, умершего 17 июня 1501 г., вынужден был присутствовать на заседавшем в Петракове сейме, избравшем Александра Казимировича новым польским королем. На помощь

⁶ Первые шаги к заключению антимосковского союза Великого княжества Литовского и Ливонского ордена были сделаны еще летом 1500 г., после прибытия к магистру Вальтеру Плеттенбергу с просьбой о военной помощи литовского посла Юрия Костевича. – См.: *Lietuvos Metrika*. Kn. 5 (1427—1506). № 89. S. 146—147.

ливонцам послали небольшой отряд пана Черняка, который вступил на псковскую землю уже после отступления войск Вальтера Плеттенберга. После безуспешной осады крепости Опочки, он ушел обратно.

Несогласованностью действий своих противников воспользовался Иван III. В октябре 1501 г. в ответ на нападение ливонцев на Изборск и Остров и литовский рейд на Опочку, к северо-западным рубежам страны была направлена большая московская армия во главе с воеводами Даниилом Васильевичем Щеней и князем Александром Васильевичем Оболенским. В состав русской рати входил также татарский отряд хана Мухаммед-Эмина. Великокняжеские войска, соединившись с псковичами, в конце октября в районе города Мариенбурга перешли границу и вторглись в Ливонию. Восточные земли Ордена и особенно владения Дерптского епископства, подверглись страшному опустошению. Магистр Плеттенберг решил воспользоваться разделением русского войска (псковская рать действовала в трех днях пути от главных сил армии Щени) и в ночь на 24 ноября 1501 г. атаковал московские полки в их лагере под замком Гельмед, недалеко от Дерпта. По-видимому, в результате внезапной атаки, которая произошла в 3 часа ночи, русские войска смешались, отступив назад. Только так можно объяснить гибель в самом начале сражения одного из великокняжеских воевод Александра Васильевича Оболенского. Но затем московская и татарская конница опрокинули немцев, и сражение закончилось большой русской победой. Преследование бегущих продолжалось почти 10 верст. В бою и во время бегства погибло значительное число рыцарей и их слуг, но, конечно, не «40 тысяч орденских братьев», как отмечено в одной из последних коллективных монографий по военной истории. Указывая, что Ливония лишилась 40 тысяч жителей убитыми и взятыми в плен русскими, Бальтазар Рюссов имел в виду не погибших под Гельмедом рыцарей, а общее число потерь в результате русского вторжения, когда опустошены были восточные земли Ордена, а многие жители этих мест уведены в плен.

Зимой 1501/02 г. войско Д.В. Щени, переброшенное под Ивангород, совершило поход в Ливонию, на Ревель (русское название Колывань). Во время этой экспедиции московская рать «землю Немецкую учиниша пусту».

Лишь весной 1502 г., оправившись от прежних поражений, ливонцы вновь перешли русскую границу. На этот раз они атаковали на двух направлениях. Большой немецкий отряд напал на Ивангород, а другой – на небольшую псковскую крепость Красный городок. В сражении «на заставе» под Ивангородом, произошедшем 9 марта 1502 г., погиб новгородский наместник Иван Андреевич Лобан Колычев и еще 20 русских воинов (по немецким данным – 200), однако нападение рыцарей было отбито.

На Псковской земле немцев также преследовали неудачи. 17 марта рыцарское войско осадило Красный городок, но взять эту небольшую крепость так и не смогло. Узнав о приближении большого псковского войска, противник, не принимая сражения, поспешно снял осаду и отступил в свои замки.

В начале осени 1502 г., в разгар начатой русскими осадой Смоленска, магистр Плеттенберг предпринял новое наступление на Псков, чтобы помочь своим литовским союзникам. 2 сентября его 15-тысячное войско подошло к Изборску и попыталось штурмом овладеть этой крепостью, но приступ был отбит. В ту же ночь ливонцы сняли осаду и выступили на Псков, осада которого началась 6 сентября. Хорошо укрепленный Псков упорно оборонялся. В двух местах – в Заволочье, а затем «на Полонище» – немцы пытались сокрушить его стены огнем своих орудий. Однако разрушить псковские укрепления им не удалось. Тем временем на помощь псковичам спешило из Новгорода войско под командованием воевод Д.В. Щени, И.В. и В.В. Шуйских. Немецкая армия стала отходить к своей границе, но 13 сентября 1502 г. у озера Смолина, в 30 верстах от Пскова, она было настигнуто русской ратью. Рыцарей спасла устроенная магистром Плеттенбергом военная хитрость. Покинув лагерь,

ливонцы дождались нападения противника и, когда русские воины увлеклись захватом трофеев, контратаковали их. С большим трудом воеводам удалось навести порядок в своих полках, отбить нападение немцев и заставить их уйти на свою территорию. Потери, понесенные русскими войсками, были значительными. Среди погибших оказалось несколько видных московских воевод: «И на том бою оубиша князя Федора Кропотича (по Воскресенской летописи Андрея Александровича Кропоткина. – В.В.) да Григорья Дмитриева сына Давыдовича, да Юрья Тимофеева сына Юрлова и иных многих детей боярских».

В борьбе с Московским государством существенную помощь Александру Казимировичу помимо Ливонского ордена оказал татарский хан Шейх-Ахмет (Шиг-Ахмет, Шайх-Ахмад). С просьбой о помощи против России и Крыма к нему был направлен литовский посол Михаил Халецкий. В 1500 г. и первой половине 1501 г. Шейх-Ахмет воевал с Крымским ханством, но осенью 1501 г. его войска напали на Северскую землю и, разорив окрестности Стародуба, захватили Рыльск и Новгород-Северский. Отдельные татарские отряды во время этого похода достигли даже окрестностей Брянска.

Несмотря на вступление в войну на стороне Великого княжества Литовского Ливонского Ордена и Большой Орды, воеводы Ивана III уже осенью 1501 г. начали новое наступление в глубь литовской территории. Войско перешедших на его сторону северских князей Василия Ивановича Шемячича и Семена Ивановича Можайского с приданной им ратью московских воевод Семен Иванович Воронцова и Григория Федоровича Давыдова, выступило к Мстиславлю, захватив который русская армия могла продолжить наступление на Смоленск. 4 ноября 1501 г. ее продвижение попыталось задержать литовское войско под командованием князя Михаила Ивановича Ижеславского и воеводы Евстафия Дашковича. Недалеко от Мстиславля произошло сражение, закончившееся победой русского оружия. Литовцы бежали, потеряв около 7 тыс. человек и все знамена. Однако овладеть Мстиславлем, где укрылись остатки войска князя Ижеславского, московским воеводам не удалось и они были вынуждены отойти, ограничившись разорением Мстиславльского уезда.

По-видимому, это отступление было связано с произошедшими тогда татарскими нападениями на северские города – вотчины Василия Ивановича Шемячича и Семена Ивановича Можайского. В наказе, данном послам, направленным в Крым, и датированном 7 ноября 1501 г., Иван III писал: «Ших-Ахмет царь пришел на наших князей отчину к Рылску, и нынеча тот наш недруг Ших-Ахмет царь наших князей княж Семенову Ивановича и княж Васильеву Шемячича вотчину воюет, а с нашим недругом с литовским ссылается. А наши князи и наши воеводы стоят против их, и мы ныне к своим князем послали воевод своих со многими людьми». Прибытие в северские города русских войск, переброшенных с западной границы, вынудило татар отступить. Остановившись «в Поле» между Черниговом и Киевом, Шейх-Ахмет ожидал соединения с литовскими войсками, чтобы возобновить нападения на русские земли. Однако его орда подверглась нападению союзника Москвы крымского хана Менгли-Гирея. В шедших зимой и летом 1502 г. в степи сражениях крымцы нанесли ряд поражений войскам Шейх-Ахмета. Особенно сокрушительным был июньский разгром Большой Орды, надолго устранивший опасность новых татарских набегов на южнорусские города и уезды. Шей-Ахмет бежал в Литву, где вскоре он был пленен вероломными союзниками и заточен в замке Ковно.

Вынужденные действовать с оглядкой на происходившие в степи события, где завершилось противостояние Большой Орды и Крымского ханства, Иван III готовил новое наступление на западном рубеже. На этот раз целью русского похода должен был стать Смоленск. Военные действия начались летом 1502 г. Поставив во главе русской армии одного из своих сыновей, двадцатилетнего Дмитрия Ивановича Жилку, великий князь поставил под его начало опытных воевод князя Василия Даниловича Холмского и Яков Захарьича. Для действий на смоленском направлении были собраны значительные силы, включая посоху, но

начатая в конце июля осада Смоленска оказалась безрезультатной. Единственным успехом кампании 1502 г. стал захват одним из русских отрядов города Орши. Но уже 14 сентября полки Дмитрия Жилки отступили от Смоленска. На выручку этой крепости спешило большое литовское войско под командованием старосты жемайтского Станислава Яновского, освободившего к тому времени Оршу.

После неудачного окончания первого смоленского похода характер военных действий изменился. Русские войска, не осаждая больше литовские крепости, совершали нападения на прифронтовые литовские волости и опустошали их. В результате этих вторжений ресурсы Великого княжества Литовского оказались подорванными и Александр Казимирович, предварительно договорившись с Плеттенбергом, при посредничестве венгерского короля Владислава Ягеллона и римского папы Александра VI, начал поиск мирного соглашения с Москвой. Уже 29 декабря 1502 г. в Москву прибыл венгерский посол Сигизмунд Сантай, которому удалось склонить Ивана III к началу переговоров. 4 марта 1503 г. в русскую столицу въехали литовское и ливонское посольство, которое возглавляли с литовской стороны Петр Мишковский и Станислав Глебович, со стороны Ордена — Иоганн Гильдорп и Клаус Гольствевер. Договориться о мире послам не удалось, и стороны ограничились перемирием, которое было заключено 25 марта 1503 г., в праздник Благовещенья, сроком на 6 лет. В результате этого соглашения к Москве отходили 19 городов, в том числе: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгородок-Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белая, Торопец. Великое княжество Литовское теряло также 70 волостей, 22 городища и 13 сел — в общей сложности 1/3 часть своих земель.

Условия Благовещенского перемирия свидетельствуют о замечательном успехе русского оружия и русской дипломатии. Помимо больших территориальных приобретений Москва получила важное стратегическое преимущество над своим главным противником. Новая русско-литовская граница стала проходить в 45—50 км от Киева и в 100 км от Смоленска, создавая удобный плацдарм для вторжения в пределы Великого княжества Литовского в случае возобновления борьбы за возвращение западнорусских земель.

В то же время Иван III осознавал неизбежность нового столкновения с Литвой и готовился к нему. Об этом свидетельствуют его наказы отправляющемуся в Крым послу Ивану Ивановичу Ощерину, который должен был воспрепятствовать возможному крымско-литовскому сближению, прямо объявив союзнику московского государя хану Менгли-Гирею об угрозе новой войны. Прочитируем часть этого любопытного документа, раскрывающего далеко идущие планы Ивана Васильевича. **«А великому князю, господине, с ним (Александром Казимировичем. — В.В.) прочного миру нет; он, господине, хочет у великого князя тех городов и земли, что у него взяты, а князь велики, господине, хочет у него своей отчины, всей Русские земли (выделено нами. — В.В.). А ныне взял с ним перемирье того дела, чтобы ему те города укрепить, которые у него взял; кои города были пожжены, и он те зарубил да иные детям своим подавал, а в иных воевод своих посажал, а кои люди там были недобры, и он тех оттоле вывел, да те города все насадил своими людьми ...»**. Чуть раньше, в другом наказе тому же И.И. Ощерину о заключенных «перемирных летах» говорилось еще более пренебрежительно: **«Он (Александр Казимирович. — В.В.), господине, уж с горя взял перемирье с государем нашим <...> ино, господине, какой межи их мир? Он хочет те земли и города у царя нашего взять, кои у него взяты; а государь наш хочет у него еще Киева и всей Русские земли своей отчины»** (выделено нами. — В.В.).

Сделанный Иваном III прогноз о недолговечности Благовещенского перемирия оказался очень точным. Мир между Москвой и Литвой продержался до смерти Александра Казимировича (20 августа 1506 г.), лишь на год пережившего своего воинственного тестя, Впрочем, и Москва и Вильна стали активно готовиться к будущей войне едва ли после

заклучения докончания 1503 г. Она едва не грянула уже осенью 1505 г., когда польский король и великий князь литовский узнал о кончине московского государя (умершего 27 октября 1505 г.). И только отказ магистра Плеттенберга напасть на Россию раньше истечения перемирных лет остановил уже готовую начаться войну.

5. Русско-литовская война 1507—1508 гг.

Международное положение Московского государства резко изменилось после поражения русской армии под Казанью летом 1506 г. и связанного с этим конфликтом ухудшения русско-крымских отношений. В том же году крымский хан Менгли-Гирей обратился к Александру Казимировичу с предложением начать совместные военные действия против Москвы. Его ярлык, присланный в Вильну с королевским послом Якубом Ивашенцевым гласил: «Ино на московского, на Иванова сына, с вами заодно, неприятелем хотим быти ему». Тогда же в Литву приехал казанский посол Аикимбердей, известивший Александра Казимировича о разгроме московской рати под стенами Казани и о желании своего хана Мухаммед-Эмина вести войну с Россией в союзе с Крымским ханством и польским королем. Казанский хан писал в переданном Аикимбердеем послании: «Как весна будет, вы бы есте воиско свое на московского послали, а мы сами своею головою со всем своим воиском на него поидем, бо я люди свои вси в готове держу».

Александр Казимирович не успел сам воспользоваться тяжелым положением нового московского государя Василия III. Реализовать планы реванша решил его брат и преемник Сигизмунд (Зыгмунт) I Старый, младший из пяти сыновей Казимира IV Ягеллончика. Он был коронован 20 января 1507 г. Заручившись обещанием помощи от крымского хана Менгли-Гирея и рассчитывая на поддержку казанского хана Мухаммед-Эмина⁷, не дожидаясь окончания срока действия Благовещенского перемирия 1503 г., Сигизмунд 2 февраля 1507 г. добился от литовского сейма решения начать войну с Россией. В Москву было отправлено посольство Яна Радзивилла и Богдана Сопежича от имени своего короля потребовавшее возвращения отторгнутых ранее земель. Однако литовский ультиматум не испугал русскую сторону. Василий III, начавший переговоры о мире с казанским ханом Мухаммед-Эмином, получил возможность перебросить освободившиеся войска с восточных на западные рубежи. Литовский ультиматум был отвергнут, война стала неизбежной.⁸

О выступлении в поход Сигизмунд I сообщил крымскому хану Менгли-Гирею в послании от 20 июля 1507 г., которое повез в Крым толмач Ромодан. Литовские войска были сосредоточены на 3 направлениях. В Смоленске собирались отряды гетмана Ольбрахта Мартыновича Гаштольда. В Полоцке сосредоточились полки гетмана пана Станислава Глебовича, а в Минске – великого гетмана Станислава Петровича Кишки.

Войска Сигизмунда, совершив ряд рейдов в глубь русской территории, сожгли Чернигов и разорили окрестности Брянска. В ответ на эти нападения летом 1507 г. в поход против Литвы выступили два русских войска. Федор Петрович Кривой Сицкий воевал южное

⁷ В послании Сигизмунда I в Казань, которое повез литовский посол Сорока, содержался четкий план действий против великого князя московского Василия III, предусматривающий одновременное нападения на Русь литовских, крымских и казанских войск: «И наперед тебе, брата нашего жадаем, абы еси сего пришло лета со всеми людьми своими на конь вседши, землю его казил с одное стороны, а мы, Бога вземши на помочь, з братом нашим царем Мендли Кгиреем також вседши на кон[ь], хотим поити на него з другое стороны и обиды брата нашего, короля и великого князя Александра мстити». – Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499—1514). № 23. S. 59.

⁸ Известен гордый ответ Василия III на литовские обвинения в захвате чужих территорий: «Ино мы городов и волостей, и земель, и вод его отчины за собою никоторих не держим, а з Божиею волею держим города и волости, и земли, и воды, свою отчину, чем нас пожаловал и благословил наш отец наш князь великий и что нам Бог дал, а от прародителей и вся русская земля наша отчина. – Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499—1514). № 31.1. S. 67.

литовское порубежье, а наступавшая со стороны Дорогобужа рать князя Ивана Михайловича Телятевского действовала на смоленском направлении.

Нападение на южнорусские уезды крымских татар, в июле 1507 г., пришедших под города Белев, Одоев, Козельск, Калугу, отвлекло туда значительную часть русских сил. Встревоженный новой опасностью Василий III немедленно направил против крымского войска, которым командовал «Зяньсеит-мурза, Янкуватов сын» своих воевод. Иван Иванович Холмский двинулся к подвергшемуся нападению Белеву, а Константин Федорович Ушатый – к Калуге. В боях с татарами участвовали и местные ополчения во главе с Василием Семеновичем Швихом Одоевским, Иваном Михайловичем Воротынским, козельским наместником Александром Ивановичем Стригиным. Объединившись, воеводы 9 августа 1507 г. настигли возвращающихся из набега татар на р. Оке, разбили их и преследовали до р. Рыбницы, правого притока Оки, впадающего в эту реку южнее современного г. Орла. Новых нападений не последовало, по-видимому, не только из-за осложнения крымско-ногайских отношений, как считал А.А. Зимин, но, главным образом из-за удачных действий русских воевод. Активность татар возобновилась только в 1512 г.

Отразив крымский набег 1507 г., русские войска вновь вторглись в Литву, оказавшуюся в полной изоляции и не поддержанную ни одним из своих сторонников. Казанский хан Мухаммед-Эмин заключил мир с Россией, направленная Менгли-Гиреем к русской границе орда под командованием его старшего сына Мухаммед-Гирея тогда же была повернута против ногайцев, Ливония, несмотря на многочисленные просьбы и обращения литовской стороны, решительно отказалась вступать в войну с Московским государством. Вскоре своего посла прислал к Сигизмунду I крымский хан Менгли-Гирей. Забыв о прежних обещаниях, хан сообщал королю о намерении направить в Москву посла и предлагал своему союзнику сделать то же самое.

Литва оказалась в трудном положении. Москва поспешила воспользоваться этим и нанесла быстрый удар. 14 сентября начался поход на Мстиславль русской рати под командованием Василия Даниловича Холмского и Якова Захарьича. Овладеть этой крепостью московским воеводам вновь не удалось. Единственным заметным событием этой кампании стала гибель видного русского военачальника Михаила Васильевича Образцова, застреленного из пищали в бою с литовцами под Кричевом.

Резко обострил обстановку в Литве и на полях сражений русско-литовской войны мятеж князей Глинских. Самым видным представителем этого рода был князь Михаил Львович Глинский, прозванный «Дородным», один из наиболее доверенных советников Александра Казимировича, служивший в армии саксонского курфюрста Альбрехта, а позже прославившийся своими победами над татарами, особенно в сражении под Клецком в 1506 г. Он принял католичество, но втайне вынашивал планы по созданию под своей властью отдельного Русского государства со столицей в Киеве, образование которого планировалось на восточных и южных землях Великого княжества Литовского.

Сигизмунд I, осознавший, не без помощи недругов Михаила Львовича, исходящую от князей Глинских для своей власти угрозу, принял необходимые меры. В начале января 1507 г. он отобрал у старшего из братьев Ивана Львовича Мамаю Глинского Киевское воеводство, дав ему взамен воеводство в Новгороде Литовском. Поднявшие голову враги Михаила Львовича и первый из них – воевода троцкий и наместник полоцкий Ян Юрьевич Заберезинский (Заберезынский, Забржезинский) – обвинили его в измене. Попытки оправдаться, предпринятые Глинскими, не имели успеха, поэтому они взялись за оружие. Во главе отряда из 700 человек Михаил Львович напал на владения Я. Заберезинского и убил его. Вслед за этим князь Глинский попытался захватить содержавшегося в Ковно хана Шейх-Ахмета (Шиг-Ахмада), но нападение его отрядов на этот замок было отбито.

В Москве внимательно следили за событиями в Литве и поспешили направить в Туров, где укрепились Глинские, своего гонца – коломенского сына боярского Дмитрия Губу Моклокова с предложением военной помощи. Глинские обнаружив, что их выступление не будет поддержано другими князьями, обратились к Василию III, «чтоб пожаловал их князь великий, взял их к себе на службу». Не дожидаясь подхода московских войск, армия Глинских выступила из Турова и начала занимать литовские города. Один из родственников Глинских воевода Якуб Ивашенцев сдал им Мозырь. Младший из братьев Василий Львович Слепой Глинский в конце марта осадил Житомир и Овруч, сам Михаил Львович в апреле 1508 г. овладел Клецком, жители которого еще не забыли спасительную для них победу Глинского над татарами, одержанную князем за полтора года до этого летом 1506 г.

Стараясь использовать сложившуюся ситуацию, московские войска перешли в наступление по всему фронту. 10 марта 1508 г. в поход в направлении Смоленска выступило войско воеводы Якова Захарьича. Из Великих Лук к Полоцку выступила новгородская рать во главе с Даниилом Васильевичем Щеней и Григорием Федоровичем Давыдовым. Оба войска соединились под Оршей, по-видимому, заново укрепленной литовцами после войны 1500—1503 г., ибо в отличие от легкого взятия ее русскими войсками в 1502 г., на этот раз осада города затянулась.

В мае 1508 г. «из Северы» на помощь князю Михаилу Львовичу Глинскому, осадившему Минск и Слуцк, выступили князья Василий Иванович Шемячич, Иван Семенович Сухорук Одоевский, Иван Михайлович Воротынский и Андрей Васильевич Сабуров. Несмотря на русскую помощь, овладеть этими городами Михаилу Львовичу не удалось. Более успешным был поход Глинского и Шемячича на Друцк. Гарнизон крепости капитулировал, а друцкие князья присягнули Василию III. Сообщая о своих успехах в Москву Михаил Львович писал, что его отряды доходили почти до Вильны, действовали за Клецком и под Слонимом и везде «огонь пускали и шкоды чинили, и полону на колькодесять тысяч взяли».

Успехи Глинского и продолжающаяся осада Орши вынудили Сигизмунда I предпринять ответные действия. Собрав большую армию, в которой помимо литовского ополчения находились отряды наемных жолнеров под командованием гетмана Фирлея из Яновца, король двинулся на помощь Орше. 13 июля она подошла к месту расположения русских полков. Не вступая в сражение с литовцами, Д.В. Щеня (рать Якова Захарьича стояла под Дубровной и не могла подкрепить главные силы), с присоединившимися к его войску полками М.Л. Глинского и В.И. Шемячича, 22 июля отошел за Днепр к Дубровне. Посланные воеводами отряды начали опустошать окрестности Мстиславля и Кричева. Литовская армия, во главе с бежавшим из русского плена гетманом Константином Ивановичем Острожским, двинулась к границе и овладела городами Белая, Торопец и Дорогобуж. Но укрепиться здесь противнику не удалось. Д.В. Щеня, получивший повеление Василия III вернуть захваченные города, в начале сентября 1508 г. выбил литовцев из Торопца и занял превращенные в пепелище Белую и Дорогобуж.⁹

Несмотря на несомненный успех, достигнутый войсками Сигизмунда I на смоленском направлении, положение в Великом княжестве Литовском оставалось крайне сложным. Во всех захваченных Глинским крепостях находились его гарнизоны. Союзник Литвы крымский хан Менгли-Гирей, после неудачного нападения 1507 г. так и не послал войска на русские «украины».

В этих условиях король решил начать мирные переговоры с Москвой, и 19 сентября 1508 г. в русскую столицу прибыло посольство во главе с полоцким воеводой Станисла-

⁹ Дорогобуж был сожжен самими русскими при подходе врага, стоявший здесь смоленский воевода Станислав Кишка пытался вновь укрепить его, но едва успел бежать при подходе московского войска. Литовские мастера, строившие новую крепость были перебиты русскими. Их работа была закончена присланными из Москвы размыслами под руководством Варфоломея и Матробана.

вом Глебовичем. Мир литовцам нужен был любой ценой, и они пошли на ряд важных уступок, признав все прежние завоевания Ивана III. Глинские, вынужденные отказаться от своих литовских владений, выехали в Москву, куда им и их сторонникам был гарантирован свободный проезд.

6. Десятилетняя русско-литовская война 1512—1522 гг. Присоединение к Московскому государству Смоленской земли

«Вечный мир», заключенный 8 октября 1508 г. между Великим княжеством Литовским и Московским государством, стал лишь временной передышкой и продлился всего два года. Поводом к открытию военных действий стали полученные Василием III сведения об аресте его сестры Алены (Елены) Ивановны, вдовы литовского князя Александра Казимировича, взятой под стражу после неудачной попытки отъехать в Москву. До предела обострили обстановку известия о враждебных действиях нового литовского князя Сигизмунда I, подстрекавшего крымского хана напасть на южные русские земли. По «накупке» короля в мае 1512 г. татарские отряды (командовали ими сыновья Менгли-Гирея «царевичи» Ахмет-Гирей и Бурнаш-Гирей «со многими людьми») пришли под города Белев, Одоев, Алексин, Коломну и, разорив земли за р. Окой, благополучно отступили в степь, уведя огромный полон. Сосредоточенные в порубежных городах и на Оке русские полки во главе с братьями великого князя Андреем и Юрием Ивановичами и лучшими московскими воеводами Даниилом Васильевичем Щеней, Александром Владимировичем Ростовским, Григорием Федоровичем Давыдовым, Андреем Васильевичем Сабуровым, Иваном Ивановичем Палецким, Дмитрием Ивановичем Яновым не смогли помешать татарам, будучи связанными строгим наказом Василия III ограничиться обороной окского рубежа. Еще трижды в 1512 г. (в июне, июле и октябре) татары вторгались на русскую землю. В июне они напали на Северщину, но были разбиты, в июле от рязанских рубежей был обращен в бегство «царевич» Мухаммед-Гирей и только осеннее нападение крымцев на рязанские места оказалось для них успешным. Татары даже осаждали Переяславль-Рязанский и, хотя захватить город не смогли, но захватили в окрестных селениях большой полон.

Осенью в Москве получили сведения о том, что татарские нападения этого года были следствием направленного против России крымско-литовского договора. Сигизмунду I была отправлена складная (разметная) грамота с объявлением войны, а 14 ноября 1512 г. в поход к литовской границе выступила передовая рать вяземского наместника князя Ивана Михайловича Репни Оболенского и конюшего Ивана Андреевича Челяднина. Перед этим войском поставили задачу, не задерживаясь под Смоленском, двигаться дальше к Орше и Друцку. Там Оболенский и Челяднин должны были соединиться с войском князей Василия Семеновича Швиха Одоевского и Семена Федоровича Курбского, выступивших из Великих Лук к Брянск. 19 декабря вслед за этими полками в поход на Литву во главе большой армии двинулся сам Василий III. В январе 1513 г. русские войска, насчитывающие 60 тыс. человек при 140 орудиях, подошли к Смоленску и начали осаду крепости¹⁰. Как и прежде, владея стратегической инициативой, московское командование действовало на нескольких направлениях. Одновременно с нападением на Смоленск с Северы в поход на Киев двинулась рать Василия Ивановича Шемячича, которому удалось, пользуясь внезапностью нападения, сжечь киевские посады.

¹⁰ Отдельно действовала новгородская рать, воеводы которой князь Василий Васильевич Шуйский и князь Борис Тебет Уланов ходили к Холмскому городку.

Тем временем на западном рубеже полки князя И.М. Репни Оболенского, И.А. Челядина, князя В.С. Одоевского и князя С.Ф. Курбского, выполняя волю великого князя Василия Ивановича, огнем и мечом прошли по огромной территории, опустошив окрестности Орши, Друцка, Борисова, Брянска, Витебска и Минска.

Однако Смоленск продолжал упорно обороняться. Осада крепости затянулась почти на 6 недель. В самом начале осады в январе 1613 г. смоленскому гарнизону удалось отбить штурм, в котором участвовали выставленные городами пешие воины, в том числе и псковские пищальники. Во время приступа с русской стороны погибло до 2 тыс. человек. Не дал результатов и артиллерийский обстрел города. Положение осадной армии осложняли трудности, связанные со снабжением ее продовольствием и фуражом. Когда ситуация стала критической, командование приняло трудное решение уйти из-под Смоленска. В начале марта 1613 г. войска были уже в Москве, а 17 марта правительство приняло решение о подготовке нового похода к Смоленску, назначенного на лето этого года.

В новом наступлении на Литву участвовали значительные силы. Великий князь остановился в Боровске, направив под литовские города своих воевод. 80-тысячное войско Ивана Михайловича Репни Оболенского и Андрея Васильевича Сабурова вновь осадило Смоленск, 24-тысячный корпус князя М.Л. Глинского стоял под Полоцком, еще 8 тысяч русских воинов из его полков окружили Витебск, 14-тысячная рать была послана под Оршу.

Как и прежде основные бои происходили под Смоленском. Сосредоточенное в городе литовское войско под командованием наместника Юрия Глебовича, незадолго до начала осады пополненное отрядами наемников-жолнеров, встретило московских воевод «за валами» (под стенами города). В самом начале разгоревшегося сражения противнику удалось потеснить полк И.М. Репни Оболенского, но затем литовские отряды были разбиты подоспевшими к месту боя свежими русскими силами. Понеся значительные потери, они отступили в крепость. В Смоленске, помимо разбитого литовского войска укрылось 10 тысяч местных жителей. Начав осаду, московская армия подвергла смоленские укрепления интенсивному обстрелу и начало подготовку к штурму города. Однако деревянные стены крепости, засыпанные камнями и землей, выдержали бомбардировку. Разбитыми оказались лишь башни и передовые укрепления. Несколько раз русские полки атаковали Смоленск, но гарнизону и местным жителям удалось отразить все приступы, потеряв в боях и от артиллерийского огня более тысячи человек. Позднее в крепости будет найдено свыше 700 русских ядер. Все же положение осажденных городов было крайне тяжелым и Сигизмунд I, собрав 40-тысячную армию, двинулся на выручку Витебску, Полоцку и Смоленску.

Василий III, находившийся при войске, осаждавшем Смоленск, решил отойти, не принимая сражения с приближающимся литовским войском. Вслед за главной армией на свою территорию отступили и другие русские полки. Однако завоевательные планы московского государя в отношении западнорусских городов остались неизменными. 30 мая 1614 г. он в третий раз двинул свои рати сначала к Дорогобужу, а затем дальше к Смоленску. Командовали ими Даниил Васильевич Щеня и Иван Андреевич Челядин (в Большом полку) и Михаил Львович Глинский и Михаил Васильевич Горбатый (в Передовом полку). 8 июня 1614 г. в поход выступил сам Василий Иванович. С ним к литовскому рубежу выехали и два его младших брата – Юрий Дмитровский и Семен Калужский, еще один брат – Дмитрий Иванович Жилка стоял с войсками в Серпухове, прикрывая границу и фланг шедшей на Смоленск армии от внезапного нападения крымских татар.

Догадываясь о неизбежности новой русской атаки на Смоленск, Сигизмунд I поставил во главе гарнизона деятельного и опытного воеводу Юрия Андреевича Сологуба. Но силы сторон были неравными и город пал после трехмесячной осады. Подробный рассказ о Смоленском взятии, написанный, как считается, со слов разосланных по северным русским

городам литовских пленных, содержится в обеих редакциях Устюжской летописи (списке Л.С. Мациевича и Архангелогородском летописце).

В начале летней кампании 1514 г., как и раньше русские загоны (высланные вперед отряды) ходили под Оршу, Мстиславль, Кричев и Полоцк, но главные силы (около 80 тыс. человек; 140 орудий) окружили Смоленск. Осада города началась 16 мая 1514 г. и продолжалась 12 недель. Участники событий вспоминали о метких выстрелах лучшего русского пушкаря Стефана, имя которого донес до нас Архангелогородский летописец: «И повеле князь великий пушкарю Стефану пушками город бити июля в 29 день, в субботу (так в тексте. – В.В.), на 3-м часу дни, из-за Днепра. И удари по городу болшею пушкою. И лучися на городе по их пушке по наряженой ударити, и их пушку разорвало, и много в городе в Смоленску люди побило. Того же дни на 6-м часу дни тот же Степан ту же пушку пустил, и много ядер мелких собра, и окова свинцом, и удари в другои. И того боле в городе люди побило. И бысть в городе скорбь велика, и начаша мыслити: битися нечем, а передатся не смеют короля деля. И князь великий повеле ударити в третьей, и того боле люди побило в городе».

О мощной бомбардировке Смоленска сообщают и другие источники. В Воскресенской летописи рассказывается, что русские воины «пушки и пищали болшие около города уставивши», а великий князь «повеле град бити с всех сторон, и приступы велики чинити без отдуха, и огненными пушками в град бити». Действие русской осадной артиллерии, когда, по сообщению того же источника, «земля колыбаться ... и весь град в пламени курения дыма мняшеся въздыматися ему», подорвала решимость литовского гарнизона. Начались переговоры приведшие к сдаче города, в который вступили русские полки.

* * *

Взятие Смоленска потрясло современников. Почти сразу же покорность московскому князю изъявили ближайшие города Мстиславль, Кричев и Дубровна. Воодушевленный этими известиями Василий III требовал от своих воевод продолжения наступательных действий и новых побед. На Оршу двинулось войско Михаила Львовича Глинского, на Борисов, Минск и Друцк – отряды Михаила Ивановича Голицы Булгакова, его брата Дмитрия Ивановича Булгакова и Ивана Андреевича Челяднина. Однако о планах русского командования стало известно противнику. Сообщил их Сигизмунду I сам князь Глинский, оставшийся недовольным отказом Василия III передать ему в наследственное владение Смоленское княжество. Об измене Михаила Львовича, готовившемся тайно отъехать в Литву, сообщил воеводе Михаилу Ивановичу Голице один из доверенных слуг Глинского. Изменник был схвачен, но, благодаря его сообщениям, русские планы уже стали известны в Литве. Узнав о численности, дислокации и маршруте движения 80-тысячного русского войска, Сигизмунд I оставив при себе в Борисове на «великой реце» Березине лишь 4 тыс. человек, остальное войско двинул навстречу полкам Михаила Голицы.

Командовал польско-литовской армией «великий воевода и славный и великоумный» гетман Константин Иванович Острожский. Под его началом было не более 35 тыс. человек. Внезапной атакой сбив два передовых русских отряда, стоявших на реках Бобре и Дрови, литовцы вышли к Орше. Накануне решающего сражения армии стояли по разные стороны Днепра. Имея численное превосходство, московские воеводы вели себя достаточно уверенно и, по-видимому, пытались воспроизвести обстановку, повторяющую детали победного для русского оружия Ведрошского сражения. Они не стали мешать литовцам наводить мост через Днепр и дали противнику возможность свободно переправиться на левый берег реки. По-видимому, русские воеводы уже в ходе сражения собирались обойти литовцев, разрушить мосты, отрезать противнику путь к отступлению, а затем прижать армию Острожского к Днепру и уничтожить. Но «славный и великоумный» гетман извлек урок из опыта про-

шлого поражения на Ведроши. Готовясь к сражению, литовцы подготовили артиллерийскую засаду и использовали эту ловушку во время одной из русских атак. Справедливости ради следует отметить, что успеху замысла гетмана Острожского способствовала вражда и соперничество московских воевод.

Сражение произошло 8 сентября 1514 г. Первым атаковал литовскую армию полк Михаила Ивановича Голицы, нанесший удар по левому флангу литовского войска. Противник устоял, вынудив нападавших отойти на исходные позиции. Тогда началась контратака литовской кавалерии и польской пехоты. М.И. Голице Булгакову срочно потребовалась помощь, «но Иван Андреевич (Челяднин. – В.В.) в зависти не поможет князю Михаилу и не бьется с литвою в ту пору. И бившеся много и разступившеся розно. И вдруг литва пришла на Ивана Андреевича, и начать Иван Андреевич своим полком биться с литвою, а князь Михаилу Ивану Андреевичу не поможет. И бившеся много и разступившеся, а силы паде на обоих ступех обоих стран много. И в третье наступиша литва на князя Михаила на Голицу, и бьется князь Михаилу с ними своим полком много. И Иван Андреевич в ту пору князя Михаила выдал, а сам побеже, а литва начаша одолять князю Михаилу, и одолеша, и многих воинов и князей и бояр поимаша, а иных на бою убиша...». Впрочем, бежавший И.А. Челяднин также был пойман и пленен. Позднее он умер в литовском заточении. Русскую конницу, в этот решительный момент сражения попытавшуюся атаковать правый фланг армии Острожского, противник встретил огнем расположенных в засаде артиллерийских орудий, стрелявших навесным огнем («Литовцы, отступив умышленно к тому месту, где они поместили воинские орудия, направляют их против преследующих врага московитов и поражают задний ряд их, расставленный для подания помощи, но слишком плотно друг к другу, приводят их в замешательство и разгоняют в разные стороны. Этот неожиданный способ войны наводит страх на московитов, которые считали, что в опасности находится только первый ряд, борющийся с врагом: придя от этого в смущение <...> они обращаются в бегство»). Понеся тяжелейшие потери, русская конница была отброшена к реке Кропивне и почти вся уничтожена на ее крутых берегах.

По литовским данным под Оршей русские потеряли, в общей сложности, убитыми до 30 тысяч человек. Эти сведения, приведенные в послании Сигизмунда I магистру Ливонского ордена, призваны были произвести благоприятное впечатление на возможного союзника. Ряд обстоятельств заставляет усомниться в точности приведенной королем цифры. Так, в этом сообщении говорилось о пленении 8 главных воевод, 37 других военачальников и 1500 дворян. Но в других литовских источниках приводятся иные сведения о взятых в плен во время Оршинской битвы русских командирах и служилых людях. Достаточно информированный автор Летописи Рачинского отмечает, что под Оршей было захвачено помимо 35 воевод 380 детей боярских, но добавлено, что «простых людей, которых живых поимали, нельзя и выписать множества для». В «Именной росписи московских пленников» названы 8 русских дворян, но при сопоставлении их со списком, приведенным в Летописи Рачинского (и Евреиновской летописи) совпадают лишь имена военачальников Федора Кобца, Филиппа Ивановича Киселева и Ивана Андреевича Еропкина. При этом не упоминаются попавшие в плен главные русские воеводы: Михаил Иванович Голица Булгаков, Дмитрий Иванович Булгаков и Иван Андреевич Челяднин. По-видимому, «Именная роспись» представляет собой лишь один из списков захваченных в плен русских воевод и голов дворянских сотен.

Тем не менее, факт сокрушительного разгрома русской армии в сражении под Оршей очевиден, и результаты его не замедлили сказаться. Все три города, перешедшие под власть Василия III в начале августа 1514 г. после падения Смоленска – Мстиславль, Кричев и Дубровна – вновь отложились от Москвы. Заколебались и смоляне. В городе возник заговор, во главе которого встал уже упоминавшийся выше епископ Варсонофий. Он послал к Сигизмунду письмо, с обещанием сдать город. Но планы Варсонофия и его единомышлен-

ников были разрушены решительными действиями нового смоленского наместника и воеводы князя Василия Васильевича Немого Шуйского. С помощью местных жителей он раскрыл заговор и, не дожидаясь решения государя, находящегося тогда в Дорогобуже, велел казнить изменников, пощадив лишь самого смоленского владыку (позднее он был сослан в Каменский монастырь на Кубенском озере). Замешанные в заговоре «князи смоленские и паны» были повешены на крепостных стенах, на «ослядех», на виду подошедшего к городу литовского войска. К телам казненных привязали подарки, полученные от великого князя: «Которому князю смоленскому князь великий дал шубу соболью с камкою или з бархатом, того и в шубе повесил; а которому князю или пану дал ковш серебряной или чарку серебряну, и он, ему на шею связав, да и того повесил; котово князя смоленскаго или пана пожаловал, того с тем и повесил». Остальные горожане и гарнизон, руководимые энергичным Шуйским, бились твердо, отразив все литовские приступы. Острожский вынужден был отступить, оставив Смоленск в русских руках. Его действиям мешала начавшаяся зима и принявший массовый характер отъезд воинов из армии. Воспользовавшись неудачными действиями гетмана, московские воеводы нанесли удар на другом направлении. Псковский наместник Андрей Васильевич Сабуров 28 января 1515 г. назвавшись перебежчиком, бегущим от Василия III к Сигизмунду I захватил Рославль и, разграбив его, с большим «полоном» вернулся обратно.

В течение следующих двух лет Москва и Литва воздерживались от широкомасштабных действий. Хотя в 1515 г. русские полки ходили к Мстиславлю и Витебску, а в 1516 г. из Белой снова к Витебску, – это были небольшие рейды, не принесшие особых результатов. Московскому государству требовалось время, чтобы оправиться от тяжелого оршинского поражения. Кроме того, русскому правительству необходимо было определиться в отношениях с Крымом, где к власти после смерти хана Менгли-Гирея пришел его сын Мухаммед-Гирей, известный враждебным отношением к Москве. Внимание Москвы отвлекала и сложная ситуация в Казани, где тяжело заболел хан Мухаммед-Эмин. В свою очередь, нападение литовцев на Гомель в 1516 г., совершенное малыми силами, также легко отбили прикрывавшие рубеж русские войска. Сигизмунду Старому в эти годы было не до большой войны с Москвой, так как войско одного из крымских «царевичей» Али-Арслана, несмотря на союзнические отношения, установившиеся между королем и крымским ханом Мухаммед-Гиреем, напало на литовское пограничье, сорвав готовившийся поход к Смоленску.

Все же, спустя год Сигизмунд I решил перейти в решительное наступление, сосредоточив в Полоцке армию под командованием гетмана Константина Острожского. Действия литовцев и поляков поддерживали крымские татары. Их согласие напасть на московские «украины» было щедро оплачено прибывшим в Бахчисарай литовским послом Ольбрахтом Мартыновичем Гаштольдом. Летом 1517 г. 20-тысячное крымское войско напало на тульские места, но русское командование, заранее извещенное о готовящемся вторжении, успело сосредоточить здесь многочисленные войска. Разошедшиеся по тульской земле татарские «загоны» были атакованы и разгромлены полками воевод Василия Семеновича Одоевского и Ивана Михайловича Воротынского. Пути отступления начавшему отходить в степь противнику перерезали «пешие люди украинные», которые «дороги засекли и многих татар побили». Неудачей закончился набег татар на Северскую землю, совершенный в ноябре 1517 г. Отряд Михаила Даниловича Янова, одного из воевод Василия Ивановича Шемячича, настиг и разгромил крымцев за рекой Сулой.

Стремясь использовать обострение обстановки на южной границе Московского государства король, в сентябре 1517 г. двинул свою армию из Полоцка к Пскову. В состав ее входила и наемная пехота (жолнеры) под командованием пана Свирцовского. Отправляя войска в поход, Сигизмунд попытался усыпить бдительность Василия Ивановича, начав с ним переговоры о мире. С этой целью в Москву были направлены маршалок могилевский Ян

Щит и писарь Богуш, задержанные в Дорогомилове до конца литовского наступления. Очень скоро выяснилась ошибочность решения о наступлении на Псковщину. Под стенами первой же небольшой русской крепости Опочки польско-литовская армия вынуждена была надолго остановиться, не решаясь оставить этот, обнесенный деревянными укреплениями, псковский пригород в своем тылу. Оборонял Опочку небольшой гарнизон под командованием Василия Михайловича Салтыкова-Морозова. Осада города, презрительно названного литовцами «свиным хлевом», затянулась, уничтожив главное преимущество литовского вторжения – внезапность. Острожский подошел к крепости 6 октября 1517 г., и после бомбардировки двинул войска на штурм, рассчитывая легко овладеть городом. Однако защитники Опочки упорно оборонялись и отразили плохо подготовленную литовскую атаку. По-видимому, тогда и был убит «ляцкий большой воевода» Сокол. Понеся огромные потери, Острожский не решился на повторный штурм и приступил к осаде, ожидая прибытия подкреплений и проломных пушек. Войска гетмана попытались овладеть другими псковскими пригородами, но спешившие на помощь Опочке русские рати разбили несколько литовских отрядов. Князь Александр Владимирович Ростовский разгромил 4-тысячную неприятельскую заставу, Иван Андреевич Черный Колычев уничтожил 2-тысячный литовский полк, а Иван Васильевич Ляцкий разбил два еще более крупных отряда противника – 6-тысячную заставу, стоявшую в 5 верстах от главного лагеря Острожского, а затем войско воеводы Черкаса Хрептова, шедшего на соединение с гетманом под Опочку. Русские захватили все бывшие у противника пушки и пищали и взяли в числе пленных самого воеводу Хрептова, его брата Мисюря, Ивана Зелепугу «и иных» литовских воинов.

Удачные действия русских воевод вынудили Острожского 18 октября 1517 г. начать поспешное отступление к своему рубежу, оставив под Опочкой «воинское устройство», в том числе осадную артиллерию.

Провал завоевательных планов Сигизмунда стал очевидным, однако переговоры, возобновившиеся между русскими и литовскими дипломатами (после победы под Опочкой 29 октября 1517 г. миссия Яна Щита и Богуша все же была принята великим князем), также зашли в тупик. Уступать требованиям послов и присоединившегося к ним в качестве посредника императорского посланника С. Герберштейна и возвращать Литве Смоленск Василий III не собирался. После провала переговоров возобновление войны оказалось неизбежным.

Первой нанесла удар русская сторона. В июне 1518 г. новгородские и псковские полки во главе с Василием Васильевичем Немым Шуйским и его младшим братом Иваном Васильевичем Шуйским выступили из Великих Лук. Перейдя границу, русское войско начало наступление на Полоцк – один из крупнейших городов Великого княжества Литовского, важнейший опорный пункт на его северо-восточном рубеже. Этот поход был предпринят в ответ на прошлогоднее нападение литовских отрядов на псковские пригороды. На других направлениях действовали войска Михаила Васильевича Горбатого, совершившие набег на Молодечно и окрестности Вильны, Семена Федоровича Курбского, ходившего с ратью к Минску, Слуцку и Могилеву, Андрея Дмитриевича Курбского и Андрея Борисовича Горбатого, отряды которых опустошили окрестности Витебска.

Однако под Полоцком русскую рать ждала неудача. Осада и артиллерийский обстрел этой мощной крепости не дали результата. Укрепления, усиленные в начале XVI в. устояли. Немаловажную роль в успешной обороне города сыграла построенная в 1501 г. прочная бревенчатая стена, тянувшаяся от правого берега Западной Двины до левого берега Полоты и прикрывавшая Великий посад с востока. Осада затягивалась, у стоявших под Полоцком новгородцев и псковичей стали заканчиваться припасы. Кроме того, подоспевшее литовское войско воеводы Волынца (по-видимому, Яна Боратынского) уничтожило переправившийся через реку Полоту на фуражировку большой русский отряд, вынудив Василия Шуйского снять осаду и уйти к своей границе. О неудачном нападении новгородской и псковской рати

на Полоцк упоминал и С. Герберштейн, сильно преувеличивший размеры русского поражения.

В 1519 г. русские развернули наступление в глубь Литвы, к Орше, Молодечно, Могилеву, Минску, дойдя до Вильны. Помешать этим действиям литовцы не могли. Почти одновременно в южные районы Великого княжества Литовского и Польши началось вторжение 40-тысячной татарской армии Богатыр-Салтана. 2 августа 1519 г. в сражении под Соколом ею было разбито 20-тысячное войско гетмана К.И. Острожского.

В полосе русского наступления крупных сил у литовцев не было, поэтому они довольствовались обороной хорошо укрепленных городов и замков. Штурмовать их московские воеводы не пытались, ограничившись разорением всей восточной части Литовского княжества. Нападения русских войск продолжались и в 1520 г. Эти успешные рейды, а также начавшаяся война Польши с Тевтонским орденом 1521—1522 гг., вынудили Сигизмунда I возобновить переговоры и согласиться уступить Руси Смоленскую землю. В мирной передышке нуждалась и Москва, пережившая в 1521 г. один из самых страшных татарских набегов. Присутствие войск требовалось на южных и восточных рубежах, которым продолжали угрожать новые крымские и казанские нападения, поэтому Василий III вынужден был заключить перемирие, отказавшись от части своих претензий к Литве. Это касалось, прежде всего, вопроса о возвращении пленных и требования присоединении к своему государству Киева, Полоцка и Витебска. Договор о пятилетнем перемирии между Московским государством и Великим княжеством Литовским был подписан 14 сентября 1522 г. литовскими послами полоцким воеводой Петром Станиславовичем Кишкой, подскарбием Богушем Боговитиновичем и писарем Иваном Горностаевым. Несомненным успехом русской дипломатии стало перечисление в перемирной грамоте среди русских городов Смоленска, завоеванного в 1514 г. Литва вынуждена была согласиться с потерей территории в 23 тыс. км² и населением в 100 тыс. человек. Но вызволить из плена воевод, большинство которых попало к литовцам после битвы под Оршей, не удалось. Литовская сторона лишь пообещала избавить пленных от оков. Большинство узников окончили свои дни на чужбине, не выдержав суровых условий содержания в литовских замках. Тяжелее всего приходилось пленным, находившимся в Новгороде-Литовском («А оброку им ничего не дают, только что сами про Бога выпросят») и Берестье («о страву стоскнут велми: не будет ли жалованья господарского? Не можем дей стрывати с голоду»). Чуть лучше содержались пленные в Киеве и Слониме, но в последнем городе узники были «вси покованы». Содержавшиеся в оковах в Вильне Иван Челяднин и его товарищи принуждены были просить денежной помощи у имперского посла Сигизмунда Герберштейна, посетившего пленных по дороге в Москву. Согласно «Реестру вязней московских» (список русских пленных), составленном в 1538 г., в различных литовских замках и дворах находилось 166 человек, из которых больше половины (84 человека) — участники «Великой битвы» (Оршинского сражения) 1514 г. К этому времени умерло 163 пленных и в их числе именитые воеводы: И.А. Челяднин, И.Д. Пронский, Ф.М. Киселев, князь Б.В. Ромодановский, Д.В. Китаев, Д.А. Плещеев, С.И. Годунов и др. На переговорах 1542 г. Москва предлагала за возвращение своих пленных воевод уступить Литве город Дроков, однако королевские послы требовали более значительных территориальных. Из перечисленных в «Реестре» узников, на родину, помимо названных в документе 26 беглецов, посчастливилось вернуться лишь очень немногим. Одним из них был князь М.И. Голица Булгаков, командовавший русской ратью в Оршинской битве. Он был отпущен в Россию только в 1551 г. В литовском заточении воевода провел около 37 лет, пережив почти всех своих товарищей по плену.

7. Русско-литовская («Стародубская») война 1534—1537 гг.

К настоящему времени в исторической науке сложились две полярные точки зрения на отношения, существовавшие между Москвой и Литвой в 20-х гг. XVI в. А.А. Зимин и А.Л. Хорошкевич оценивали их как достаточно стабильные, особенно после продления в ноябре 1526 г. еще на 6 лет Московского перемирия 1522 г. Это событие якобы позволило обоим государствам переключить дипломатическую и военную активность на другие направления. Считалось, что несколько осложняли русско-литовские отношения лишь «мелкие пограничные споры». К сожалению, такие суждения затушевывают реально существовавшие между Москвой и Вильной противоречия, наличие которых подтверждают многие источники. Иная точка зрения на проблему была высказана М.М. Кромом, убежденным, что в конце 1520-х гг. Василий III готовил так и не состоявшийся поход в Литву, а в 1531—1532 гг. вынашивал план нападения на Киев, почему-то оставшийся нереализованным. Свои выводы исследователь подкрепляет данными источников. Среди них он выделил разрядную запись 1528 г. о действительно имевшей место посылке воевод на «литовские крайны», подчеркивая, что «это – единственный разряд такого рода за целое десятилетие». Кроме того, им проанализированы собранные и опубликованные И.А. Малиновским в начале XX в. документы, сообщавшие о готовившемся в самом начале 1530-х гг. русском нападении на Киев. Несмотря на подтверждение своих доводов документальными свидетельствами, М.М. Кром дает им в первом случае явно расширительное толкование, так как посылка воевод на границу могла быть связана с одной из многочисленных литовских «шкод» в русских порубежных местах. Встречающиеся в документах противной стороны указания на подготовку захвата Киева, по нашему мнению, свидетельствуют лишь о гипертрофированных литовских страхах по случаю некоторых мероприятий московских воевод по укреплению своего пограничья, связанных со строительством нового замка в 7 милях от Киева «на Десне на горе Остры». Впрочем, историк прав в другом – все приведенные факты решительно опровергают предположения о стабилизации обстановки на западных московских рубежах. Взаимные территориальные претензии сторон продолжали осложнять отношения между Москвой и Литвой, порождая обстановку недоверия и вражды. Все же, из-за частых татарских нападений тех лет Московское государство вряд ли вело тогда подготовку большой войны с Литвой. Но для сохранения напряженных отношений между Москвой и Вильной вполне хватало непрекращающихся столкновений и конфликтов за сопредельные спорные земли, которые, вопреки мнению А.А. Зимина и А.Л. Хорошкевич, вовсе не были «мелкими пограничными спорами». Источники сообщают о частых нападениях войск с той и другой стороны на порубежные волости. Особенно крупный размах они приняли в 1529 г., когда русские отряды, перешедшие литовскую границу на северском ее участке, увели с собой многих местных жителей. В сообщении о произошедшем весной 1531 г. русском нападении на Кричевскую волость, речь уже шла о вторжении большого войска из нескольких тысяч воинов.

Несмотря на столь напряженную обстановку на границах, стороны не были готовы к эскалации военных действий, а следовательно проявляли заинтересованность в продлении перемирных лет при постоянном обсуждении территориальных претензий друг к другу. В то же время удовлетворение их и полномасштабное урегулирование межгосударственных отношений было невозможно – Москва не собиравшись идти на уступку приобретенных в прежние годы городов, Литва – отказываться от них; компромисс в этом отношении был невозможен. Все попытки заключить сколько-нибудь длительное соглашение блокировалось, так как согласие одной из сторон подписать его подразумевало обязательный отказ другой стороны от прав на спорные «волости, земли и воды». При первом же удобном случае оба государства готовы были возобновить за них борьбу. 25 декабря 1532 г. истек

срок шестилетнего перемирия, заключенного в ноябре 1526 г. в Можайске. В марте 1532 г. в Москву прибыли литовские послы Матвей Янович и Василий Чиж, предложившие русской стороне заключить «вечный мир» с условием возврата Смоленска. Требования литовцев были отвергнуты. После долгих посольских споров участники переговоров решили продлить перемирие, но всего лишь на год, до 25 декабря 1533 г. После истечения срока действия это временное соглашение, скорее всего, было бы также продлено, но неожиданное обстоятельство повлияло на дальнейшие планы Вильны. В ночь с 3 на 4 декабря 1533 г. умер великий князь московский и владимирский Василий III. На престол взошел Иван IV – старший сын покойного государя, которому к этому времени едва исполнилось 3 года.

В сложившейся ситуации московскую власть не могла не волновать судьба истекающего менее чем через месяц (25 декабря 1533 г.) перемирия с Литвой. Урегулировать возникшую проблему поручено было кн. Тимофею Васильевичу Бражникову-Заболоцкому, который 27 декабря отправился с важным посольским поручением в Литву. Он должен был известить Сигизмунда I о вступлении на престол нового великого князя, и предложить ему возобновить мирные отношения. Однако расчеты русских политиков не оправдались. Король узнал о начавшейся в Москве беспощадной борьбе за власть между различными придворными группировками, которая усугублялась стремлением части высшей знати вернуть себе бывшие уделы и привилегии. Следует отметить, что масштабы этой борьбы значительно преувеличивались литовскими информаторами. Сигизмунд I и его советники, стремясь использовать удобный случай, в конце января 1534 г. задумали силой вернуть потерянные ранее Смоленскую и Северскую земли. Спешно созванный в феврале 1534 г. сейм утвердил решение начать военные действия против Московского государства. Т.В. Бражникову-Заболоцкому были вручены ответные грамоты ультимативного содержания о том, что дальнейшие переговоры «о братстве и приязни» станут возможными лишь при условии возвращения к статьям и духу мирных докончаний Казимира IV с Василием II и молодым Иваном III. Москва проигнорировала литовские требования, и отношения между двумя государствами пресеклись.

В Литве началась спешная подготовка к войне, для ведения которой требовались значительные средства. Сейм, приняв решение о начале военных действий, ввел на три года специальный налог – «серебщину», призванный собрать необходимую сумму для найма жолнеров. На 23 мая 1534 г. в Минске был назначен сбор шляхетского ополчения, в дальнейшем неоднократно переносившийся. Это обстоятельство надолго задержало выступление литовского войска в поход.

Впрочем, и русские войска не выдвигались на западные рубежи. 8 мая крымские татары совершили набег «на рязанские места, на Проню», который был успешно отбит отрядом князя Семена Федоровича Хрипунова. Однако правительство, опасаясь нового большого вторжения степняков, держало свои главные силы именно на южной «украине». Любопытная картина распределения русских войск в начале лета 1534 г. вырисовывается из подробного рассказа бежавшего из плена польского жолнера Войтеха из Познани. По дороге в Литву он прошел сложным маршрутом: Москва – Коломна – Кашира – Серпухов – Таруса – Калуга – Воротынский – Серенск – Мещовск – Мосальск – Дорогобуж и далее мимо Смоленска к границе. Из увиденного Войтехом становится ясно, что лучшая часть русской армии стояла опасаясь татарского набега «на берегу, на Коломне: князь Иван Бельский, [д]а князь Михайло Кислица, [д]а князь Федор Хованский, [д]а шурина князя Глинского, князя Ивана Немого сын; тех, поведает, своими очима видел, бо их добре знает. А на Кошири стоят: князь Микита Оболенский, [д]а два брата Хованский, князь Петр, [д]а князь Иван. В Серпухове стоит князь Семен Бельский, [д]а Иван Лядский. А в Боровску стоит князь Андрей, брат князя великого, а при нем сорок тысяч людей». Как видно из этого перечисления, южная граница была прикрыта надежно. Гораздо хуже обстояло дело с обороной границы на западе,

где с опозданием, но заканчивалось формирование литовской армии. «А здеся от Литовского рубежу, – сообщал Войтех, – нигде людей не поведает, только в Дорогобуже семьсот детей боярских лежит. А на Вязьме не ведает колько есть людей, а теж поведил, иж слышал, штож не великии люди».

Еще слабее была прикрыта граница с Литвой со стороны Пскова. Один из перебежчиков, «дьяк больший» наместника псковского Дмитрия Семеновича Воронцова Родион, подробно информировал новых хозяев о малочисленности находившихся здесь русских войск. Хуже всего дело обстояло в Опочке, прославившейся героической обороной в прошлую войну. В крепости находилось всего 15 детей боярских «старых, которые вжо не могут на службу ездити». С целью укрепления обороны этого участка границы, псковичи «наняли без ведома великого князя полтораста пищальников и до Опочки послали».

Однако поставленный во главе литовской армии гетман Юрий Николаевич Радзивилл не спешил выступать в поход и не воспользовался слабым прикрытием русской границы. Между тем ситуация на рубеже начала меняться. 22 июля 1534 г. стоявшее у Боровска войско Андрея Ивановича Старицкого, численность которых бежавший из московского плена жолнер Войтех определял в 40 тыс. человек, было переброшено к Вязьме. Отдельные отряды из этой рати встали в Дорогобуже и Смоленске. Вскоре о дислокации русских войск и о планах командовавших ими воевод литовские власти получили самые точные и подробные сведения. В начале августа 1534 г. два видных русских военачальника Иван Васильевич Ляцкий и Семен Федорович Бельский, командовавшие полками расположенными в Серпухове, бежали из России в Литву с частью своих слуг (по сообщению Евреиновской летописи отряд перебежчиков насчитывал «400 коней»). Причины побега воевод ясны не до конца, но вскоре после этого временная опала обрушилась на Михаила Львовича Глинского, Михаила Юрьевича Захарьина (двоюродный брат Ивана Васильевича Ляцкого), Дмитрия и Ивана Федоровичей Бельских (родных братьев Семена Федоровича Бельского), Ивана Михайловича Воротынского и его сына Ивана. Связь арестов в Москве и бегства двух родственников опальных князей и бояр (Михаил Юрьевич Захарьин был видным деятелем правления Василия III, по свидетельству наблюдательного Герберштейна, одним из его главных советников) несомненна. Арест вышеперечисленных лиц призван был продемонстрировать готовность московских властей в зародыше пресекать измену в своем государстве.

Тем временем литовское войско, командование которого было воодушевлено переходом на свою сторону хорошо известных прошлыми победами полководцев, готовилось нанести первый удар по русской территории. Местом сосредоточения главных сил противника стало село Дулебы Любошанской области. Армия, собранная здесь в середине августа гетманом Радзивиллом, насчитывала 40 тыс. человек. Однако разделение ее на три корпуса, существенно ослабило боевые возможности литовских войск, так как два из этих корпусов должны были первоначально действовать на разных направлениях, а третий – прикрывать их наступление и собственную территорию. 19 августа 1534 г. в поход на Северскую землю выступило войско киевского воеводы гетмана дворного Андрея Немировича (в русских источниках Андрей Немиров) и Василия Чижа. Затем под Смоленск пошли полки Ивана Вишневецкого и Андрея Коверского. Отряд под командованием самого Ю. Радзивилла остался в Могилеве, выполняя функцию стратегического резерва.

В начале сентября 1534 г. литовскому нападению подвергся Стародуб, посады которого при получении известия о приближении противника были выжжены своими же городовыми приказчиками. Столкновение, произошедшее здесь между литовцами и русскими войсками, закончилось победой отряда стародубского воеводы Федора Васильевича Овчины Телепнева. В плен к победителям попали около 50 наемных солдат и гетман жолнерский Суходольский. Более удачным для литовского войска стал набег на Радогощ, в окрестностях которого Немировичу удалось разгромить рать новгород-северского «загородного» намест-

ника князя Ивана Ивановича Барбашина. Следствием литовской победы стал захват Радогоща, сожженного затем противником. Об упорном сопротивлении защитников крепости свидетельствует гибель в огне пожара местного воеводы Матвея Лыкова. Победа под Радогощем стала единственным успехом войска Немировича и Чижа в этом походе. Нападения, совершенные их отрядами на Почеп и Чернигов, были отбиты, после чего действовавшая на Северщине часть литовской армии ушла на соединение с корпусом Ивана Вишневецкого под Смоленск.

Войска князей И. Вишневецкого и А. Коверского вступили в русские пределы 13 сентября 1534 г. Подойдя к Смоленску, главной цели похода, они осадили город, приказав своим воинам поджечь посады. Именно в это время литовцев контратаковали войска смоленского наместника князя Никиты Васильевича Хромого Оболенского, которые «посаду им жечь не дали и отбили их от города». Вскоре противник, узнав о приближении «великого князя воевод», отступил. Оторвавшись от преследования литовские воеводы «в свою землю к Могилеву в целости пришли до домов своих».

По-видимому, у Сигизмунда I сложилось явно преувеличенное представление о результатах действий своих войск и он, не ожидая ответного русского нападения, 1 октября 1534 г. распустил армию, оставив лишь 3 тыс. человек для охраны пограничных крепостей.

Отступлением и роспуском литовского шляхетского ополчения немедленно воспользовались воеводы русских северо-западных пограничных городов, организовавшие ответный набег на вражескую территорию. Во главе выступившей в поход рати встали псковский и луцкий наместники Дмитрий Семенович Воронцов и Дмитрий Федорович Черета Палецкий. Пройдя в глубь Литвы на 300 верст до Долгинова и захватив большой полон, воеводы отошли назад; один из русских отрядов под командованием князя Ивана Шуйского доходил тогда даже до Витебска.

Этот наделавший много шума набег стал прелюдией готовившегося вторжения большой русской армии в пределы Великого княжества Литовского. Для похода русское командование собрало все наличные силы, пользуясь зимней передышкой на южных и юго-восточных рубежах. Как считали современники, в наступлении участвовало до 150 тысяч воинов. Операция была тщательно спланирована и получила одобрение высшего руководства страны на состоявшемся в ноябре 1534 г. заседании Боярской Думы. В нем принимал участие митрополит Даниил – один из наиболее доверенных советников правительницы Елены Васильевны Глинской. Уже 28 ноября 1534 г. главные силы армии под командованием князей Михаила Васильевича Горбатого Кислого и Никиты Васильевича Хромого Оболенского покинули Москву и направились на запад к Можайску.

Войска сосредоточивались и на других направлениях. В декабре в районе Опочки собрались полки новгородского наместника князя Бориса Ивановича Горбатого и Василия Андреевича Шереметева. Действуя на двух направлениях, русские воеводы должны были соединиться на неприятельской территории и одной ратью воевать владения Сигизмунда I. Северским воеводам, собранным в Стародубе под командованием князя Федора Васильевича Овчины Телепнева и князя Ивана Тимофеевича Глухого Тростенского предстояло действовать самостоятельно.

Под Смоленском и Опочкой наступление началось одновременно – 3 февраля 1535 г. Стародубская рать пошла «в литовскую землю на всеедной же неделе, февраля в 5 день». Синхронность действий трех русских армий свидетельствует не только о тщательной проработке всех деталей операции, но и о высокой мобилизационной готовности вооруженных сил Московского государства, их способности выполнять боевую задачу даже в самое суровое время года. Тщательно продуманы были условия предстоящего соединения смоленской и новгородско-псковской армий. Детали этого плана сохранились в наказе воеводе Михаилу Васильевичу Горбатову «с товарыщи», привезенном в Можайск дьяком Афанасием Федо-

ровичем Курицыным. Документ гласил: «нечто почаяют дела, и ноугородским воеводам и людям быти с ними вместе, большому полку быти з большим полком, передовому полку быти с передовым полком, правой руке воеводам быти с правою рукою, левой [руке] с левою, сторожевому полку с сторожевым полком; а царевичу и Канбар мурзину сыну и городецким татаром быти у передового полку на праве».

Литовцы ничем не могли помешать начавшемуся в первых числах февраля вторжению русских войск. Они предпочли укрепиться по городам и обороняться за стенами своих крепостей. Московские воеводы, не пытаясь ими овладеть, опустошая сельскую округу на сотни верст вокруг. 14 февраля 1535 г. войска Михаила Васильевича Горбатого Кислого, шедшие от смоленского рубежа через Дубровну, Оршу, Друцк и Борисов, соединились у Молодечно с полками Бориса Ивановича Горбатого, разорившими полоцкие, витебские и брянские места «и до Вилны за 40 верст не дошедше».

От Молодечно русская рать «поворотила» на север и пошла к своей границе, «жгучи и вьюючи и секучи и в плен емлючи; и вышли воеводы великого князя все на Опочку на Псковскую землю все здрави с великим полоном; а пришли из Литовские земли на Опочку марта 1-го».

Стародубская рать Ф.В. Овчины Телепнева и И.Т. Глухого Тростенского прошла по неприятельским землям до Новгорода Литовского и благополучно вышла на свою сторону к Чернигову 23 февраля 1535 г.

Ущерб, нанесенный экономике Литвы, был велик. Продолжать войну с Москвой без польской помощи Великое княжество Литовское было уже не в состоянии. Польский сейм с пониманием отнесся к призывам поддержать союзное государство. На помощь литовцам союзники направили 7-тысячное войско во главе с лучшим польским полководцем Яном Тарновским. Наняли воинов на литовские деньги, для чего Вильне пришлось значительно увеличить «серебщину». Всего было нанято 5000 жолнеров, 2000 жолнеров поляки выставили «за свои пенези».

Большие военные приготовления Литвы и Польши не остались незамеченными в Москве. Но русские воеводы, приняв ряд необходимых мер, все же не смогли предугадать направления главного удара армии гетманов Ю.Н. Радзивилла и Я. Тарновского¹¹. Наступление противника ожидалось на западном рубеже под Смоленском. Поэтому армия под командованием князя Василия Васильевича Шуйского, князя Даниила Дмитриевича Пронского (в Большом полку) и князя Ивана Федоровича Овчины Телепнева и князя Федора Михайловича Курбского (в Передовом полку), выдвинулась из Можайска через Смоленск к литовскому Мстиславлю. Осада крепости, несмотря на успешное действие русской артиллерии («вежу над ворота и неколко городен [и]з дел (пушек. — В.В.) збили»), закончилась безрезультатно. Отступив от Мстиславля, полки В.В. Шуйского повоевали окрестности Кричева, Могилева, Шклова, Орши, Дубровны и других литовских городов.

Важная диверсия была задумана и осуществлена русскими на северо-западном рубеже. Новгородско-псковская рать воевод Бориса Ивановича Горбатого, Михаила Семеновича Воронцова, дворецкого Ивана Никитича Бутурлина, Михаила Ивановича Кубенского и Дмитрия Семеновича Воронцова пришла к Опочке. Войско заняло позицию у рубежа на реке Чернице. Дальше в «литовскую землю» пошел полк И.Н. Бутурлина, который в районе озера Себежа за три недели «поставил» город и «устроил его пушками, и пищальми, и всем нарядом

¹¹ Важные сведения о подготовке нового неприятельского похода в русские пределы сообщили московским властям люди из окружения беглых воевод И.В. Ляцкого и С.Ф. Бельского, вернувшиеся от них с повинной назад. По Воскресенской летописи: «прибежали из Литвы от великого князя изменников, от Семена от Белского да от Ивана от Лятцкого, их люди, а сказывали великому князю. Что король собрал свои люди многие да и понаймывал многих людей иных земель, а посылает великого князя вотчины воевать Смоленских мест». Упоминание о подготовке наступления на смоленском участке границы, по-видимому, и ввело в заблуждение русское командование.

и запасом хлебным, как ему мочно быти». В честь юного великого князя Ивана IV новую крепость называли Ивангородом, однако впоследствии она была переименована в Себеж. В состав ее гарнизона вошли новгородские и псковские дети боярские, начальствовали над которыми воеводы И.М. Чулок Засекин и А.Ф. Тушин. Укрепив город, русское войско ушло к реке Чернице, где стояли главные силы.

Сигизмунд I, узнав об активности русских на западном и северо-западном участках границы, поспешил нанести главный удар в другом месте – на юго-западе, в направлении крепостей Гомель и Стародуб. На этот раз он тщательно рассчитал свои силы и добился значительного успеха.

16 июля 1535 г., на третий день осады, перешедшей границу литовско-польской армии удалось овладеть Гомелем, на помощь которому не успели подоспеть «прибылые люди». Город подвергся сокрушительному орудиному обстрелу, не выдержав которого местные «черные люди» потребовали от гомельского наместника князя Дмитрия Дмитриевича Щепина-Оболенского сдать крепость противнику. За исполнение этого требования в Москве князь был признан изменником и заточен в Свибловой стрельне (башне).

Воодушевленная первым успехом неприятельская армия продолжила наступление. 30 июля она подошла к Стародубу – крупному городу и хорошо укрепленной крепости. Многочисленный гарнизон под командованием опытного воеводы Федора Васильевича Овчины Оболенского, упорно сопротивлялся, отбивая атаки врага. Осада Стародуба литовцами и поляками затянулась почти на месяц: «и под Стародубом стояли четыре недели и не могли ево достати». В Москве было принято решение помочь осажденному городу. На помощь ему двинуты были войска с южной «украины», но 18 августа 1535 г. начался большой крымский набег на Рязанскую землю и «людей своих, которых послал к Стародубу против литовских людей, князь великий велел воротить на берег ко Оке-реке». Стародубский гарнизон мог рассчитывать только на свои силы, но складывать оружие русские воеводы и воины не собирались.

Чтобы разрушить городские укрепления, противник впервые за всю историю русско-литовских войн решил применить минное оружие. Работами руководил «разум Ербурд», под началом которого более 300 человек копали галерею длиной 200 сажен «под стену городовую, и когда подкопали и подложили зелия (порох. – В.В.) под стену з бочками, а зажгли кнотом и выкинуло четыре городни в неделю на святого Ивана. В тот же час все ляхове кинулись с вороны к тои дире, и москва начала боронитися, и была битва над тою диною». Штурмующим не просто было проникнуть в город, несмотря на широкий пролом, образовавшийся в месте взрыва («городни» – фрагмента городской стены, состоящие из срубов, засыпанных землею с камнями). Им необходимо было преодолеть крепостные ров и вал. Именно для этого «ляхове» (поляки. – В.В.) использовали «вороны», предположительно двух типов: ящичные (специальные подъемные механизмы в виде колодезного журавля, на конце которого крепился ящик с воинами) и крюковые – для разрушения стены и расчистки завалов.

Воевода Ф.В. Овчина Оболенский дважды выбивал атакующих из города, затем попытался прорваться через вражеский лагерь и уйти, но у литовского обоза («телег кошевых»), противник окружил и уничтожил его отряд. Сам Федор Васильевич попал в плен. Город Стародуб был взят врагом и полностью разрушен. Пленных служилых людей победители перебили: «Детей боярских гетман полский Торновский велел стинати (казнить. – В.В.) из станов вывода и стинали их тот де[нь] целыи, и много трупов мертвых стиненых лежаще до тысяче»¹². Жизнь сохранили только князю Ф.В. Овчине Оболенскому и еще некоторым

¹² В Степенной книге содержится уникальная запись о том, что после взятия Стародуба литовцами «многие людие утекоша, инии же побииени быша, прочии же пленени» (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 632). Однако, это сообщение вряд ли достоверно,

пленникам. Согласно сведениям «Реестра московским вязням», в заточении в литовских замках находилось менее 20 узников, приведенных из Стародуба, в их числе – несколько детей боярских и слуг (владычных и самого князя Федора Васильевича Овчины Телепнева).

Потеря Стародуба вынудила русское командование очистить близлежащий Почеп. Находившийся там гарнизон и местные жители сожгли свой город и отступили к Брянску, где разворачивалась армия, срочно направленная сюда «по стародубским вестям» из Москвы. По инерции литовско-польские войска продвинулись вперед, заняли пепелища Почеп и Радогоща, но затем отступили на свою территорию.

Опасаясь неизбежных ответных действий русских воевод, в особенности страшившей их зимней войны, литовские власти уже в сентябре 1535 г. обращаются к Москве с предложением начать мирные переговоры. Действовали они осторожно, зондируя почву через пленного воеводу князя Ф.В. Овчину Оболенского, чей двоюродный брат Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский занял выдающееся положение при дворе вдовствующей великой княгини Елены Васильевны Глинской, правительницы Московского государства. Начавшиеся вскоре переговоры с определенными трудностями, но продвигались вперед.

Воспользовавшись наступившей в военных действиях паузой, литовцы, решили ликвидировать опасное для них изменение линии границы по псковскому рубежу, где в июле 1535 г. была выстроена новая русская крепость Ивангород (Себеж). 27 февраля 1536 г. 20-тысячное войско киевского воеводы Андрея Немировича и полоцкого воеводы Яна Глебовича осадило Себеж. Русские устроили вылазку и, отеснив часть литовского отряда на лед озера, уничтожили. Победители захватили богатые трофеи, в том числе знамена и «варганы» (по-видимому, сигнальные музыкальные инструменты) После поражения литовское войско сняло осаду и поспешно отошло от города. Во время боев под Себежем «из сороковых пищали» был убит один из литовских воевод «пан Воитек Николаев». В честь победы Елена Глинская велела заложить в Себеже церковь Живоначальной Троицы.

Несмотря на достигнутый в боях за Себеж успех, московская сторона, озабоченная угрозой нападения со стороны Казани и Крыма, не могла перейти к активным наступательным действиям. Значительная часть русского войска уже зимой 1535/36 г. (сбор войск был закончен 20 февраля 1536 г.) была сосредоточена в Нижнем Новгороде, чтобы действовать против казанских татар, отряды которых доходили «от [этого] города за 10 верст».

Тем не менее, определенная активность русских сил отмечалась и на западных границах. Так, в январе 1536 г. «велел князь великий поставити во Ржевском [уезде] на Литовском рубежи град землян, а нарек его Заволочие». Весной этого же года на прежнем месте восстанавливается разрушенный литовцами и поляками в 1535 г. «град Стародуб», а 19 апреля начинается строительство в Торопецком уезде крепости Велиж, законченное в июле 1536 г. Тогда же из отстроенного Стародуба ходил с войском в поход на Любеч воевода князь Иван Васильевич Горенский, а под Витебск выступили полки князя Ивана Ивановича Барбошина. Опустошив окрестности этих городов, воеводы вернулись на свою территорию.

Расчет литовских властей на быструю и победоносную войну не оправдался. Королевская казна была пуста, посполитое рушение собиралось плохо. Учитывая эти обстоятельства, Сигизмунд I принял трудное решение завершить затянувшуюся войну. В июле 1536 г. он прислал в Москву своего личного посланника кревского наместника Никодима Яновича Тихоновского, привезшего опасные грамоты для русских великих послов. В качестве ответного шага бояре отправили в Вильну своего посланника – сына боярского Тимофея Константиновича Хлуденева, с опасными грамотами для литовских великих послов. Король и его советники уступили первыми, и в ноябре 1536 г. Т. К. Хлуденев вернулся с сообщением

в условиях штурма покинуть город большому числу людей вряд ли возможно. Воевода Ф.В. Оболенский, с немногими остававшимися при нем людьми, хотел прорваться из гибнущей в огне крепости, но отряд его был окружен и перебит, а сам он захвачен в плен.

о прибытии в Москву к Рождеству литовских великих послов полоцкого воеводы Яна Глебовича, витебского воеводы Матвея Яновича и писаря Венцеслава. Посольство несколько задержалось и вступило в русскую столицу 12 января 1537 г.

На начавшихся тогда в Москве мирных переговорах литовская сторона потребовала передачи Вильне Новгорода и Пскова, а также включения в условия мира статей старого dokonчания, заключенного еще в 1449 г. Василием II и Казимиром IV. Русская сторона выдвинула к Литве свои контрпретензии, требуя возвращения не только захваченного в ходе последней войны Гомеля, но и Киева, Полоцка, Витебска. Уступать в решении принципиальных вопросов стороны не захотели и, как обычно заключили перемирие. Оно было подписано 18 февраля 1537 г. сроком на 5 лет и вступало в силу 25 марта этого же года. Согласно статьям Московского перемирия 1537 г., Гомель и гомельские волости отошли к Литве; города Себеж и Заволочье, а также Долысская волость – к Московскому государству.

По истечении установленного в 1537 г. срока перемирия, в Москве вновь начались переговоры с литовскими послами воеводой полоцким Яном Юрьевичем Глебовым, старостой мельницким Николаем Яновичем Тихоновским и писарем Николаем Николаевичем Ондрущевым. Новое русско-литовское соглашение было подписано 25 марта 1542 г., возобновив перемирие еще на 7 лет. Вновь продлили его 13 февраля 1549 г. На этот раз ставший обычным спор из-за пограничных территорий был осложнен нежеланием литовских послов воеводы витебского Станислава Петровича Кишки, маршалка Яна Юрьевича Комаевского и писаря Глеба Ясманова признать новый «царский» титул московского государя.

8. Борьба Московского государства с татарскими набегами в первой трети XVI в.

После свержения Абдул-Латифа в Казань был возвращен его старший брат Мухаммед-Эмин, который, несмотря на явные симпатии к России, военным путем восстановил полную независимость своего государства, что подтвердил договор, заключенный между Московским государством и Казанским ханством в марте 1507 г. Тем не менее, мирные отношения, ненадолго омрачившиеся войной 1505—1507 гг., были восстановлены, а после смерти бездетного Мухаммед-Эмина 18 декабря 1518 г. была возобновлена политическая зависимость Казани от Москвы. 29 декабря к великому князю Василию III прибыло посольство Кул-Дербыша, сообщившее о смерти хана и просившее пожаловать их новым государем. Ближайшими родственниками умершего «царя» являлись его сводные братья. Но Худай-Кул (Куйдакул), 21 декабря 1505 г. принял православное крещение под именем Петра Ибрагимовича и поэтому потерял право на казанский престол. Других сводных братьев покойного из династии крымских Гиреев видеть на Волге не желали московские власти, боявшиеся воплощения в жизнь мечты Мухаммед-Гирея об объединении всех татарских ханств под властью крымских «царей» и возникновения постоянной угрозы для Руси со стороны могучей степной державы. Выбор был сделан в пользу тринадцатилетнего касимовского царевича Шах-Али, внука Бахтиара, родного брата хана Большой Орды Ахмета. Отношения Москвы с крымским ханом Мухаммед-Гиреем, настаивавшим на кандидатуре своего брата Сагиб-Гирея, были окончательно испорчены. Назревала большая война, грянувшая в 1521 г.

К этому времени обстановка на южных русских «украинах» стала накаленной. Крымские набеги начались здесь в 1507 г., в разгар очередной русско-литовской войны. Однако постигшая татар неудача, в результате которой их отряды бежали, преследуемые московскими воеводами до реки Рыбницы, вынудила крымцев на время отказаться от дальнейших нападений. Возобновились они только в 1512 г.

Именно тогда (в конце 1511 – начале 1512 г.) стал формироваться чрезвычайно опасный для Московского государства союз Крымского ханства с Литвой и Польшей.

В мае 1512 г. сыновья Менгли-Гирея Ахмед-Гирей (Ахмат-Гирей) и Бурнаш-Гирей – «со многими людьми» предприняли первую настоящую попытку прорвать оборону южных границ и вторгнуться в глубь русской территории. 8 мая 1512 г. из Стародуба от князя Василия Ивановича Шемячича в Москву пришло сообщение о подготовке татарами нападения на его «отчины». Василий III направил на Северу, к реке Брыни на помощь В.И. Шемячичу войска под командованием князя Михаила Даниловича Щенятева. Однако по дороге их пришлось повернуть к реке Угре, так как отряды крымских царевичей, миновав стародубские земли, «пришли вборзе на украину, на белевские и на одоевские места». На помощь М.Д. Щенятеву был направлен с новыми войсками его отец Даниил Васильевич Щеня. Пытаясь воспрепятствовать дальнейшему продвижению татар, русские полки выдвинулись не только на Угру, но и к Кашире и Серпухову. Однако конные отряды противника постоянно меняли дислокацию, уходя из-под удара великокняжеских войск. 15 мая 1512 г. Д.В. Щеня, подтверждая прежние сообщения, писал великому князю, что «татарове на украину, на одоевские места и на белевские пришли», уточняя: «иные татаровя, отделяся, пошли вниз на олексинские места и на Коломну, и на Волкону». Отдельные крымские отряды достигли тогда окрестностей Алексина и Воротынска. Из Москвы к Тарусе были направлены новые полки во главе с удельным князем Андреем Ивановичем Старицким и окольничим Константином Григорьевичем Заболоцким. Войска князя Юрия Ивановича Дмитровского усилили оборону Серпухова, а князя Ивана Васильевича Шуйского послали на Рязань. Все эти порядком запоздалые мероприятия оказались тщетными. Командовавшим крымским войском «царевичам» Ахмед-Гирею и Бурнаш-Гирею удалось благополучно уйти в степь, уведя огромный полон.

Этот урок не прошел даром. Отозвав в Москву Д.В. Щеню и М.Д. Щенятева, Василий III приказал организовать плотную оборону южной «украины», для чего на реке Угре сосредоточили войско князя Михаила Ивановича Голицы Булгакова и конюшего Ивана Андреевича Челяднина. Им был адресован наказ, интересный упоминанием пищальников и пососных людей, которых воеводы должны были «розделить по полком, сколько, где пригоже быти на берегу». В случае нового нападения воеводы, «посмотря по делу», должны были контратаковать противника на тульском и зарайском направлениях.

Сосредоточение войск на Угре и некоторых других «украинных» местах оказалось достаточно своевременным: еще трижды в 1512 г. татары вторгались в русские пределы.

В июне отряды царевича Ахмед-Гирея пытались совершить набег на окрестности северских городов Брянска, Путивля и Стародуба, но в произошедшем здесь столкновении с русскими войсками потерпели тяжелое поражение, отступив «в малых людях». В июле 1512 г. к границам Рязанской земли подошло войско Мухаммед-Гирея. Однако, узнав, что на реке Осетр стоит с полками князь Александр Владимирович Ростовский, татары поспешили отступить. Русские воеводы преследовали их до реки «Сернавы» (р. Чернава, приток р. Быстрая Сосна), а по другим сведениям, даже «за Дон до Тихой Сосны», а затем возвратились к своим границам.

Еще одно нападение произошло осенью 1512 г., когда русские воеводы его уже не ждали. 6 октября войско крымского царевича Бурнаш-Гирея внезапно вышло к Рязани (Переяславлю-Рязанскому). Захватив острог и разграбив рязанский посад, татары осадили крепость, гарнизон которой упорно сопротивляясь, не мог помешать врагу опустошать окрестные волости. Через три дня с большим полоном крымские отряды ушли в степь.

Как выяснилось позднее все три татарских набега были совершены по тайным просьбам и наводам литовской стороны и привели к началу самой длительной русско-литовской войны 1512—1522 гг. Вести эту тяжелую десятилетнюю кампанию Москве приходилось

с постоянной оглядкой на татарское порубежье. По-видимому, далеко не случайно первый поход на Смоленск состоялся зимой 1512/13 г. Василий III пытался использовать затишье на крымской «украине» и добиться быстрой победы над Литвой. Его планы не оправдались, и в конце февраля московские рати отступили. 17 марта 1513 г. великий князь и бояре приняли решение о подготовке нового похода к Смоленску, который должен был состояться летом этого же года. На сей раз предстояло учесть фактор возможной татарской агрессии. Для «украинного береженья» на южной границе встали: в Туле (впервые вновь построенной здесь крепости) полки князя Александра Владимировича Ростовского, Михаила Юрьевича Захарьина и Ивана Михайловича Воротынского, на Угре – Михаила Ивановича Голицы Булгакова и Ивана Васильевича Овчины Телепнева (из состава этой рати был выделен большой отряд под командованием князей Ивана Федоровича Ушатого и Семена Дмитриевича Серебряного, направленный под Стародуб для прикрытия Северной земли). Несмотря на принятые меры, татарам все же удалось пройти цепью своих загонов по путивльским, брянским и стародубским местам. Это обстоятельство задержало Василия III в Боровске до 11 сентября 1513 г., когда им были получены достоверные сведения об отступлении крымцев в степь. Только после этого великий князь пошел под Смоленск, взять который опять не смог. Лишь во время третьего похода 29 июля 1514 г. русские смогли овладеть городом. Однако и во время третьего смоленского похода произошло отвлечение части московских сил для организации обороны южной границы. Войсками, сосредоточенными на этом рубеже, командовал князь Дмитрий Иванович Углицкий. Русские полки стояли в Туле и на Угре. Северскую «украину» прикрывали вотчинные армии Василия Ивановича Шемячича и Василия Семеновича Стародубского, осенью 1514 г. отразившие нападение на свои земли царевича Мухаммед-Гирея, в войске которого были кроме татарских воинов «польского короля воеводы с людьми и пушками и пищальями».

В марте 1515 г. крымские и литовские войска повторили нападение на Северскую «украину». Вместе с татарами Мухаммед-Гирея действовали отряды киевского воеводы Андрея Немировича и Евстафия (Остафия) Дашкевича. Крымско-литовская армия безуспешно осаждала города Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, а затем отступила, захватив большой полон. В обстановке продолжающейся войны с Великим княжеством Литовским московское правительство попыталось урегулировать этот конфликт мирным путем. Однако смерть Менгли-Гирея, последовавшая 13 апреля 1515 г., еще более осложнила русско-крымские отношения. На ханский престол взошел Мухаммед-Гирей, хорошо известный своим враждебным отношением к России, на «украины» которой он не раз ходил походами. В Москве о смерти старого хана и вступлении на престол «сына его болшего», в старорусском произношении «Магмет Кирея», стало известно только 29 мая 1515 г. Встревоженный полученными известиями Василий III уже через день выезжает со своими главными воеводами в Боровск, лежащий неподалеку от крымской «украины» и литовского рубежа. Там и нашел его крымский посол Янчура Дуван. 1 сентября 1515 г. он вручил великому князю ультиматум, в котором обещание «дружбы и братства» сопровождалось требованием передать крымскому «царю» северские города: Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Почеп, Карачев и Радогощ. Кроме этого, московской стороне надлежало отпустить в Крым казанского царевича Абдул-Латифа и возратить Литве Смоленск. Условия ханского «запроса» были неприемлемыми, поэтому Василий Иванович тянул с ответом на него. Только 14 ноября 1515 г. в Крым поехал Иван Григорьевич Мамонов. Почти все требования Мухаммед-Гирея были отвергнуты. Посол Василия III соглашался лишь на пожалование Абдул-Латифа одним из московских городов в кормление и предлагал хану совместные действия против Литвы.

Несмотря на достаточно твердо заявленный отказ подчиниться крымским требованиям, немедленного начала войны с Москвой не последовало. Мухаммед-Гирей попытался

использовать русскую помощь в борьбе с Ногайской ордой, но и в этом случае Василий Иванович сумел уклониться от выполнения ханского требования. Отношения двух государств продолжали ухудшаться.

Умножилось число татарских набегов; на приграничные русские уезды нападали небольшие крымские отряды, спешившие поскорее захватить «полон» и уйти в степь, но приближение большой войны с Крымом чувствовалось во всем. Отстрочить нападение могла лишь постоянная демонстрация силы и воинского умения ратных сил, сосредоточенных на границе «Поля». С этой задачей до поры до времени русские воеводы справлялись успешно, преследуя и уничтожая не только небольшие татарские отряды, отгоняя более крупные из них. 13 сентября 1515 г. азовский отряд под предводительством Аидышки-мурзы и Айги-мурзы напал на мордовские места, в конце осени – начале зимы следующего года эти же татары снова объявились здесь, охотясь за «полоном» и добычей. Вслед за ними готовился выступить в поход к русским границам «бий Исуп» (видимо Юсуф) с 5-тысячным отрядом. В июне 1516 г. на рязанские и мещерские места обрушился сын Мухаммед-Гирея Богатырь-салтан, на действия которого Москва в резкой форме жаловалась его отцу. Все эти нападения осуществлялись небольшими силами и без официальной санкции хана.

Более масштабным стал поход 1517 г., оплаченный литовским золотом. Впрочем, оказать нажим на Москву вынуждали Крым события в Казани, где умирал хан Мухаммед-Эмин, наследовать которому, по мнению Бахчисарая, должен был его брат Абдул-Латиф, живший в русской столице под бдительным присмотром многочисленной «почетной» стражи. Выпустить царевича в Крым или Казань московские власти не соглашались, поэтому Мухаммед-Гирей, помимо малоэффективных дипломатических мер, решил оказать на несговорчивого Василия III военное давление. Однако в любом случае Москва не собиралась возвращать Абдул-Латифа живым¹³. Крымское нападение лишь приблизило трагическую развязку этого дела.

О готовящемся вторжении русские власти знали заранее и сумели подготовиться к встрече татарского войска. Вел его Токузак-мурза (в летописи – Токузан-мурза. – В.В.) и другие мурзы из влиятельных родов Ширин и Мангыт. Под их командованием находилось 20 тыс. конных воинов. Русские полки во главе с воеводами князем Василием Семеновичем Одоевским, Михаилом Юрьевичем Захарьиным, князем Иваном Михайловичем Воротынским и князем Иваном Васильевичем Телепневым, стояли за Окой в Вошанской области («на Вошани»), под Алексином.

В августе 1517 г. войско Токузак-мурзы перешло русскую границу и «около Тулы и Беспуты начаша вьевати». Узнав о нападении татар, воеводы В.С. Одоевский и И.М. Воротынский направили против них отряд Ивана Тутьихина и князей Волконских «и велели им с всех сторон мешати татаром, да быша не вьевали, а сами вьеводы поидоша за ними на татар». Даже небольшой русский отряд представлял серьезную опасность для татарского войска, разделившегося на «загоны». Мурзы стали отходить в степь, но «наперед их зайдоша по лесом пешие многие люди украиные да им дороги засекоша и многих татар побиша; а передние люди от воевод (отряд И. Тутьихина. – В.В.) приспевше конные начаша татар топтати, а пешие люди украиные по лесом их бити, и Божиим поможением татар многих побиша, а иные многие татарове по рекам истопоша., а иных живых поимаша». В этом летописном сообщении чрезвычайно любопытным представляется участие в вооруженной борьбе местного населения («пеших людей украинских»), организованного в отряды, способные нанести серьезный урон многочисленному противнику, оказав тем самым существенную помощь

¹³ Царевич Абдул-Латиф умер 19 ноября 1517 г. и только мертвым был отпущен из Москвы. Его останки отвезли в Казань и там захоронили. – ПСРЛ. Т. 30. С. 143. Герберштейн сообщал в своих мемуарах об отравлении Абдул-Латифа ближайшим советником Василия III Михаилом Юрьевичем Захарьиным.

великокняжеским воеводам. Русские полки настигли татар «на Глутне на лесу и по селом, и по крепостем, и на бродех» и атаковали их. Понеся тяжелые потери, крымцы все же смогли прорваться в степь. В этих боях русским отрядам удалось отбить весь алексинский «полон». Из 20-тысячного татарского войска в Крым вернулось около 5 тыс. воинов: «И те пеши и наги и боси». В ноябре 1517 г. какие-то крымские отряды пытались напасть на северские места, но были настигнуты и разбиты за рекою Сулою войсками князя В.И. Шемячича, приславшего всех захваченных пленных к великому князю в Москву.

Поражение войска Токузак-мурзы вынудило Мухаммед-Гирея временно отказаться от планов подготовки крупного военного похода против Московской Руси. Он объявил, что мурзы ходили в набег на русские земли без его ведома, хотя сам недавно грозил Москве «быть с королем заодно на великого князя». Начать большую войну с Россией Мухаммед-Гирею мешали начавшиеся в ханстве усобицы. Против крымского «царя» выступил младший брат калга (наследник престола) Ахмат-Гирей, которого поддержал бейлик одного из самых знатных татарских княжеских родов – Ширин. Положение в Крыму стабилизировалось лишь в 1519 г., когда погиб мятежный калга, о чем Мухаммед-Гирей не замедлил известить Василия III.

Ослабление крымской угрозы позволило Москве провести серию удачных операций в Литве, однако в 1521 г. на Московскую Русь обрушилось одно из самых страшных татарских нашествий XVI в. Причиной очередного осложнения отношений между Россией и Крымом вновь стала ситуация в Казанском ханстве.

После смерти Мухаммед-Эмина русскому правительству удалось посадить на казанский престол касимовского царевича Шах-Али. 6 января 1519 г. в Казани побывали дворецкий Михаил Юрьевич Захарьин и дьяк Иван Телешов, добившиеся согласия мурз принять из рук Москвы нового хана. В Москву русское посольство вернулось в сопровождении мурзы Аби-базея, князя Булата из рода Ширина, «князя земского» Шайсуна и бакшея Базюки. 1 марта 1519 г. Шах-Али и послы дали Василию III клятву верности «за всех людей Казанские земли», а 8 марта отправились в Казань в сопровождении князя Дмитрия Федоровича Бельского, Михаила Юрьевича Захарьина и дьяка Ивана Телешова. В апреле этого же года Шах-Али взойшел на престол. Город и все ханство согласились принять избранника Москвы без войны. Новый хан стал править Казанской землей в полном согласии с находившимся при нем русским послом – сыном боярским Василием Юрьевичем Бушмой Поджогиним.

Восстановление русского протектората вызвало резкое неприятие у огланов и мурз, стремившихся к союзу с Крымом, власти которого законным наследником Казанского юрта считали Сагиб-Гирея, сводного брата умерших Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа. На руку им сыграла явная непопулярность Шах-Али среди простого народа, отмеченная еще Сигизмундом Герберштейном. Имперский дипломат отметил, что на престоле Шах-Али пробыл лишь 4 года (в действительности – 3 года), «встречая в своих подданных сильную ненависть и отвращение к себе. Это усиливалось еще от безобразного и слабого телосложения, ибо он был человек с выдающимся брюхом, с редкой бородою и почти женским лицом; все это показывало, что он отнюдь не пригоден к войне. Вдобавок к тому же, он презрел и пренебрег расположением своих подданных, был более надлежащего предан государю Московскому и полагался на иноземцев более чем на своих». Таким образом, в Казани возник заговор, во главе которого встал оглан Сиди, отправивший в Бахчисарай царевичу Сагиб-Гирею приглашение занять казанский трон, выступив против Шах-Али и русских. В апреле 1521 г. Сагиб-Гирей подошел к Казани с небольшим отрядом Мертек-мурзы, насчитывавшим всего 300 воинов. В городе вспыхнуло подготовленное «князями коромольниками» восстание. Находившийся в Казани русский отряд был перебит, великокняжеский посол В.И. Бушма Поджогин и русские купцы задержаны, Шах-Али с гаремом и немногими слугами изгнан. В мае 1521 г. Шах-Али оказался в Москве, где ему устроили торжественную встречу.

Сагиб-Гирей являлся полной противоположностью Шах-Али, воплощая идеал казанцев о мужественном и воинственном правителе, непоколебимом враге «гяуров». Оказавшись на престоле, он объявил войну Московскому государству. Новый хан договорился о совместных действиях с братом, крымским «царем» Мухаммед-Гиреем, поднявшим свои войска в поход.

О приближении большой войны в Москве знали и срочно выдвинули к южным границам войска. Во главе полков, вставших в Серпухове, находились князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Василий Васильевич Шуйский, Иван Григорьевич Морозов-Поплевин. Каширской ратью командовали князь Иван Данилович Пенков и князь Федор Васильевич Лопата Оболенский. Тарусу прикрывало войско князя Михаила Даниловича Щенятева и Ивана Михайловича Воротынского. В Коломне стояли отряды князя Юрия Андреевича Хохолкова и Никиты Михайловича Кутузова-Клеопина. На Угре должны были обороняться полки князя Василия Семеновича Одоевского, князя Семена Дмитриевича Щепина Оболенского и Андрея Никитича Бутурлина. На восточном рубеже войска под командованием князя Петра Дмитриевича Ростовского и Михаила Семеновича Воронцова встали в Мещере. Неподалеку от них на реке Мокше находились с полками князь Иван Михайлович Троекуров и князь Василий Ковер Кривоборский. В Муроме – князь Юрий Дмитриевич Пронский, князь Иван Иванович Щетина Оболенский, окольный Андрей Васильевич Сабуров), в Нижнем Новгороде – князь Андрей Дмитриевич Курбский и Федор Юрьевич Щука Кутузов. Войска, сосредоточенные в Рязани подчинялись рязанскому наместнику Ивану Васильевичу Хабару Симскому. Отряд Ивана Шамина был выдвинут к Стародубу.

Однако выбранная московскими воеводами тактика пассивной обороны на рубежах не помогла – слишком значительными были силы врагов. Наиболее опасным стало Московское направление, где наступал крымский хан Мухаммед-Гирей, к которому присоединился литовский воевода Евстафий Дашкевич. Пройдя Муравским шляхом между верховьями Ворсклы и Северского Донца, 100-тысячное крымско-литовское войско достигло Быстрой Сосны и, обходя Тулу, повернуло к границам Рязанской земли. Именно здесь неприятельская армия вторглась в русские пределы и, не останавливаясь, 28 июля 1521 г. подошла к реке Оке в окрестностях Коломны, где никто не ожидал их появления. Именно здесь татары «перелезли» Оку, вынудив находившийся в Коломне небольшой русский гарнизон, под командованием князя Юрия Андреевича Хохолкова, укрыться в своей крепости. Подоспевшие с большим опозданием к месту переправы от Серпухова и Каширы великокняжеские полки были разбиты, по-видимому, поодиночке, находившейся на московской стороне Оки огромной татарской армией. О тяжелых потерях, понесенных русскими войсками в этих боях, свидетельствует гибель великокняжеских воевод Ивана Андреевича Шереметева, князя Владимира Михайловича Карамышева Курбского, Якова Михайловича и Юрия Михайловича Замятниных и пленение князя Федора Васильевича Лопаты Оболенского. Главнокомандующим выдвинутой в южные города армией был молодой князь Дмитрий Федорович Бельский, который не прислушивался к советам находившихся у него в подчинении старых опытных воевод и бросал полки в бой на переправы у Коломны без всякой надежды на успех.

После поражения русские войска отошли и укрепились в городах, а победители начали разорять коломенские места, не торопясь двигаться дальше. Мухаммед-Гирей дожидался подхода казанского войска Сагиб-Гирея, сумевшего прорваться через границу, разорившего Нижний Новгород и окрестности Владимира и шедшего к назначенному пункту встречи – Коломне.

Соединившись, татарские войска стали выдвигаться в направлении Москвы. Василий III поспешил покинуть переполненную беженцами столицу и ушел в Волоколамск (возможно через село Микулино), оставив вместо себя шурина Петра Ибрагимовича, крещен-

ного татарского царевича Худай-Кула, – получившего полномочия начать мирные переговоры с крымским ханом.

Войска противника появились в окрестностях Москвы 1 августа. Они не спешили начинать осаду хорошо укрепленного города. Ставка Мухаммед-Гирея находилась на реке Северке в 60 верстах от русской столицы. Сам хан не приближался к ней, однако его отряды широко разошлись по окрестным местам. Военными действиями в непосредственной близости от Москвы командовал «царевич» Богатырь-Салтан, ставший лагерем в княжеском селе Острове. Татарские отряды захватили Николо-Угрешский монастырь «и много сел и деревнь пожгли, и коширский посад пожгли. И людей много и скоту в полон поведоша безчисленно». Просьба московских бояр начать мирные переговоры была воспринята ханом как капитуляция. Поэтому и главное требование, предъявленное русской стороне, заключалось в даче Василием III грамоты с обязательством быть вечным данником крымского «царя». По сути, речь шла о возрождении системы внешнеполитической зависимости по «уставу древних времен», то есть по золотоордынскому образцу. Тем не менее московские власти вынуждены были удовлетворить требования крымского хана и отослать к нему заверенный Василием III документ.

Получив грамоту, Мухаммед-Гирей, находившийся все дни, пока шли переговоры, в лагере между реками Северкой и Лопасней, 12 августа 1521 г. «пошел из земли назад». На обратном пути татарское войско подошло к Рязани. Хан, по совету литовского воеводы Евстафия Дашкевича решил хитростью овладеть этим городом. Став в окрестностях Рязани лагерем, крымский «царь» предложил горожанам выкупить часть полоняников¹⁴. Рязанскому наместнику Ивану Васильевичу Хабару Симскому был послан приказ явиться к хану с выражением покорности, как того требуют даннические обязательства его государя московского князя Василия III, признавшего зависимость от крымского «царя». Отказавшись покинуть крепость, Хабар Симский потребовал показать ему грамоту и действительно получил ее. Тем временем, татары и литовцы, решившие овладеть Рязанью во время очередного выкупа пленных, бросились к оставшимся открытыми городским воротам. К счастью, командовавший рязанской артиллерией немец Иоганн Иордан не потерял бдительности. Залп из поставленных за воротами орудий остановил атакующих и обратил их в бегство. После этой неудачи хан был вынужден отойти от Рязани, оставив в руках наместника выданную ему великокняжескую грамоту.

Несмотря на возвращение даннического обязательства, Московское государство находилось в крайне тяжелом положении. Земли к югу и востоку от Москвы были разорены, девятый год длилась трудная война с Литвой. В этих условиях повторение крымского и казанского нападения могло иметь катастрофические последствия для Руси. Необходимо было как можно быстрее завершить войну на западе и усилить оборону на юге и востоке страны. Одной из первых мер, призванных укрепить вооруженные силы, стало наказание допустивших «оплошку» воевод. При этом истинная степень вины, по-видимому, никого не интересовала. Опала, правда, достаточно легкая и непродолжительная, постигла наиболее опытных и заслуженных воевод. Более важной задачей стала организация надежной обороны южного рубежа. Ею занялся сам Василий III, в мае 1522 г. выступивший к расположенным в Коломне войскам. Ошибки прошлого были проанализированы и учтены. Великий князь увеличил количество войск, привлекаемых к защите южных «украин». Полки стали ставить не только по «берегу», а по всей южной границе, прикрывая самые опасные ее участки: Большой полк расположился под Девичем, Передовой полк – в устье реки Осетр, полк Правой руки – под Голутвиным, полклевой руки – напротив Ростиславля, Сторожевой полк – на Кашире. Тогда

¹⁴ Тогда в числе других полоняников был выкуплен из татарской неволи раненный в сражении на Оке воевода кн. Ф.В. Лопата Оболенский.

же начата была организация сторожевых застав, выдвинутых в степь в направлении Азова и по южным границам Северской «украины», а также строительство укреплений по линии будущей Большой засечной черты.

Присутствие на границе большой армии, усиленной переброшенными из-под Вязьмы полками, вынудило Мухаммед-Гирея отказаться от попытки повторения удачного похода 1521 года. На его решение, несомненно, повлияло и заключенное 14 сентября 1522 г. перемирие между Москвой и Литвой. Изменив планы, крымский хан в декабре 1522 г. двинул собранное им войско на Хаджи-Тархан (Астрахань). Весной 1523 г. ему удалось захватить город, изгнав астраханского хана Хуссейна. На помощь астраханцам пришли ногаи (мангыты), подозревавшие Мухаммед-Гирея в желании подчинить своей власти все степные народы. В 1523 г. ногайское войско Мамай-мурзы и Агиш-мурзы напало на лагерь крымского хана, с которым оставалось 3 тыс. воинов. Во время сражения перекопский «царь» и его сын «царевич» Богатырь-Салтан погибли, опустошительному набегу Ногайской орды подвергся Крымский полуостров. Обстановка стабилизировалась лишь осенью 1523 г., когда новым ханом при поддержке турецкого султана Сулеймана I стал Саадет-Гирей. Новому владыке Бахчисарая пришлось восстанавливать разрушенное врагом государство, на время забыв о походах на Русь.

У Московского государства остался один очень упорный и опасный противник – казанский хан Сагиб-Гирей. В начале осени 1522 г. он направил отряды подвластных ему татар и луговых марийцев на Галицкую землю. 15 сентября войска противника напали на стоявшую в Парфеньеве русскую заставу и перебили ее, а 28 сентября другой неприятельский отряд захватил монастырь в Унже.

Начавшиеся после этого московско-казанские переговоры закончились неудачей. Раздосадованный Сагиб-Гирей весной 1523 г. приказал казнить захваченных во время переворота 1521 г. русских купцов и великокняжеского посланника Василия Юрьевича Бушму Поджогина. Однако время для этого было выбрано явно неудачно. Вскоре после расправы над представителем Москвы хан узнал о разгроме и гибели своего брата Мухаммед-Гирея и разорении Крыма ногайцами. Казанское ханство оказалось один на один с двумя сильными врагами – Московским государством и Ногайской ордой.

Опыт неудачных казанских походов первых лет правления Василия III вынуждал его действовать наверняка. В августе 1523 г. в Нижнем Новгороде собрали большое войско, но прибывший туда великий князь не собирался рисковать и ограничился посылкой на Казань небольшой рати Шах-Али. По-видимому, поход призван был отвлечь силы татар от главного замысла русских воевод, заключавшегося в возведении на неприятельской территории нового опорного пункта, обезопасившего Нижегородский край от татарских вторжений.

Обе части великокняжеской армии действовали достаточно согласованно. В сентябре 1523 г. русские войска, перейдя пограничную реку Суру, вторглись на территорию Казанского ханства. Судовая рать, при которой находился Шах-Али, разорила черемисские и чувашские селения по обоим берегам Волги, дошла до предместий Казани, а затем, выполняя наказ великого князя, сразу же повернула назад. Конная рать, дойдя до реки Свияги, встретила на Итяковом поле с вражеским войском и атаковала его. Татары, не выдержав удара поместной конницы, бежали; многие из них утонули в реке. 1 сентября 1523 г. началось возведение русской крепости на правом, казанском берегу Суры, в месте впадения ее в Волгу. Согласно преданиям, крепость была построена на месте марийского поселения Цепель. Одновременно к присяге великому князю Василию III привели местных жителей – марийцев, мордву, чувашей; тысячи из них отправили в Россию в качестве заложников и пленных. Новую крепость назвали именем правящего великого князя – Василь-городом (современный поселок Васильсурск). Там был оставлен сильный гарнизон. Тем временем хан Сагиб-Гирей лихорадочно пытался перехватить инициативу в свои руки. 17 октября 1523

года он совершил новый большой поход на Галич. После неудачного штурма города и непродолжительной осады войско татар и подвластных им марийцев отступило, уводя множество пленных и разорив окрестные селения. Опасаясь ответного удара, Сагиб-Гирей направил в Крым к брату Саадет-Гирею посла, просившего прислать в Казань пушек, пищалей и янычар.

Предположение казанского «царя» оказались верными. В ответ на дерзкое нападение на Галич московские власти стали готовить поход русских войск на Казань. Во главе армии был поставлен «царь Шигoley». При нем находились воеводы Иван Федорович Бельский, Михаил Васильевич Горбатый и Михаил Юрьевич Захарьин, которые возглавляли Большой полк судовой рати и командовали всем русским войском. Действовавшей самостоятельно конной ратью командовали воеводы Иван Васильевич Хабар и Михаил Семенович Воронцов. Вместе с ними в поход должны были идти особо доверенные лица великого князя Иван Юрьевич Шигона Поджогин – имевший скромный чин «сына боярского», но с весомым добавлением «который у государя в думе живет», брат казенного в Казани посланника В.И. Бушмы Поджогина и дьяк Афанасий Курицын.

В поход судовая рать выступила 8 мая 1524 г. (за неделю до Троицына дня). Конная рать – 15 мая (на Троицын день). Международная обстановка складывалась очень удачно для задуманного нападения на Казанский юрт. В это время уже началось наступление на Крым 80-тысячной польско-литовской армии, в ходе которого «литовская, деи, сила Очаков разорила, а взяли, деи, его в два дни». Узнав о затруднительном положении крымского хана Саадет-Гирея и начавшемся вторжении на территорию своего государства русских ратей, Сагиб-Гирей спешно покинул Казань и бежал в Крым, чтобы, пробравшись в Турцию, просить помощи у султана. Но Саадет-Гирей приказал арестовать бежавшего перед врагом брата, назначив на его место своего 13-летнего племянника Сафа-Гирея.

24 августа полки конной рати на том же Итяковом поле у реки Свияги вступили в сражение с казанской армией. В жестокой сече русские воины «многих князей, и мурз, и татар, и черемису, и чювашу избиша, а иных князей и мурз многих живых поимаша».

Судовая рать высадилась под Казанью 3 июля 1524 г. Полки «стали на Царева лугу обострожився» и, не начиная осады, принялись ждать подхода конной рати. Казанцы, опасавшиеся соединения двух армий, 19 июля атаковали укрепившееся в остроге московское войско. Получив жестокий отпор, они продолжали блокировать не имевших конницы русских воинов в их лагере, время от времени повторяя нападение. Обстановка осложнилась, так как в войске Шах-Али и князя И.Ф. Бельского стали заканчиваться продовольственные запасы. На помощь им из Нижнего Новгорода выступила вторая судовая рать князя Ивана Федоровича Палецкого, имевшего под своим командованием 90 речных кораблей. На каждом строге находилось по 30 русских воинов. По-видимому, резервная флотилия была приготовлена заранее, с целью доставки продовольствия для стоявшей под Казанью армии в том случае, если осада города затянется. По берегу судовую рать сопровождал конный отряд из 500 воинов. Узнав о движении русских кораблей, черемисы подготовили засаду. Первым был уничтожен конный отряд, из состава которого спаслось лишь 9 человек. Затем во время ночной остановки противник атаковал флотилию князя Палецкого. Большинство русских воинов погибло или попало в плен. Лишь немногие корабли и среди них струг воеводы Палецкого ушли и смогли добраться до лагеря Шах-Али под Казанью. Вскоре туда же подошла и конная рать И.В. Хабар и М.С. Воронцова.

15 августа все русские полки соединились и начали осаду города. Однако заметных успехов воеводам добиться не удалось. Оставшиеся вне крепости казанские отряды совершали частые и неожиданные нападения на расположение русских войск. Московская армия находилась в постоянной, изматывающей простых воинов, готовности к отражению новых атак. Вскоре, осознав бесплодность своих усилий, воеводы начали переговоры с татарами,

согласившись снять осаду в обмен на обещание прислать казанских послов в Москву для заключения мира.

Поспешное отступление русских войск стало спасительным для Казанского ханства. Вскоре после их отхода на территорию этого государства вторглись ногайские отряды, разорившие южные пределы. Правительство юного хана Сафа-Гирея было остро заинтересовано в установлении мирных отношений с Россией. В ноябре 1524 г. в Москву прибыли казанские послы Аппай-улан и князь Бахты-Кият. Переговоры закончились успешно и стороны заключили договор, единственным условием которого стал перевод на русскую территорию Казанской ярмарки, проводившейся ежегодно 24 июня. В 1525 г. она открылась уже в Нижнем Новгороде. Торговый оборот главной волжской ярмарки значительно упал, что сказалось на прибылях русских и восточных купцов, однако еще больший урон понесло Казанское ханство, богатевшее на транзитной волжской торговле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.